

The Herzen State Pedagogical University of Russia

ВЗАИМОПОНИМАНИЕ В МНОГОЯЗЫЧНОМ МИРЕ: КУЛЬТУРА, ЯЗЫК, ПЕРЕВОД

Сборник статей в честь профессора

И.С. Алексеевой

FIGHTING THE FOG IN MULTILINGUALISM

A Festschrift in Honour of Irina S. Alekseeva

Edited by

Sergey Goncharov and Angelique Antonova

St Petersburg

Herzen University Press

2014

Content

Foreword by Sergey Goncharov

Section 1. Intellectual and Social Dimensions of Linguistic Mediation

Noel Muylle. *Cultural Environment and the Art of Linguistic Mediation*

Irina Alekseeva. Перевод как интеллектуальная игра (*Linguistic Mediation as a Mind Game*)

Barbara Moser-Mercer. *Interpreter Training and Adaptive Expertise - Learning From and With our Brain*

Tatiana Bodrova-Gogenmos. Обучение средствам выразительности в конференц-переводе в ESIT (*Teaching Expression Skills in Interpreting Classes at ESIT*)

Section 2. New Approaches to Interpreter Training

Konstantin Ivanov, Kate Davies, Boris Naimushin. *Teaching Simultaneous Interpretation with Text*

Magdalena Olivera Tovar-Espada. *Peer Supervised Training*

Angelique Antonova. *Quality Assurance System in Training Translators and Interpreters for International Organizations Developed in the St. Petersburg School of Conference Interpreting and Translations*

Section 3. The New Face of the Profession

Viktor Kabakchi. *Translators Fighting the Fog in the Ideological Confrontation 'Russia vs. the West'*

Viacheslav Kashkin. *From Analysis to Translation: a Roundtrip Journey?*

Vladimir Litus. *Visualisacion Reconstructiva Verbal Como Un Instrumento De La Redaccion Post-Traduccional*

Oxana Yakimenko. *Crowdsourcing in Translation: Global Trends and the Way it Works in Russian*

Yury Shashkov. *Nombres Antiguos En El Ruso Y El Espanol*

Section 4. Literary Translation: Going Beyond the Limits

Tamara Kazakova. *Accuracy and Diversity in Translation*

Aleksey Zherebin. Проблема перевода в герменевтическом освещении (*Literary Translation as a Hermeneutic Problem*)

Vera Bischitzky. «Волноваться, кипеть, гореть, не знать покоя и все куда-то двигаться...». Об отваге и удовольствии выманить летаргического Илью Ильича на Запад. По поводу нового перевода «Обломова» на немецкий язык (*Westward. Concerning the Venture and the Pleasure of Bringing the Shy and Lethargic Ilya Ilyich Oblomov out of his Shell. On Occasion of the New Translation of Oblomov into German*)

Aleksey Astvatsaturov. Слова и мысли Моцарта, звучащие по-русски (*Mozart's Words and Ideas sounding Russian*)

Alexandra Borisenko, Victor Sonkin. *Murder as a Teaching Device: Crime Story Anthologies as Testing Ground for Translation and Research. A Case Study*

Victor Sonkin. *Classics, Literalism, and Experimental Translation: the Case and Quest of Mikhail Gasparov*

Veronica Razumovskaya. *Joseph Brodsky: Practice of Self-translation and Translation Theory Views*

FOREWORD

«Взаимопонимание в многоязычном мире: культура, язык, перевод» and *Fighting the Fog in Multilingualism*. These two versions for the title of this book in Russian and in English are like a magnifying glass revealing the diversity and unity, the vagueness and precision, the abstract and everyday nature of the wide spectrum of phenomena that translation brings together. The idea for the English title, suggested by Noel Muelle, former head of the Directorate-General for Interpretation of the European Commission, was borrowed from the DGT's *Clear Writing Campaign*, and led to a vast number of Russian interpretations, both serious and not so serious: from «Нить Ариадны в лабиринте многоязычия» (*Ariadne's Thread in the Labyrinth of Multilingualism*) to «Ежики в тумане многоязычия» (*The Hedgehog in the Fog of Multilingualism*) – and they are all interpretations with many layers of allusion, with a metaphorical field that serves as a reminder, as it were, of how great and endless the heritage of verbal culture is, which has its life extended by the tool of translation.

The combination of pathos and irony, fundamental profundity and breath-taking simplicity of these interpretations implicitly refer the reader to the person without whom this collection would not exist: it was compiled in honour of the anniversary of Irina Sergeevna Alekseeva, and is in the classical genre of the *Festschrift*. This means that the world's finest specialists in the sphere of theory, methodology, and practice of translation, philosophy, cultural and literary studies, pupils and admirers, colleagues and fellow thinkers present Irina Alekseeva with their best scholarly works.

Irina Alekseeva graduated from the Department of German at Leningrad State University in 1975 with a graduation paper on German translations of *The Demon* by Mikhail Lermontov. Her Ph.D. thesis, completed in 1982, was also a study of translation, entitled *Stylistic Characteristics of Translations of Karolina Pavlova: German-Russian and Russian-German Parallels*. This was one of the first attempts to look at the problems of bilingualism and polylingualism (precisely the topic of this volume!), as well as an analysis of complex issues of interaction and perception of the poetic traditions of the two cultures. It should be noted that both papers were supervised by Andrei Fedorov, one of the founding fathers of Russian translation studies, a prominent translator and literary scholar.

In the 1980s, Irina Alekseeva wrote a number of works devoted to the analysis of artistic and journalistic styles, primarily epistolary style; took part in writing textbooks for students on textual analysis and the history of the German language; and at the same time established herself as a practicing translator, specializing in the translation of legal, medical, and patent texts. From 1980 to 1990, Irina Alekseeva attended seminars on the translation of German-language prose at the House of Writers, headed by Inna Streblova, and continued her productive association with Andrei Fedorov, which guided her in her search for her own path in the theoretical generalization of facts and phenomena of translation. In 1982, at Andrei Fedorov's recommendation, she began to give a course of lectures on translation theory, and hold lessons on practical translation at the Department of German at Leningrad State University. In these years, her first publications of translations of German literature appeared: Gottfried Keller,

E.T.A. Hoffmann, Hermann Broch (the first three with Marina Koreneva), Hermann Hesse, Robert Musil, and others.

In the late 1980s, Irina Alekseeva also began actively working in the field of interpreting, while also continuing and broadening her work as a translator. By the second half of the 1990s, she had already accumulated a considerable amount of material that allowed her to summarize the translation experience of several generations, and develop her own method for training interpreters, the main idea of which was to teach interpreting as a profession. Irina Alekseeva organized and taught a very popular intensive course in interpretation and established a comprehensive program at the Centre for Continuous Education at the Faculty of Philology of St. Petersburg State University, where from 1998-2008 she taught three courses (Translation History and Theory, Translator Training Methodology, and Interpreter Training Methodology). She also personally tested all those methods and techniques with the students of the Institute of Foreign Languages (St. Petersburg). Starting from 1998, Irina Alekseeva led dozens of seminars and workshops in translator and interpreter training all across Russia: in Cheboksary, Saratov, Samara, Volgograd, Arkhangelsk, Kaliningrad, Yekaterinburg, Kursk, Omsk, Krasnoyarsk, Izhevsk, Tomsk and many other locations. She also lectured extensively abroad: in Minsk, Kiev, Tbilisi, Dusseldorf, etc.

Irina Alekseeva's main methodical achievements are outlined in the book *Professional Training of Translators and Interpreters*, published in 2000, which has been through many editions, and quickly became a bestseller in Russia and in a number of other countries. The main merit of the book is indisputable: a systematic approach to training translators and interpreters, at the basis of which is the strategy of mastering translation as a professional activity. The simple style of describing even very complex concepts will remove any uncertainties experienced by novice translation teachers.

Her first book on teaching methods was followed by a series of textbooks on practical interpreting and translation: *Interpretation. German. Introductory Course* (2002), *Interpretation of Speeches* (2004) and *Translation. German* (2006). They were all based on Alekseeva's own personal experience in interpreting and translation, which continued to grow as the years went by (her translations include books on economics, history, law, memoirs, dozens of books by Austrian, Swiss and German authors, and folktales).

Time also allowed for more fundamental generalizations. In 2004, Irina Alekseeva published a long-planned work *Introduction to Translatology*, where she offers her own concept of translation theory. The book was preceded by dozens of scholarly articles and papers, in which Irina Alekseeva discussed practically all the main topical points in contemporary translation studies. After critically reviewing the entire spectrum of concepts of translation from different theoretical schools, Irina Alekseeva made her own contribution to the development of world translatology. It is sufficient to list the most important ideas:

- first, she was the first to define and describe theoretical translation universals, which indisputably proves the maturity and independence of the young science of translation;

– second, in examining a retrospective of the development of translation, she systematically structures the stages of the history of translation, presenting them as a succession of historically and socially conditioned dominating concepts of equivalence, and for the first time defines and describes in detail the concept of aesthetic equivalence (classical period), and distinguishes historical concepts and universal models of translation equivalence.

– third, Alekseeva is the first to systematize problems connected with studying the translation process, bringing them together in the division of procedural translatology (it is here that the theory of translation units and the theory of correspondences and transformations find their place – incidentally, the latter, in Irina Alekseeva's interpretation, is rid of its original vagueness and one-sidedness), and formulates tasks of this aspect of translation theory that have yet to be solved;

– fourth, on the basis of ideas of functional direction in translatology, she elaborates a theoretical direction of the translatology of the text, proposes a convincing typology of texts and creates a full description of every type of text that comes under this classification; this direction is described in more detail in Irina Alekseeva's 2008 monograph *Text and Translation: Issues in Translatology of Text*;

– fifth, for the first time Irina Alekseeva creates a systematic prescriptive description of the principles of professional ethics of the translator;

– sixth, she offers a fundamentally new formulation of the tasks of scholarly criticism of translation;

– seventh, and finally, she was one of the first scholars in Russia to take up the international trend of examining translation as an activity, and formulates in detail the contents of the strategy and technique of this activity, which makes it possible to unite theory and practice of translation consistently and seamlessly. On the basis of this, she forms a productive didactic model for training translators. It is this approach that leads Irina Alekseeva to the universal interpretation of research paradigms in translation theory, and she was the one who distinguished the static (language and translation), dynamic (text and translation), and active paradigms.

Irina Alekseeva's scholarly work is valuable above all because it offers plenty of possibilities for future studies, while her tireless practical work as a translator keeps her in touch with reality, as every idea is tested in practice.

It is this dedication to testing in practice that led Irina Alekseeva to accept an invitation from Herzen University to head the St. Petersburg School of Conference Interpreting and Translation in 2008, which crowned her efforts to implement conference interpreting and translation training in Russia. This project has allowed her to realize herself as a scholar, theorist, methodologist, practitioner, and organizer.

It happened that her 60th birthday coincided with the 5th anniversary of the School, and Herzen University chose to congratulate her and the School by organising a jubilee conference and this Festschrift in her honour. This anthology of scholarly papers dedicated to Irina Alekseeva reflects the combination of her areas of interest – cultural, applied, and genre-specific. Following the programme of the eponymous conference, that was held at Herzen University on 4-5 March 2013, the material in this Festschrift is divided into four sections.

The anthology opens with an article by Noel Muelle, which sets the tone for the entire book: the importance of conveying cultural meanings, the elegance of form in translation and its linguistic relevance, provides the perfect introduction to the diversity of articles that follow it.

The interpretation of translation as an intellectual game allows Irina Alekseeva not only to apply modern game philosophy to the phenomenon of translation for the first time, but also to describe the specific qualities of this game, such as its productive vocal harmony, which is in keeping with the ideas of Barbara Moser-Mercer, who finds a similarity in simultaneous interpreting with vocal performances accompanied by music, and in her article proposes to activate these resources of the human brain for the effective training of future simultaneous interpreters. The first section, devoted to the intellectual and social boundaries of translation, ends with an article by Tatiana Bodrova-Gogenmos, who gives a detailed description of the modern system for training interpreters at ESIT in the light of the 'theory of sense'.

The second section is devoted entirely to methods of teaching conference interpreting. Angelique Antonova, Konstantin Ivanov, Magdalena Olivera Tovar-Espada share their ideas about ways to achieve quality in training interpreters, finding a similarity of views between the Geneva and St. Petersburg schools, especially in the focus on practice.

The third section is devoted to the dynamic development of translation and the teaching of it in the present day – from crowd-sourcing (Oxana Yakimenko), to the modern specific nature of cultural realities (Viktor Kabakchi), and comparison of antique names in the Russian and Spanish languages (Yury Shashkov), and a wide range of translational analysis of text – a method to which Irina Alekseeva has made a considerable contribution. Methodologists will undoubtedly be interested in the article by Vladimir Litus about paraphrase as a method of post-translational editing.

An important place in the anthology is held by articles dedicated to contemporary problems of artistic translation – a traditionally strong and diverse field of translation theory in Russia (Section 4). There is discussion of aspects of the hermeneutic approach to translation in the article by the German studies specialist Alexei Zhrebina, a study of the phenomenon of precision (Tamara Kazakova), and an analysis of a translation of Mozart's letters into Russian (incidentally, the translations themselves are mainly by Irina Alekseeva) in an article by the renowned philosopher and philologist Alexei Astvatsaturov. Special mention should be made of the brilliant essays by Victor Sonkin and Alexandra Borisenko: one devoted to using detective stories as an effective tool in translator training, another being a detailed review of the views on translation by Mikhail Gasparov, a key Russian philologist of the 20th century. There is an exciting account of the renowned German translator Vera Bischitzky about the translation of Ivan Goncharov's novel *Oblomov* into German. The phenomenon of self-translation, based on the material of the works of Joseph Brodsky (Alekseeva's favourite poet, by the way), described in the article by Veronica Razumovskaya, makes a worthy finale to the anthology.

In conclusion, we all wish Irina Alekseeva an abundance of new ideas and research in all those spheres of translation and interpretation which will never cease to interest her, as well as new textbooks and manuals which are so sought after by numerous teachers of translation; we do hope that the St. Petersburg School of

Conference Interpretation and Translation headed by her will continue to successfully train new cohorts of young professionals... And may all these achievements create new opportunities for fruitful discussions and new projects in a variety of spheres of translation and interpretation – all for the benefit of this wonderful profession.

Prof. Sergey Goncharov, D.Phil.
First Vice Rector, Herzen University

SECTION 1.

INTELLECTUAL AND SOCIAL DIMENSIONS OF LINGUISTIC MEDIATION

Noel Myulle

CULTURAL ENVIRONMENT AND THE ART OF LINGUISTIC MEDIATION

Summary

Language mediation, transferring facts, meaning, intentions, mood, and tone is like painting: using words instead of colours with the ultimate aim: to attract, to convince, to deliver a message, a piece of conviction: strict when it comes to law and order, spontaneous when it comes to oral persuasion.

Yet, cultural environment as well as words influence and prepare the language communicator in delivering the final product, written or spoken: the rigor of details like in Canaletto's paintings, the blurred brushstrokes of Picasso, the normative setting of Malevich.

All involved in language transfers use their pencils and tempera hopefully to perfection: their mother tongue, one of the 6000 in the world, all different but equal in value and importance, and reflecting cultural divergences. To transpose concepts from one idiom into another presupposes knowledge but not only that, intelligence.

In a multilingual environment, but also in his own language, the mediator is often confronted with foggy texts and jargon, obscure reasoning, too many words, repetition; all this produced by non-native speakers, and presented without any quality control or editing.

Agility in wording and extended linguistic register, a broad horizontal approach will allow the translator and the interpreter to master the poetic beauty of Novalis but also to keep in pace with new economic and societal concepts, which should not come as a disturbing surprise.

Combining precision with elegance, taking on board 'the House style' of the client, clear writing and clear speaking is the key in communication. It cannot be left in the hands of dilettantes. This approach, this basic attitude should be at the heart of training programmes; the rest is lifelong learning.

Supported by new language ICT tools, the language artist will add value to text and speech and find his place in what is called the Language Industry with an annual turnover of EUR 8.7 billion in 2009 in Europe, the proof that multilingualism exists and that the language professions should be taken seriously and be properly rewarded.

«La pensée ne doit pas se plier devant la langue, la langue doit se plier devant la pensée.» This is a quote from my illustrious professors at the Sorbonne in the sixties – Danica Seleskovitch and Konstantin Andronikov – who captured in one sentence what this Forum is all about: 'Clear speaking, clear writing, fighting the fog in texts, concepts, and wording in a multilingual world with all its cultural layers, specifics, and divergences.'

Many take language professions for granted. They think it is simply a question of words, professions that belong to the 'soft humanities'. I assert that words, although we need them to discuss and communicate, are not that exclusive or important in the

process of language mediation; whereas the cultural environment, the roots and psychology behind the words, the context and those at whom the words are aimed are core in transmitting sense, intention and tone, combining knowledge and intelligence, the corner stones of clear writing, clear speaking and clear thinking.

Initiated by the biggest translation service in the world, the expert linguists in the Directorate-General for Translation of the European Commission, generating more than two million pages of translation into 23 languages per year, set up this campaign out of necessity, and I am glad that Herzen University accepted my suggestion to dedicate this Forum to this subject. How to value real speech, real dialogue between people and cultures? Through linguistic mediation – *urbi et orbi* – as Professor Sergey Goncharov put it in the Second St. Petersburg Cultural Forum, questioning the restricted role of the Homo Economicus, possibly a dead-end route for civilisation if left without enriching cultural references. I take pleasure in paraphrasing a little further Mr Goncharov's analysis: St Petersburg is intended to be a *grad*, the city of cities, not only a mere *gorod*, combining roots of Latin (*sanctus*), Greek (*petros*), Dutch and German (*burg*) origin.

Is this not the ideal place for new education syllabi for BA and MA degrees to prosper? Is this city not a perfect place, given its origins, to prosper in dialogue between academics, politicians, artists, and businessmen, and above all people giving birth to new national, international, and multilingual cooperation?

St. Petersburg, the international city for world congresses par excellence, the enlightened city where renewed cooperation with all its pride and sensitivity is reflected in conventions, agreements, texts, and contracts.

To make this happen in a mono-lingual context I would venture to say: the process should be relatively easy as long as we use a polished mother tongue, clear speech, and clear writing; but in a multi-lingual setting, since there is no 'universal lingua franca', believe it or not we call in a transmitter of messages. When direct understanding between stakeholders is not possible, then call translators or interpreters to them. Sometimes it happens too late, when something has gone wrong, when offence is taken or misunderstanding occurs. Only then attention is paid to quality language assistance, to the value of sense, emotions, shades, and tone, but also errors in simple facts and precise nuances in contracts in political and economic negotiations, in law etc.

Is it new to today? Not at all: from the Tower of Babel and the Greek Oracle in Delphi, it was Pope Clementius the IV and the French Kings who proposed already in the 15th century the establishment in Paris and Constantinople of a training programme of 4 to 5 years for *les enfants de langues*, the children of languages, the first interpreters and translators. They called them *drogman*, or 'go between', to facilitate cooperation and understanding between France and Turkey in the Orient.

This training was open to women as well, with a mandatory stay abroad in a foreign country where the language they studied was spoken. They studied law, the holy texts, logic and economics – the predecessor of the Erasmus Mundus programmes one could say, the start of the well-known School for Oriental Languages in Paris indeed. How modern this sounds to our ears.

Clear writing, clear speech in a globalising multilingual dialogue is becoming more complex thanks to sophisticated new concepts, blurred definitions, and opaque wording, sometimes voluntarily maintaining ambiguities for political and diplomatic reasons, thus unduly prolonging texts and debates.

How right was Mr William Hackett-Jones (and a little provocative) in quoting Roy H. Williams: “Wrap a small idea in many words and you will succeed in academia.” Should we perhaps also add ‘in politics’? And in the not so common ‘economic reasoning and financial systems’?

It reminds me of the well-known Belgian banker and financier Mr Albert Frère who said to his aides and learned assistants after the weekly board meetings: “Please, gentlemen, repeat all this jargon in clear speech so that people can understand what it is all about”. Or Jacques Delors our Past President of the European Commission to the cabinet: “Please give me two pages on the topic we will discuss, if you give me more I will not read them, and give the appendices to the Administration!”

As Gerard Ilg, Emeritus Professor at Geneva University and former Head of Interpreter Services of the European Central Bank puts it: “Why is it that in writing and speaking the locutor often repeats the same argument using replaceable and interchangeable words? Because he wants to be clear, he wants to convince, to be understood with all the nuances he put in his arguments”. Even in literature when Gide was bashed for always repeating the same thing he said: “I have to! It is absolutely necessary, because nobody listens anyway”.

I know nowadays that, under time constraints, machines and robots tend to replace men even in the field of language mediation: immediate access is offered to terminology and documents online, with speech-to-text, and automatic translation. But when it comes to the hidden pitfalls, built-in traps, or shall we say ‘diplomatic’ wording, things start to be more complicated. Concepts, opinions, definitions have to be deverbaised, as my masters said.

Let us go through a very simple example: how to translate into French ‘I know’

- Je sais – simple,
- Je ne suis pas sans avoir – more elaborate,
- J'ai conscience de – more thoughtful,
- J'ai connaissance de – neutral,
- Je suis au courant de – straightforward,
- je suis conscient,
- Il m'est revenu,
- Il m'a été rapporté,
- Je n'ignore pas – a bit learned.

Nine possibilities, although slightly different in tone, depending on the cultural context, as referred to in the beginning. We call this in learned academic terms ‘syntagmatics’ or ‘paradigmatics’.

The title of my topic could have been: ‘The Importance of Being Earnest about Translation and Interpreting’. Encouraging the future generations of language mediators to go for culture, empathy, arts, and knowledge first and foremost, before engaging in training, preparing the ‘canvas and tempera’ as I like to compare linguistic mediation to painting. But also to keep up to date with new economic and societal concepts where terms such as ‘irrational exuberance’, ‘short selling’, and ‘risk aversion’ should not come as a disturbing surprise. To learn from and with our brain as Barbara Moser-Mercer will tell us in her paper, to make Mozart sound Russian as our colleague Aleksei Astvatsaturov will tell us in his paper.

The language industry needs you as long as you deliver added value, deliver quality control over machine translation, assistance in dubbing films as an actor, in editing and proofreading to enhance quality in ready-made products – being precise and avoiding the superfluous. You will be in good company then as Voltaire wrote in 1734 in his major opus *Les Lettres Philosophiques*; “Stop the makers of literal translations, who by rendering every word weaken the meaning, and by doing so kill the letter, where the spirit gives life.”

At the opening of the 2012 Translation Forum Russia in Kazan, I referred to languages and multilingualism as a possible barrier to development aid, as has been analysed by recent research done by the CNRS – the French Centre for Scientific Research. Indeed, I have been working in Africa since 2008 for the UN in trying to set up MA training programmes for interpreters and translators. These are badly needed on a continent with many languages from colonial times but also with a wealth of over 2000 national tongues, all different but equal in value and charged with national pride. I have witnessed that well-intentioned development aid programmes incorporating ‘family planning’ concepts, a sensitive issue in any case, financed by France, were totally rejected by the people in Mali, because of the shocking, even offensive, translation of this concept into the Peul language.

I learnt about Amadou Hampaté BA, the illustrious Malian writer, ethnologist, ambassador, and translator who graduated from the great university of the spoken word thought in the shade of the baobab trees, as he said, adding “From all elements which characterise an individual, from physical appearance to clothing, language is the most obvious”.

And since I am not very familiar with your superb Russian language I personally needed assistance from excellent translators to read and learn about your Dostoyevskys, Turgenevs, and Tolstoys, your Russian culture and history.

And so will it remain in the future, I am sure.

Irina Alekseeva

ПЕРЕВОД КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИГРА¹

Summary

Throughout the long history of translation studies, the understanding of linguistic mediation (LM) as a process, a product, and a practice has advanced by means of either symbolic or analytical exploration of this phenomenon. The symbolic tradition opened up the cultural dimension of LM, highlighting some of its critical aspects and positioning it among the building blocks of culture and civilization. The analytical tradition, which mostly evolved over the last two centuries, successively regarded LM first as a systemic linguistic phenomenon, then as a vehicle of 'cultural transfer' and, quite recently and most productively, as a professional practice. Today, the following avenues for exploring LM can be identified: LM as an information strategy, as a by-product born out of a chaos of interpretations and, finally, as an intellectual game or play. Arguably, LM does meet all the criteria of games established by Nash's mathematical game theory. The scripts that govern situations of interpreting suggest that this activity follows the principles of an harmonic intellectual game. Three promising research options can be derived from this game approach: (1) study of the procedural aspects of LM; (2) study of LM within the matrix of social play scenarios; and (3) development of didactic principles and strategic models for training LM practitioners. Further important insights into the role of linguistic mediation and that of the linguistic mediator can be gained from Johan Huizinga's interpretation of play as a cultural phenomenon.

Осмысление перевода как процесса, как результата и как профессиональной деятельности началось около 5 тысяч лет назад. На этом долгом пути осмысления свой плодотворный результат приносили как образный, так и аналитический пути познания.

Образный путь породил разнообразную культурную эмблематику перевода. Сюда входят известные античные эмблемы Ханса Хенига (Hans Hönic. *Konstruktives Übersetzen*: 13-14; здесь – п. 1-5), к которым мы рискуем добавить еще несколько (п. 6-8):

- 1) Сравнение переводчика с Сизифом, обреченным на вечный труд.
- 2) Сравнение переводчика с Танталом; танталовы муки в напрасных поисках лучшего варианта.
- 3) Сравнение переводчика с Тезеем, который разрабатывает стратегию выхода из лабиринта.
- 4) Сравнение переводчика с Икаром; как и Икара, переводчика могут погубить высокомерие и перфекционизм.
- 5) Переводчика можно сравнить и с Антеем, сила которого – в связи с матерью-землей, как у переводчика – с родным языком.
- 6) Братья Grimm сравнивали переводчика с пловцом, а перевод – с опасным плаванием.

¹ Linguistic Mediation as a Mind Game

7) Популярно сравнение переводчика с канатоходцем. Таким представляется труд в особенности синхронного переводчика.

8) С восточными единоборствами сравнивает перевод Андрей Фалалеев – переводчик и преподаватель из Монтерея.

Образный ряд эмблем позволил оттенить важные стороны перевода и встроить его в пространство определяющих феноменов цивилизации и культуры.

Аналитические исследования перевода сосредоточены по большей части в двух последних столетиях.

Наверное, чаще всего за это время перевод изучали как **языковое системное явление**, поскольку материалом перевода является речевая реализация языка. Исследования этого рода послужили катализатором развития сравнительной лингвистики, общего языкознания, стилистики, помогли систематизировать явления речевой вариативности, однако не выявили феноменологической специфики перевода, поскольку, в сущности, изучался не перевод, а лишь языковой материал, причастный к переводу.

Значительно более долгую историю имеет **изучение перевода как способа общения культур**, как культурного трансфера. Сочетание дескриптивного и герменевтического методов, особенно в XX веке, позволило значительно расширить наши представления о взаимодействии и развитии литературного творчества разных народов и культур. Вместе с тем перевод здесь – лишь инструмент, один из способов культурного взаимодействия.

В последние три десятилетия в фокусе исследовательских интересов оказался **перевод как профессиональная деятельность**, и, пожалуй, именно это направление оказалось в познании перевода наиболее плодотворным. Изучаются переводческие стратегии и технологии, профессиональная этика переводчика, менеджмент перевода, специфика отдельных видов перевода, и, наконец, теоретические основы дидактики перевода, которые становятся базой эффективных дидактических моделей – моделей обучения переводчиков.

Специфика современного мира и его интеллектуальный потенциал ведут к новым этапам осмысления феномена перевода, открывая новые перспективы для исследователей. Так, в эпоху информации перевод может рассматриваться как одна из успешных **информационных стратегий**; его роль и место в информационном пространстве пока мало изучены.

В рамках философской концепции хаоса и порядка (Пригожин, Стенгерс «Порядок из хаоса» / Ilya Prigogine, Isabelle Stengers «ORDER OUT OF CHAOS») анализ феномена перевода также весьма любопытен. Герменевтический путь интерпретаций, динамика которого усиливает энтропию и приводит к состоянию хаоса, разрешается в точке бифуркации созданием нового порядка – системы вторичного текста, текста перевода. Кстати, этот подход заставляет нас критически переосмыслить интерпретативную теорию перевода французской теоретической школы.

Сегодня мы попробуем кратко наметить аспекты рассмотрения перевода в совершенно неожиданном ракурсе, который, однако, по нашему мнению, вполне органичен для нашего объекта: мы рассмотрим **перевод как интеллектуальную игру**.

Впервые идею трактовки перевода как игры высказала Юста Хольц-Мянттари в 1984 году, описывая перевод как многофакторную модель и предлагая в качестве метафоры образ кооперативной деятельностной игры. Переводчику в этой «игре» отводится роль эксперта.

Воспользуемся этим образом и попытаемся встроить его в наши сегодняшние представления о человеке и его переводческой деятельности.

Прежде всего напомним, что представления о понятии «игра» и о роли игр в человеческой цивилизации существенно изменились начиная с середины XX века. Если XVIII век был еще веком естественных игр, имевших облик ритуалов и буквально пронизывавших всю жизнь городского человека: музицирование, пение, шарады, маскарады, тайные общества, то впоследствии представление об этом роде занятий свелось к играм детским и к играм как средстве нечастого и необязательного развлечения (уже не ритуального).

При этом в XX веке шло успешное развитие и усложнение игр интеллектуальных, нацеленных на соревновательность в сфере интеллекта. И не случайно первое место среди них на сегодня по популярности занимает всемирно известная игра «Монополия»: она не только интеллектуальная, она вдобавок позволяет человеку – в рамках игры, разумеется – реализоваться в профессии бизнесмена, или, если хотите, является элементарным тренингом в этой профессии. Попутно такая игра способна снять некоторые комплексы: не реализовался в жизни, зато реализовался на игровом поле!

Следом за практикой перемены произошли в научном осмыслении игр, причем почти сразу в двух направлениях: культурологическом и математическом.

Культурологическое понятие игры было дано в трактате нидерландского историка и культуролога Йохана Хейзинга «Homo Ludens» (*лат. Человек играющий*) (1938), автор говорит об использовании игр в правосудии, культуре, этике.. говорит о том, что игра старше самого человека, так как животные тоже играют и т.п., однако главный тезис Йохана Хейзинга: «Игра творит культуру». По мнению Хейзинга игра – это основа и движущий механизм культурного развития.

Примерно в это же время появляется математическая теория игр, и самый значительный вклад внес в нее американский математик и экономист Джордж Нэш. Теория игр — математический метод изучения оптимальных стратегий в играх. Под игрой понимается процесс, в котором участвуют две и более сторон, ведущих борьбу за реализацию своих интересов. Каждая из сторон имеет свою цель и использует некоторую стратегию, которая может вести к выигрышу или проигрышу — в зависимости от поведения других игроков. Теория игр помогает выбрать лучшие стратегии с учётом представлений о других участниках, их ресурсах и их возможных поступках.

Дж. Нэш разрабатывает методы анализа игр, в которых все участники или выигрывают, или терпят поражение. Эти ситуации получили названия «равновесие по Нэшу», или «некооперативное равновесие», когда в ситуации стороны используют оптимальную стратегию, что и приводит к созданию устойчивого равновесия. Дж. Нэш показывает, что классический подход к конкуренции А.Смита, когда каждый сам за себя, неоптимален. Более оптимальны стратегии, когда **каждый старается сделать лучше для себя, делая лучше для других.**

А теперь обратимся к переводу.

Если взять в теории игр характеризующие признаки игры как математической модели ситуации, то мы убедимся: да, перевод – это полноценная игра:

1. *наличие нескольких участников;*
2. *неопределенность поведения участников, связанная с наличием у каждого из них нескольких вариантов действий;*
3. *различие (несовпадение) интересов участников;*
4. *взаимосвязанность поведения участников, поскольку результат, получаемый каждым из них, зависит от поведения всех участников;*
5. *наличие правил поведения, известных всем участникам.*

Особенно отчетливо это заметно в ситуации устного перевода, предположим, на конференции. В игре задействованы: **команда ораторов, команда слушающих (аудитория) и команда переводчиков (пункт 1)**. Всем им известны правила поведения на конференции, или протокол (*пункт 5*). У каждой из команд – свои цели: ораторы хотят донести информацию до аудитории; переводчики – правильно и полноценно передать информацию от ораторов – аудитории; аудитория – получить полноценную информацию от оратора через переводчика, то есть – их интересы не совпадают (*пункт 3*). Этот ожидаемый каждой стороной результат зависит от поведения других двух сторон. Следовательно, их поведение взаимосвязано (*пункт 4*), хотя и не всегда взаимозависимо. И, наконец, каждая из сторон в этой игре имеет, хотя и ограниченный, но все-таки вариативный запас действий. Оратор: может говорить быстро или медленно; сухо или образно; с эмоциями или без; с акцентом, дефектами речи и т.п. Переводчик: имеет самую большую вариативность действий в зависимости от сложности задач; успешность своих действий он отчасти может контролировать по реакции аудитории и корректировать эти действия. Слушающие (аудитория) – являются в основном пассивным игроком, однако получение результата – полноценной информации – зависит не только от двух других команд, но и от их собственного поведения, от их способности и умения воспринимать и обрабатывать информацию. Причем аудитория, в свою очередь, разбивается на две подгруппы: на тех, кто понимает оратора без переводчика и на тех, кто понимает его только через переводчика. В случае неудачи происходит блокирование информации.

Вспомним теперь принцип «равновесия по Нэшу»: все участники выигрывают, если используют оптимальную стратегию, создавая устойчивое равновесие. Джордж Нэш намечает и общую формулу этого оптимального пути: каждый старается сделать лучше для себя, делая лучше для других. Здесь и кроется ответ на вопрос об успехе игры под названием перевод: учитывать интересы друг друга.

Более того: перевод – это **сингармоническая игра**. Действия участников – это интеллектуальная работа, которая не ограничивается подачей и приемом информации. Здесь необходима взаимная тонкая настройка, где все три упомянутые команды согласуют действия, причем в обстановке разнонаправленной вербальной креативности: оратор порождает текст свободно, но, помимо текстовых конвенций, учитывает интересы аудитории (чтобы она

смогла его понять) и интересы переводчика (чтобы он смог перевести, хотя бы физически – темп речи и т.п.); переводчик творит вторичный текст, креативно применяя свои профессиональные приемы, однако учитывает интересы оратора, стараясь сохранить не только смыслы, но и эмоции, и ораторский стиль, а также – интересы аудитории, чтобы она была в состоянии совершить креативную работу понимания его переводной речи и получила полноценное представление об ораторе. На случай блокирования понимания, разрыва связей между тремя сторонами игры существуют свои аварийные сценарии.

Аналогичное распределение ролей можно увидеть и в письменном переводе; отличие только в дистанцированности игроков.

Модель перевода как игры, рассматриваемая в логике теории игр, открывает перед нами, как минимум, три перспективы:

1. Исследование процесса перевода как игры; не случайно столь привлекательной представляется идея о сопоставлении процесса синхронного перевода с исполнением вокальных произведений под музыку (Женевский университет, научная работа Магдалены Товар-Эспада под руководством Б. Мозер-Мерсер). Наверняка на этом плодотворном пути параллелей обнаружится значительно больше. Ведь любой перевод – и устный, и письменный – можно рассматривать как исполнение произведения. Совершенно особые закономерности такого рода исполнения явно имеются в кинопереводе.

2. Трактовка перевода как игры плодотворна для исследований в сфере социологии перевода. Она позволяет рассматривать перевод в рамках матрицы игровых социальных сценариев. Ведь, к примеру, роль устного переводчика как носителя психологической поддержки для сторон на переговорах, или - как «козла отпущения», на которого можно переложить ответственность при неудаче переговоров, совершенно не изучена, а она важна и достойна анализа. Причем в социальных играх достижения «равновесия по Нэшу» может вестись неэтичными методами (мол, всегда виноват переводчик!), и тогда особенно остро встает вопрос профессиональной этики переводчика, где до сих пор еще не все точки над «и» поставлены.

3. Развитие дидактики перевода и разработка современных стратегических моделей подготовки переводчиков. До сих пор включение в обучение, например, устных переводчиков учебных конференций рассматривалось как особый прием игровой (или сценарной) методики, как «игра в профессию». Аналогичным образом трактуется сегодня методика включения так называемых «переводческих проектов» (совместное создание группой студентов одного текста) в обучение письменных переводчиков. Если же перевод – это по своей сути игра, то именно обучение игре – ее правилам, стратегии и тактике, поведению игроков – становится в центр всего обучения. ...В таком случае эффективная модель подготовки переводчиков – это тренинг, направленный на освоение стратегии и тактики игры, приемов ведения игры, а также воспитания в переводчиках того особого настроения на победу, который будоражит интеллект, мобилизует механизм быстрого принятия решений, учит умению творить текст в обстановке продуктивного риска.

Наконец, вернемся к нашей схеме игры. Мы забыли о двух оставшихся командах, сосредоточившись на переводчиках. А вывод очевиден: правила игры

должны хорошо знать и они! Поэтому воспитание ораторов и пользователей перевода становится вдвойне актуальной задачей. ...Если бы оратор всегда понимал суть труда переводчика, то тандем «оратор-переводчик» стал бы более эффективным. В качестве программы-минимум было бы достаточно в рамках игры, чтобы и у ораторов, и у пользователей не было бы завышенных ожиданий по отношению к результатам перевода – ведь согласно объективным законам передачи информации переводчик не может передать все; перевод – это искусство максимально возможного.

Завершу свои заметки комментарием к культурологической трактовке игры, творящей культуру, если перевод – это полноправная игра. Идея Хейзинга о том, что "культура зачинается не как игра и не из игры, а в игре", вполне приложима к феномену перевода. Переводчик – «человек играющий»; играя с оратором (автором) и его текстом по заранее известным правилам, он, как всякий игрок, оказывается в ситуации свободного творчества, свободного выбора речевых вариантов ...И если оратор готовил свой текст заранее, а автор письменного текста, быть может, вынашивал его годами, то наш брат переводчик творит текст фактически на глазах у изумленной публики, виртуозно играя смыслами, но не отступая, однако, от правил игры. Переводчик – наиболее живой пользователь родного языка и наиболее эффективный пропагандист правильной речи. Чувствуя себя, как рыба в воде, в тисках этого мнимого противоречия, переводчик сегодня – один из самых деятельных творцов культуры.

И если, говоря словами Иосифа Бродского, весь мир – это текст, а, по Шекспиру, вся жизнь – игра, то виртуоз текстовой игры – переводчик находится на острие живой жизни нашего мира.

Barbara Moser-Mercer

INTERPRETER TRAINING AND ADAPTIVE EXPERTISE – LEARNING FROM AND WITH OUR BRAIN¹

Summary

Real-time human communication across language barriers relies on consecutive and simultaneous interpretation, a complex cognitive skill that can be acquired only over a certain period of time. Interpreting novices differ from interpreting experts in terms of their knowledge and knowledge organization, their analytical strategies, their use of memory processes, and the smoothness and speed with which they execute the interpreting task. In order to be able to move from comprehending a speech in one language and simultaneously interpreting that speech into another, the learner needs to make considerable adaptations to component processes of tasks already mastered, for the most part, before even being admitted to an interpreter training program. These adaptations concern mostly language comprehension and knowledge organization, component skills non-interpreters need in order to communicate. One must thus assume that significant changes occur in brain activity (functional plasticity) and brain structure (structural plasticity) during the acquisition of interpreting skills that are the result of learning, knowledge re-organization, strategy acquisition, and task monitoring.

Expertise in Interpreting

Simultaneous interpreting, in contrast to written translation, is characterized by real-time processing with simultaneous involvement of several processing stages. The complexity of these operations is best illustrated with theoretical models which allow for the integration of findings from neighbouring disciplines, where considerable research has already been carried out on individual components of the interpreting process. One of the major challenges to our understanding of the skill is how these individual components work together, and how expertise in combining these components is acquired and maintained.

The development of expertise in interpreting follows the pattern of the three main stages identified by Anderson (2005) and elaborated by Moser-Mercer (2008) for the interpreting task: a) the cognitive stage, during which a learner acquires basic information about the task and the process itself; b) the associative stage, during which a learner engages in trial-and-error learning in order to acquire the strategies necessary to circumvent task-inherent difficulties; and c) the autonomous stage, during which a learner engages in further practice in order to fine-tune strategies, automate certain responses, and improve endurance. Becoming an expert in interpreting requires about the same number of hours as are necessary for the acquisition of other complex skills, i.e. between 5,000 and 10,000 hours. If we proceed from the premise that graduates of

¹ The author wishes to thank Alexis Hervais-Adelman and Narly Golestani (Functional Brain Mapping Center, Medical Faculty, University of Geneva) for their contributions to this article. This work was supported by Swiss National Science Foundation grant 320030_122085 awarded to Narly Golestani and Barbara Moser-Mercer.

interpreter training programs cannot yet be considered experts, but rather 'journeymen', in Hoffman's terminology (Hoffmann, 1997), we can posit that professional expertise requires additional time on task in real-life settings for its full development.

Expertise in interpreting is most frequently studied by comparing novices to experts, what Chi (2006) calls the relative approach, which assumes that expertise is a level of proficiency that novices can achieve. With this contrastive approach the definition of expertise can be more relative with the more knowledgeable group considered experts and the less knowledgeable one novices. Proficiency levels that qualify someone as expert can be assessed by measures of interpreting performance, which constitutes a more fine-grain test, or more generally by months/years of academic learning or professional experience. With this approach experts are defined on a continuum, and research focuses on how less-skilled interpreting students become more highly skilled interpreters. Researchers assume that to become more highly skilled students have to acquire declarative and procedural knowledge and engage in dedicated practice. The advantage of this relative approach to the study of interpreting expertise is its focus on the effects of learning and practice. What is more, this definition characterizes experts as being more knowledgeable and more skilled, a theoretical assumption that assumes that experts have acquired more declarative and procedural knowledge in a domain, and that this knowledge is organized and structured to meet the requirements of the expert's skill. It also assumes that "the fundamental capacities and domain-general reasoning abilities of experts and non-experts are more or less identical...[and] that differences in the performance of experts and non-experts are determined by the differences in the way their knowledge is represented" (Chi, 2006:23).

There are many ways in which experts excel when compared to novices: they usually generate the best solution faster and more reliably, they recognize features, patterns, and structures that novices cannot; they are likely to spend considerable time analysing problems at a qualitative level and generating problem solutions that are then added to their inventory of optimal solutions on which experts rely even in constrained processing scenarios; experts also have more accurate self-monitoring skills and detect errors more reliably; experts have developed a rich inventory of processing strategies and are more successful in choosing the appropriate strategies and those that have more frequently proved to be effective (Lemaire & Siegler, 1995). Experts also make use of whatever sources of information are available while solving problems; and they are successful in retrieving relevant domain knowledge and strategies with minimal cognitive effort, execute these strategies with greater automaticity and speed, and are able to exercise cognitive control over those aspects of performance where such control is needed (Ericsson, 1996). A salient characteristic of expert performance is the expert's ability to recognize, gain access to, and process larger cognitive units (chunks) or other knowledge structures. It is believed that this relies heavily on the skill to encode new information in ways that allow for direct access at the time of retrieval by possibly storing event-relevant information at the time of encoding that affords multiple access points during the time of retrieval. These complex representations afford experts the immediate and integrated access to situation-relevant information, and support strategy selection that is so essential in complex and speeded tasks such as simultaneous interpreting. Knowledge representation is thus an integral part of expertise, and it is

assumed that interpreting experts have developed skill-specific ways of knowledge acquisition and representation that support fast and reliable retrieval.

Feltovitch et al. (2006:57) propose that the development of expertise “is largely a matter of amassing considerable skills, knowledge, and mechanisms that monitor and control cognitive processes to perform a delimited set of tasks efficiently and effectively.” They argue that “experts certainly know more, but they also know differently”, and that expertise is a “complex construct of adaptations of mind and body, which include substantial self-monitoring and control mechanisms, to task environments in service of representative task goals and activities.”

Structural and Functional Changes in the Interpreter’s Brain

In order to be able to move from comprehending a speech in one language and simultaneous interpreting that speech into another, considerable adaptations need to be made by the interpreting student to component processes of tasks already mastered, for the most part, before even being admitted to an interpreter training program. As the above discussion has shown, these adaptations affect mostly knowledge organization and language comprehension, which are component skills non-interpreters and non-interpreter bilinguals also need to communicate.

We can thus assume that significant changes occur in brain activity (functional plasticity) and brain structure (structural plasticity) during the acquisition of interpreting skills that are the result of learning, knowledge re-organization, strategy acquisition, and task monitoring. Hill and Schneider (2006) claim that the predominant change is a reduction of brain activation, but there is a near drop-out of activity in the frontal (anterior) parts of the brain that are involved in task control and working memory (2006:654). Additionally, substantial reductions are recorded in the posterior part of the brain (parietal cortex), which is related to attentional control. This is in line with the stages the interpreting student goes through, from cognitive to autonomous, in order to execute the skill with increased speed and less conscious control (more automated performance). According to this view, during skill acquisition in interpreting, brain areas would be recruited differentially, depending on the level of skill proficiency the learner has reached. Initial learning stages require more conscious control of strategy selection and execution, chunking of information, and access to stored knowledge, thus recruiting the brain’s control network, a group of brain areas that includes the lateral frontal, medial frontal, posterior parietal cortices (attentional control); the anterior cingulate cortex (process monitoring, decision making, conflict management); and the dorsolateral prefrontal cortex (goal processing and task switching). These areas together support learning during the acquisition of a new task and include discrete cortical areas controlling goal processing, attention, and decision-making.

Preliminary results of a longitudinal study comparing interpreting students to matched multilingual controls (Hervais-Adelman, Moser-Mercer & Golestani, 2011) provide evidence for the engagement of the left premotor and ventrolateral pre-frontal cortices, alongside the pre-SMA and caudate nucleus for simultaneous interpretation into the subjects’ A-language (native language, L1). The pattern of the preliminary results is consistent with much of the evidence in the literature for the role of these regions in language control. This same study provides evidence of an increase in grey matter volume over the course of a 15-month interpreter training program in brain

regions known to be involved not only in semantic processing but also in aspects of executive function and error monitoring in interpretation students, but not in matched controls.

These preliminary results constitute direct, longitudinal evidence for experience-dependent plasticity. Coupled with other functional imaging results they lend further credibility to the hypothesis of a left-lateralized fronto-parieto-subcortical mechanism for controlling language output and comprehension in multilingual individuals. Tasks involving the conversion of content from one language to another (i.e., translation and interpretation) mainly engage a left-lateralized cortico-subcortical circuit, including the basal ganglia, inferior frontal gyrus, and dorso-lateral prefrontal cortex. There is strong anatomical support for functional links between these regions. The results of this study suggest the presence of two distinct networks contributing to the executive control of language with the basal ganglia playing an apparently crucial role in enabling access to translation equivalents, which may reflect inhibitory processes that allow the selection of a term in one language rather than another. Alongside this network, there appears to be another, cortical, fronto-parietal network that sustains more general switching mechanisms. This system, like the fronto-basal-ganglia system delineated above, has a role in other executive functions. These two systems, working in concert with language-specific brain areas, likely manage both inhibitory control as well as language selection, both of which are necessary for the effective management of language in the bilingual brain.

Adapting to the Demands of Higher-level Expertise

Speech production (articulation), error-monitoring, multi-tasking, translating, and maintaining two language streams, are the key sub-tasks that make up the complex skill of simultaneous interpreting. Multi-tasking, or the ability to simultaneously execute more than one task, is essential to expert performance in interpreting. The brain regions most notably responsible for simultaneity in interpreting are the auditory regions and the putamen, as seen in the Figure 1 below:

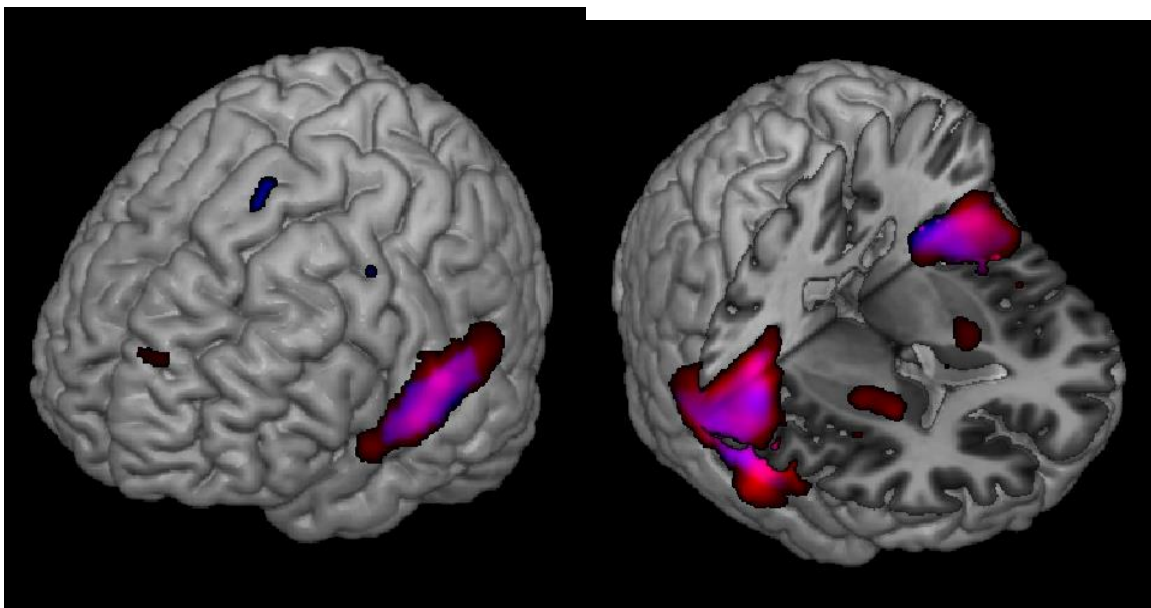

Figure 1: Brain regions modulated by simultaneity in interpreting

For the interpreting student developing simultaneity requires the execution of numerous sub-tasks, such as attention to two auditory as well as visual streams, selection and retrieval of information, maintaining two different language streams and rapid decision-making as to the optimal interpreting strategy on a moment-to-moment basis. Our results provide new insights into the profound overlap between language control and other, more domain-general cognitive functions, underlining the important role of the basal ganglia (the putamen and caudate nucleus as part of the striatum) in speech. Indeed, recent evidence suggests that experienced simultaneous interpreters display enhanced cognitive flexibility, compared to bilingual individuals (Yudes et al., 2011). Training this kind of cognitive flexibility, rather than routine processing, supports the development of adaptive expertise, which in contrast to routine expertise, allows the expert to adapt flexibly to different problem situations by scanning appropriate options rapidly and selecting the optimal candidate rather than relying on a fixed match between a specific language input and a specific production strategy.

Conclusion

The development and execution of complex cognitive skills, such as simultaneous interpreting, has profound effects on the nature of brain processing and on the structure of the brain itself. Training changes the amount of brain area and the activity of areas, and the way we train has thus profound effects on how a complex skill is ultimately represented in the brain and executed. Training a specific brain area can increase the representation space and make processing more focused, it causes local changes in the specific representational areas that support skilled performance (Hill & Schneider, 2006:675). Training specific brain areas also decreases the activity in that brain area over time as processing becomes more focused and the complex skill is performed more efficiently. Using cognitive neuro-science approaches to studying the interpreting brain appears to provide substantial evidence that suggests that the way we train shapes the interpreter's brain.

Bibliography

1. Anderson, J.R. (2005). *Cognitive Psychology and its Implications* (6th edition). New York: Worth Publishers.
2. Chi, M.T.H. (2006). Two approaches to the study of experts' characteristics, in K.A. Ericsson, N. Charness, P.J. Feltovich & R. Hoffman (eds.), *The Cambridge Handbook of Expertise and Expert Performance* (pp. 21-30). Cambridge: Cambridge University Press.
3. Feltovitch, P.J., Prietula, M.J. & Ericsson, K.A. (2006). Studies of expertise from psychological perspectives, in K.A. Ericsson, N. Charness, P.J. Feltovich & R. Hoffman (eds.), *The Cambridge Handbook of Expertise and Expert Performance* (pp. 41-67). Cambridge: Cambridge University Press.
4. Ericsson, K.A. (1996). *The Road to Excellence: The Acquisition of Expert Performance in the Arts and Sciences, Sports, and Games*. Mahwah, NJ: LEA.

5. Hervais-Adelman, AG, Moser- Mercer, B. & Golestani, N. (2011). Executive control of language in the bilingual brain: integrating the evidence from neuroimaging to neuropsychology. *Front. Psychology* **2**:234.
6. Hill, N.M. & Schneider, W. (2006). Brain changes in the development of expertise: Neuroanatomical and neurophysiological evidence about skill-based adaptations, in K.A. Ericsson, N. Charness, P.J. Feltovich & R. Hoffman (eds.), *The Cambridge Handbook of Expertise and Expert Performance* (pp. 653-682). Cambridge: Cambridge University Press.
7. Hoffmann, R.R. (1997). The cognitive psychology of expertise and the domain of interpreting. *Interpreting* **2** (1/2):189-230.
8. Lemaire, P. & Siegler, R.S. (1995). Four aspects of strategic change: Contributions to children's learning of multiplication. *Journal of Experimental Psychology: General*, **124**:83-97.
9. Moser-Mercer, B. (2008). Skill acquisition in interpreting: A human performance perspective. *The Interpreter and Translator Trainer* **2** (1): 1-28.
10. Moser-Mercer, B. (2010). The search for neuro-physiological correlates of expertise in interpreting, in G. M. Shreve & E. Angelone (eds.), *Translation and Cognition* (pp. 263-288). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
11. Yudes, C., Macizo, P., & Bajo, T. (2011). The influence of expertise in simultaneous interpreting on non-verbal executive processes. *FrontPsychol* **2**, 309.

Tatiana Bodrova-Gogenmos

ОТРАБОТКА НАВЫКОВ ВЫРАЖЕНИЯ СМЫСЛА НА ПЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО УСТНОМУ ПЕРЕВОДУ В ЭЗИТ¹

Summary

Acquiring oral expression skills is an important part of conference interpreters' curriculum at ESIT. This school uses the Interpretative Theory of Translation (ITT) as methodological basis for its teaching.

The ITT focuses on the process of translation which comprises several steps: understanding (i.e. extracting the meaning of a text), deverbalisation and re-expression of the meaning in the target language. It takes monolingual communication as a model and posits that the same mechanisms govern understanding, deverbalisation and expression in a monolingual setting as in translation.

Therefore, to achieve optimal expression skills, ESIT strives to match monolingual communication conditions: preparatory exercises for consecutive interpreting include speech analysis, «active listening», «brainstorming» sessions, giving the main ideas and the structure of the original text, «on-sight summary», etc. These methods are used to place students in a communication setting, regardless of the grammatical and lexical structures of the original language.

Short speeches on a given subject, prepared by the students in advance, develop and enrich their vocabulary in the target language and familiarize them with different «discourse genres». «Sight translation» exercises in class, in small groups or individually, are used to acquire the deverbalisation and spontaneous re-expression automatisms. They constitute a useful preparation for learning simultaneous interpreting (with or without text).

Before starting to learn simultaneous interpreting as such, students continue to work on their oral expression skills, with exercises like the «reportage», «post-booth summary», speeches and presentations on a given subject prepared in advance. The main objective in all these practical exercises is to achieve the “dissociation” between original and target languages in order to develop a creative approach to expression during consecutive and simultaneous interpretation.

1. Программа обучения устному переводу в ЭЗИТ

Высшая Школа переводчиков – ЭЗИТ – была основана в 1957 году в Париже, и с 1985 года она является частью Университета Париж 3 – Новая Сорбонна. В состав Школы входят 4 отделения: устного перевода, письменного перевода, сурдоперевода и переводоведения (докторантура). Подготовка устных и письменных переводчиков осуществляется отдельно. Все преподаватели, от профессоров и доцентов до почасовиков, ведущие занятия по практике устного и письменного перевода, являются профессионалами, переводчиками-синхронистами и письменными переводчиками, соответственно. ЭЗИТ –

¹ Teaching Expression Skills in Interpreting Classes at ESIT

международная школа, расположенная в одном из крупнейших центров международных конференций и всемирных конгрессов – Париже.

Отделение устного перевода готовит переводчиков-синхронистов («переводчиков конференций», «конференц-переводчиков»), осуществляющих устный синхронный перевод на международных конференциях, но также и профессиональный последовательный перевод с записями и перевод с листа в ходе двусторонних встреч на высоком уровне. Длительность обучения составляет 2 года, что соответствует магистерской программе французских университетов. Преподавание перевода ведется на 12 иностранных языках (данные за 2013 год). Первый курс (M1) полностью посвящен обучению профессиональному последовательному переводу с записями (6-7 минут)¹, а начиная со второго семестра идет преподавание перевода с листа. На втором курсе (M2) студенты обучаются синхронному переводу и синхронному переводу с текстом. Содержание учебного процесса подробно описано в работе основателей ЭЗИТ Д. Селескович и М. Ледерер *La Pédagogie raisonnée de l'interprétation*, изданной Еврокомиссией. В ней изложены цели обучения, поэтапный процесс достижения этих целей, а также критерии оценки приобретенных навыков, которыми должен непременно обладать будущий переводчик.

Программа обучения на первом курсе включает как практические занятия по переводу, так и лекции по теории перевода, экономике, праву и социолингвистике, но также и семинары по актуальным геополитическим проблемам, специфике перевода на дипломатическом уровне, практикумы по методологии последовательного перевода. Преподавание ведется на языке, который является языком A² для преподавателя. Как правило, преподаватели являются выпускниками ЭЗИТ, профессиональными переводчиками, членами АИС. Предусмотрены также занятия по совершенствованию лингвистической компетенции студентов в английском и французском языках, обязательных для всех языковых комбинаций. И, наконец, студенты должны не менее трех часов в день самостоятельно заниматься в группах (в соответствии с их языковой комбинацией) по модели занятий, проводимых под руководством преподавателя.

На втором курсе специальных занятий по последовательному переводу не предусмотрено: он должен быть освоен на квазипрофессиональном уровне до перехода на второй курс. Преподается синхронный перевод с текстом или без текста. Как и на первом курсе, процесс обучения включает практические занятия по синхронному переводу, а также семинары по проблематике международных

¹ Досадная ошибка вкралась в публикацию И.С. Алексеевой *Профессиональный тренинг переводчика*, Санкт-Петербург: «Союз», 2005, где на стр. 125 говорится, что в Сорбонне преподавание последовательного перевода с записями начинается только «со 2-го года обучения».

² В соответствии с профессиональной классификацией АИС – Международной ассоциации устных переводчиков (Association Internationale des Interprètes de Conférence), штаб-квартира которой расположена в Женеве, язык А, или «активный» язык, как правило родной язык переводчика, на который он переводит со всех других своих языков и которым он владеет в совершенстве на уровне образованного носителя языка, использующего все его тонкости и нюансы. Язык В, «активный», как правило иностранный язык, который переводчик понимает в совершенстве и на который он переводит с языка А, т.е. на котором он способен свободно, быстро и точно изъясняться. Язык С, «пассивный» язык, на который перевод, как правило, не осуществляется, но понимание которого должно быть на уровне языка В.

отношений, перевода на научных конгрессах, практикумы по тематической, терминологической и прагматической подготовке к работе переводчика-синхрониста. Групповые занятия приобретают еще большее значение, чем на первом курсе. Все студенты без исключения участвуют в ознакомительных поездках или проходят практику в различных европейских и международных организациях (Европарламент, Еврокомиссия, Совет Европы, ООН в Вене и Женеве, ФАО в Риме, ЮНЕСКО и ОЭСР в Париже, и т.д.).

В конце четвертого семестра обучения (М2) все студенты сдают выпускные (дипломные) экзамены, которые включают :

- последовательный перевод с записями (6-7 минут) : В-А, С-А, А-В
- синхронный перевод без текста (10-12 минут) : В-А, С-А, А-В
- синхронный перевод с текстом на заданную заранее техническую тему (15 минут) : с английского языка на родной или с французского на английский
- перевод с листа (250-300 слов): с английского языка на родной или с французского на английский

Экзаменационная комиссия состоит из преподавателей ЭЗИТ, приглашенных преподавателей из других школ переводчиков, а также приглашенных экспертов – профессиональных переводчиков-синхронистов, старших переводчиков европейских и международных организаций. Всего в комиссии может быть до 7-10 человек. Для получения диплома Магистра студент должен получить среднюю отметку 14/20. Диплом ЭЗИТ признается и высоко ценится европейскими и международными организациями, которые могут предложить работу выпускникам сразу же после получения диплома.

2. Интерпретативная теория перевода (ИТ)

Говоря об ЭЗИТ, нельзя не упомянуть об Интерпретативной теории перевода (ИТ), которая лежит в основе методики преподавания как устного, так и письменного перевода, которая недостаточно изучена или понята, в частности в России. Поэтому следует вкратце остановиться на основных принципах и понятиях ИТ.

ИТ представляет собой научную концепцию, разработанную ведущими теоретиками, практиками и преподавателями устного перевода Д. Селескович (1921-2001) и М. Ледерер. Авторы ИТ утверждают, что в процессе перевода текстов (речевых произведений – высказываний) переводятся не слова и не отдельные предложения, а смысл высказывания, что со всей очевидностью проявляется в практической переводческой деятельности. Следовательно, этот факт должен непременно найти свое отражение в методике обучения переводу¹.

¹ Как и в других теориях перевода, в ИТ проводится различие между «учебным» переводом, имеющим целью обучение иностранному языку, когда за основу берутся отдельные слова и предложения вне коммуникативного контекста, и собственно переводом, который всегда имеет дело с текстами и имеет целью передачу на ПЯ смысла оригинала. При профессиональном переводе всегда имеет место коммуникативный акт, предполагающий учет экстралингвистических факторов в переводе, а значит и создание «единичных соответствий» («текстовых эквивалентов» по терминологии ИТ). Действительно, значения слов и предложений вне контекста редко совпадают со смыслом целого высказывания, состоящего из тех же слов и предложений, но возникшего в процессе коммуникации. Так, Л.С. Бархударов в своей работе *Язык и перевод* (стр. 44) отмечает : «Методика преподавания иностранных языков интересуется переводом лишь как

Авторы ИТ различают **три уровня перевода**, упрощенно : уровень языка-системы, т.е. значений слов («перевод-подстрочник»), уровень «речи», т.е. значений предложений вне контекста («учебный» перевод) и, наконец, уровень текста, т.е. смысла высказывания (профессиональный перевод)¹. (Российские теоретики перевода, в частности А.Д. Швейцер и Л.С. Бархударов, также считают, что «переводчик имеет дело не с языками как системами, а с речевыми произведениями, т.е. с текстами»²). Интерпретативную теорию интересует только третий уровень – перевод текстов/высказываний, которые, согласно «теории смысла» М.М. Бахтина, являются единицами речевой коммуникации и обладают не значениями, как слова и предложения вне контекста, а «неповторимым» смыслом³.

ИТ подчеркивает, что как исходные, так и переводные тексты предназначены для **одноязычной сферы**, даже если они нередко используются для целей сопоставительной лингвистики. Таким образом, определения и характеристики текста в области одноязычной коммуникации в полной мере релевантны для теории перевода. Кроме того, ИТ опирается на модель одноязычной коммуникации и при определении таких понятий как понимание текста (извлечение его смысла), продуцирование текстов/высказываний и т.д.

Аналогичные мысли высказывают и российские ученые, В.Н. Комиссаров⁴ А.Д. Швейцер⁵ и Л.К. Латышев⁶. Однако, в отличие от лингвистической теории перевода, согласно которой процесс перевода основывается на постоянном контакте между исходным языком (ИЯ) и языком перевода (ПЯ), ИТ исходит из того, что переводчик воспринимает и продуцирует высказывания так же, как и любой человек, свободно владеющий соответствующим языком. Несовременное знание иностранного языка не должно здесь приниматься во внимание и служить оправданием какого-то «особого», «переводческого» механизма понимания и выражения содержания⁷.

одним из видов учебной деятельности на занятиях по изучению иностранного языка – иначе говоря, лишь учебным переводом, но отнюдь не переводом как видом практической деятельности человека («профессиональным переводом»).

¹ М. Ледерер, *Актуальные аспекты переводческой деятельности в свете Интерпретативной теории перевода*, Санкт-Петербург, Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2007 г., стр. 12.

² Л.С. Бархударов, *Язык и перевод*, Москва, Международные отношения, 1975 г., стр. 15

³ М.М. Бахтин, *Литературно-критические статьи*, Москва, Художественная литература, 1986 г., стр. 475.

⁴ Для определения этапов восприятия и продуцирования сообщений при переводе В.Н. Комиссаров в своих ранних трудах опирается на исследования процесса одноязычной коммуникации. В.Н. Комиссаров, *Слово о переводе*, Москва, Международные отношения, 1973г., стр. 66.

⁵ А.Д. Швейцер не исключает пользы исследования механизмов порождения и восприятия речевого высказывания при моноязычной коммуникации, как и всей «структуры речевого действия», для целей выработки понятий для теории перевода. А.Д. Швейцер, *Теория перевода: статус, проблемы, аспекты*, Москва, Наука 1988 г., стр. 21.

⁶ Л.К.Латышев, говоря об «общественном предназначении перевода», считает, что перевод призван «удовлетворить потребность общества в двуязычной коммуникации, в максимальной степени приближенной к естественной, одноязычной коммуникации». Л.К. Латышев, *Перевод : проблемы теории, практики и методики преподавания*, Москва, Просвещение 1988 г., стр. 9.

⁷ Согласно ИТ, понимание текста/высказывания не сводится к пониманию лексико-грамматических значений составляющих его языковых единиц и принципиально не отличается от понимания текста в условиях одноязычной коммуникации. Согласно теории смысла М.М. Бахтина понимание

Согласно ИТ, основные этапы переводческого процесса – восприятие и воссоздание текста – **не зависят от языковых комбинаций**. Этап понимания, т.е. извлечения смысла, непременно сопровождается **девербализацией**. Девербализация – важнейшее понятие ИТ. Девербализация, или абстрагирование от исходных языковых форм оригинала, сопровождает этап восприятия текста при переводе точно так же, как в одноязычной коммуникации.

Воспроизведение смысла, т.е. продуцирование текста перевода принципиально не отличается от продуцирования текста в условиях одноязычной коммуникации, которая, естественно, исключает опору на лексико-семантические структуры другого языка. Кроме того, если понимание оригинала возможно только путем абстрагирования от нейтральных значений единиц ИЯ, то «перевыражение» этого девербализованного смысла на другом языке тем более не может зависеть от языковых форм ИЯ. Единственно возможный подход заключается, таким образом, в полном отграничении (диссоциировании) двух языков, ИЯ и ПЯ, как при восприятии исходного текста, так и при продуцировании текста перевода.

Если учесть, что искомый текст относится к сфере одноязычной коммуникации, этап **ревербализации**, т.е. воспроизведения смысла средствами другого языка, не должен принципиально отличаться от спонтанного, естественного процесса выражения мыслей на ПЯ¹.

Согласно ИТ, постулируемый лингвистической теорией перевода «метод проб и ошибок», заключающийся в «постепенном» переходе с помощью межъязыковых трансформаций от более или менее «буквального» перевода оригинала к искомому эквивалентному или «адекватному» (по терминологии А.Д. Швейцера) переводу, абсолютно неприменим в условиях устного перевода как синхронного, так и последовательного.

Именно опора на лексические значения слов на ИЯ при переводе текстов заставляет приверженцев лингвистической теории говорить о лексических и грамматических «трудностях» перевода, связанных с различиями систем ИЯ и ПЯ.

Авторы ИТ, основываясь на определении перевода как процесса передачи на другом языке смысла текста на ИЯ (а не значений составляющих его языковых

текста не имеет ничего общего с идентификацией языковых значений составляющих его слов и предложений, которые как единицы языка воспроизводимы и повторимы до бесконечности. Для того, чтобы понять уникальное неповторимое высказывание, необходимо извлечь его неповторимый смысл. Вот почему понимание значений языковых единиц не тождественно пониманию смысла текста. М.М. Бахтин, *Литературно-критические статьи*, Москва, Художественная литература 1986 г., стр. 521. Согласно ИТ, понимание переводчиком текста оригинала (по терминологии ИТ : интерпретация текста, т.е. извлечение его смысла) и последующее продуцирование текста перевода принципиально не отличаются от аналогичных операций в процессе обычного речевого общения на одном и том же языке. Другими словами, интерпретативная концепция исключает систематическое обращение к лексико-семантическим структурам ИЯ в процессе создания текста на ПЯ.

¹ Любая опора на лексико-грамматические или синтаксические конструкции ИЯ при передаче смысла оригинала неизбежно приведет к нарушению норм и правил ПЯ. Этот феномен А.В. Федоров называл «переводческим стилем» или «переводческим языком». А.В. Федоров, *Основы общей теории перевода*, Москва, Высшая школа 1968 г., стр. 155-156.

единиц), предлагают прямо противоположный подход. В связи с тем, что переводческий процесс не сводится к трансформации языка оригинала в язык текста перевода, различия между ИЯ и ПЯ – исходная данность, предпосылка перевода, а не его «трудность». Текст перевода, как и любой текст, предназначенный для одноязычной коммуникации, может быть создан только в результате спонтанного, естественного процесса формулирования мысли (перевыражения смысла) на том или другом языке. Продуцирование текста перевода – **творческий процесс** выражения на ПЯ смысла, извлеченного из оригинала на ИЯ, что возможно только путем создания **смысловых (текстовых) эквивалентов** на ПЯ.

Другими словами, согласно интерпретативной концепции, естественным и нормальным для процесса перевода текстов является создание переводчиком «нерегулярных», единичных, устанавливаемых только для данного конкретного случая эквивалентов, тогда как «априорные» прямые соответствия – скорее исключение. В этом заключается принципиальное отличие интерпретативного подхода от лингвистического.¹

Перевод с помощью эквивалентов подтверждает постулат об универсальном характере процесса перевода текстов. В таком случае полностью отпадает необходимость в «специальных» («частных») теориях перевода в зависимости от видов переводческой деятельности (устный или письменный перевод) или типов переводимых текстов (литературные произведения, торжественные речи, научно-популярная литература, техническая документация, и т.д.). Поиск или создание смысловых эквивалентов при переводе текстов в итоге оказывается единственно возможным переводческим «приемом».

Итак, авторы ИТ отрицают необходимость «частных» теорий и методик преподавания, таких, например, как теория и методика преподавания перевода с английского языка на русский. Изучение в процессе обучения переводу так

¹ Интересно отметить, что если Л.С. Бархударов, например, считает, что «единичные соответствия» (смысловые эквиваленты по терминологии ИТ) не поддаются обобщению с помощью лингвистической теории перевода, то авторы ИТ ставят именно процесс создания таких «единичных соответствий» во главу угла. По мнению Ж. Делиля, перевод с помощью текстовых эквивалентов дает простор для творческой деятельности переводчика (для его «словесного творчества» по Бахтину), увеличивая в разы арсенал возможных решений, тогда как, по мнению Л.С. Бархударова, «незакономерные» эквиваленты представляют «наибольшую трудность для практики перевода». Советский теоретик, правда, признает, что в умении находить индивидуальные, единичные, «непредусмотренные» теорией (лингвистической – Т.Б.) эквиваленты как раз и «заключается творческий характер переводческой деятельности». Л.С. Бархударов, *Язык и перевод*, Москва, Международные отношения 1975 г., стр. 7. Прямые соответствия, согласно ИТ, являются не средством перевода, не целью процесса перевода, а следствием лингвистического сопоставительного анализа «постфактум» языковых средств ИЯ, использованных автором оригинала, с языковыми средствами ПЯ, использованными переводчиком при создании эквивалентов в процессе продуцирования текста перевода. Другими словами, наличие прямых соответствий в текстах оригинала и перевода не может служить основой для постулирования необходимости передачи языковых значений отдельных слов при переводе текстов как путем «буквального» перевода на начальном этапе переводческого процесса, так и путем лексических «трансформаций» на стадии отшлифовки перевода.

называемых «переводческих трансформаций», устанавливаемых для определенной пары языков, оказывается нерелевантным.

3. Отработка навыков выражения смысла на занятиях по устному переводу в ЭЗИТ

Главный акцент при преподавании как устного, так и письменного перевода в ЭЗИТ ставится на приобретении навыков создания смысловых (текстовых) эквивалентов. Этот процесс основывается не на контакте между двумя языками, участвующими в процессе перевода, а на их «разведении» (диссоциировании). Процесс поиска эквивалентов невозможен без девербализации, а творческий процесс создания эквивалентов облегчает процесс оформления перевода, т.е. ревербализацию, как спонтанное продуцирование текста на ПЯ, воспроизводящего смысл оригинала средствами другого языка.

Все вышеперечисленные положения и принципы органично вписываются в процесс подготовки переводчиков-синхронистов в ЭЗИТ. В первую очередь это касается того акцента, который делается на преподавании последовательного перевода в течение всего первого года обучения (М1). В силу своей специфики – продолжительность текстов от 6 до 7 минут, необходимость разработки и правильного использования строго индивидуальной системы записей (переводческой семантографии), спонтанная ревербализация извлеченного смысла с опорой на записи, отражающие не произнесенные слова, а проанализированный смысл исходного высказывания – последовательный перевод является незаменимым упражнением для отработки навыков, необходимых при синхронном переводе.

3.1. Предпереводческие упражнения на первом курсе (М1)

Все предпереводческие упражнения проводятся с текстами (или отрывками из них) продолжительностью 2-3 минуты, а не с отдельными словами, словосочетаниями или предложениями¹.

В ЭЗИТ в качестве **вводного занятия** практикуется «перевод» с родного языка на родной (например, с русского языка на русский). Такое упражнение позволяет задействовать механизмы понимания и продуцирования текстов в условиях одноязычной коммуникации, которые затем будут задействованы при переводе. Для проработки девербализации студентам предлагается не запоминать отдельные слова и выражения (они и так понятны – ведь анализируемый текст написан на их родном языке), а составить после

¹ В ходе этих упражнений отрабатывается девербализация при аудировании текста, так как невозможно запомнить все прозвучавшие слова и предложения, которые к тому же представлены в контексте. Акцент ставится на **«активное» понимание** текста с целью извлечения его смысла (Бахтин : понимание всегда активно). Для «активного» понимания нужны экстралингвистические (**когнитивные** по терминологии ИТ) **дополнения**. С этой целью на первых занятиях устраиваются дискуссии и диспуты на тему выбранного преподавателем текста. Такой «мозговой штурм» подготавливает почву для реагирования на содержание текста (его понимания, анализа и извлечения смысла), но также ставит студента в положение необходимости спонтанно выражать собственные мысли на ПЯ, вне зависимости от лексико-грамматических структур другого языка, соблюдая при этом нормы и узус ПЯ и обращая внимание на регистр и речевые жанры.

прослушивания текста краткий план содержания сообщения с упором на последовательность изложения мыслей автора, использованные им логические связи, т.е. на его замысел, его «речевую волю» (по терминологии Бахтина), на то, что он хотел сообщить. После озвучивания плана и его апробации всеми студентами, преподаватель просит одного из них свободно, но следуя одобренному всеми плану, пересказать содержание текста с сохранением логической структуры оригинала¹.

Студентам предлагается заниматься в группах по той же схеме (с родного языка на родной), при этом один из них играет роль преподавателя, подготовив заранее текст и досконально ознакомившись с выбранной темой.

Все последующие занятия, посвященные предпереводческим упражнениям, ведутся преподавателем по той же методике, что и «перевод» с А на А. Другими словами, не имеет значение с какого и на какой язык делается упражнение - преследуются те же цели и предлагаются те же установки. «Разведение» языков, их диссоциация, достигается на практике. «Мозговой штурм» в виде диспута ведется исключительно на ПЯ (родном или активном языке), задействованы те же механизмы понимания и продуцирования текстов, что и в одноязычной коммуникации (при «переводе» с А на А). Отрабатываются девербализация, «активное» понимание, анализ содержания текста, составление плана, спонтанное «перевыражение» смысла на ПЯ. При разборе ошибок, внимание обращается не на перевод отдельных слов и выражений, а на точное, ясное и однозначное воспроизведение мыслей автора, их последовательности и логической структуры всего текста/высказывания. Упор делается не на лексические или грамматические «сложности» ИЯ, а на ошибки в передаче смысла оригинала, которые могут быть вызваны недостаточно глубоким анализом содержания, отсутствием необходимого когнитивного багажа (экстралингвистических знаний) у студента, несовершенным знанием ИЯ, но также и недостаточным словарным запасом на ПЯ, несоответствующим регистром или речевым жанром, ошибками в словоупотреблении, несоблюдением норм и узуса ПЯ.

Студентам предлагается заниматься в группах, применяя тот же подход и те же установки и требования.

Все занятия на предпереводческие упражнения, которые в обязательном порядке проводятся в течение **6 первых недель** обучения на первом курсе, имеют общие цели и не зависят от языковых комбинаций и направления перевода (А-В, В-А, С-А, но никогда не А-С или В-С). Главная цель – отработка девербализации (диссоциирования ИЯ и ПЯ), мобилизация экстралингвистических дополнений, извлечение смысла текста (выделение логических связей и основных идей оригинала), спонтанное «перевыражение» смысла на ПЯ, путем создания текстовых эквивалентов, ясность и однозначность

¹ Уже на этом этапе обращается внимание на подбор средств выражения : исходные слова и выражения – забыты, необходимо найти надлежащий регистр, речевой жанр, такие языковые средства, которые позволят соблюсти нормы и узус родного языка и обеспечить ясность и однозначность в выражении понятого смысла.

при продуцировании текста на ПЯ, с соблюдением норм, узуса и речевых жанров¹. Все это готовит к следующему этапу – последовательному переводу с записями.

3.2. Практические занятия по последовательному переводу с записями

На вводном занятии к записям в ЭЗИТ студентам разъясняются **общие принципы**, не зависящие от языковых комбинаций. Подчеркивается строго индивидуальный подход к созданию собственной системы записей, при этом не навязывается мнение преподавателя относительно того, на каком языке делать записи, использовать ли преимущественно сокращения и символы, или слова. Уточняется, что записываются не услышанные слова на ИЯ, а результат активного слушания и анализа смысла высказывания. Общие указания касаются конечной цели системы записей как основы для создания смысловых эквивалентов и для спонтанного и естественного выражения смысла на ПЯ. Записи – не самоцель, а индивидуальная «шпаргалка», которая составляется в зависимости от экстралингвистических знаний каждого студента. Процесс записей не имеет ничего общего со стенографией, и не может быть приравнен к «декодированию» и последующему «перекодированию» сообщения. Записи в последовательном переводе должны помочь восстановить логическую структуру высказывания со всеми нюансами и подробностями, а затем и обеспечить спонтанное продуцирование текста на этой основе. Благодаря записям перевод должен звучать как хорошо подготовленное выступление на заданную тему.

На этих занятиях перевод делается с сообщений на избранную тему, продолжительностью 2-3 минуты, которые студенты-носители ИЯ готовят для остальных студентов. Перед тем, как приступить непосредственно к упражнению на последовательный перевод с записями, преподаватель заслушивает сообщения на ПЯ на эту же тему, подготовленные всеми студентами. Эти сообщения не зачитываются, а представляются в форме устного спонтанного выступления, которое заслушивается и дополняется остальными студентами, принимающими активное участие в исправлении выявленных ошибок как по содержанию, так и по форме. Большая часть технических терминов и имен собственных сообщается оратором заранее.

Такая «интеллектуальная» и вербальная «разминка» приводит к тому, что выступление оратора (студента-носителя ИЯ, подготовившего сообщение), воспринимается всеми студентами как одно из возможных выступлений на данную тему, как «высказывание», как «звено в цепи других высказываний» (по М.М. Бахтину), что облегчает анализ и активное восприятие (понимание) текста, а значит и извлечение его смысла (а не значений отдельных слов и предложений), соотношенного с содержанием ранее прозвучавших сообщений. Таким образом, соответствующие речевые жанры², проработанные в заранее подготовленных сообщениях, соблюдаются в полной мере. Процесс записей намного облегчается,

¹ «Научиться говорить – значит научиться строить высказывания (потому что говорим мы высказываниями, а не отдельными предложениями и, уж конечно, не отдельными словами». М.М. Бахтин, *Литературно-критические статьи*, Москва, Художественная литература, 1986 г., стр. 448.

² «Мы говорим только определенными речевыми жанрами, т.е. все наши высказывания обладают определенными и относительно устойчивыми техническими формами построения целого». М.М. Бахтин, *Ibidem*.

так как когнитивные дополнения и фоновые знания в максимальной степени активизированы, а девербализация происходит естественно, как в обычной одноязычной коммуникации. Это в свою очередь способствует приданию спонтанного и естественного характера процессу выражения смысла/продуцирования текста на ПЯ.

Студентам предлагается заниматься в группах по той же схеме.

По мере усложнения выбираемых тем и увеличения продолжительности предлагаемых к переводу сообщений (до 6-7 минут), ужесточаются и требования к детальному и нюансированному выражению смысла на ПЯ. В конце первого курса обучения студентам предлагаются аутентичные тексты выступлений, прозвучавших в реальных условиях международных конференций.

3.3. Перевод с листа

Преподавание перевода с листа начинается во втором семестре первого года обучения (М1), когда у студентов уже выработаны определенные автоматизмы девербализации и когда они приобретают способность диссоциировать ИЯ и ПЯ, несмотря на наличие перед глазами исходного текста в письменном виде.

Для упражнений по переводу с листа выбирается неспециализированная тематика, как правило на актуальную в данный момент тему. Текст, длиной в 250-300 слов зачитывается целиком, при этом студенту запрещается прибегать к записям. Все его внимание должно быть сосредоточено на активном восприятии зачитываемого текста, что позволит студенту не «заикливаться» на отдельных словах и выражениях в процессе перевода с предъявляемого ему письменного текста. Отрабатывается максимальное абстрагирование от лексико-синтаксических структур ИЯ, а также создание смысловых эквивалентов, т.е. свободное использование всего арсенала средств выражения на ПЯ. Главные требования, которые предъявляются преподавателем, касаются точности воспроизведения смысла оригинала, но также и ясности, однозначности и правильности оформления перевода на ПЯ.

3.4. Синхронный перевод (без текста)

Освоив последовательный перевод и перевод с листа, студенты могут приступить на втором курсе (М2) к освоению синхронного перевода, который основывается не на «пословных подстановках» значений слов оригинала, а на извлечении смысла в условиях стресса, дефицита времени, а также, в случае синхронного перевода с текстом, наличия письменного текста у переводчика¹.

Предпереводческие упражнения включают так называемый **«обратный счет»** на ПЯ при заслушивании в кабине зачитываемого текста на ИЯ. При этом студент знает, что все его ошибки в счете не пройдут незамеченными, и что, кроме того, ему предстоит кратко резюмировать содержание сообщения сразу же

¹ Навыки и автоматизмы, приобретенные в процессе освоения последовательного перевода, помогут начинающим синхронистам верно и точно воспроизводить смысл исходного высказывания, применяя методы ревербализации, основанные на спонтанном выражении смысла средствами другого языка, путем создания смысловых (текстовых) эквивалентов с привлечением когнитивных дополнений, почерпнутых из когнитивного багажа и когнитивного контекста.

после окончания упражнения, выйдя из кабины. Это упражнение направлено на разведение языков: ИЯ, на котором представляется сообщение, и ПЯ, на котором он должен вести «обратный» счет. В результате, девербализация обеспечена в максимальной степени.

На этой начальной стадии обучения синхронному переводу предлагаются те же упражнения, что и при обучении последовательному переводу : «мозговой штурм» (дискуссии и диспуты), озвучивание заранее подготовленных собственных сообщений на заданную тему, проговаривание технических терминов в контексте, осваивание соответствующих речевых жанров, расширение активного словарного запаса в условиях спонтанного продуцирования текстов.

На ранних этапах обучения синхронному переводу студентам предлагается также вести **«репортаж»** из кабины на тему зачитываемого сообщения, т.е. прийти к свободно оформленному «перевыражению» извлекаемого смысла оригинала. Такое «перевыражение» напоминает комментарий или «репортаж с места события». Оно может быть не обязательно полным, но обязательно корректным с точки зрения норм и узуса ПЯ. Отрабатываются максимальная ясность и однозначность выражения смысла, извлекаемого из оригинала.

Занятия по синхронному переводу ведутся вначале с сообщений, заранее подготовленных студентами-носителями ИЯ, на тему, которая сообщается студентам заблаговременно. Постепенно увеличивается продолжительность упражнений в кабине (до 10-15 минут), ужесточаются требования к детальному и верному оформлению перевода на ПЯ. На заключительном этапе обучения студентам предлагаются аутентичные тексты выступлений, которые преподаватели нередко сами переводили на международных конференциях.

3.5. Синхронный перевод с текстом

Заключительным этапом обучения синхронному переводу является преподавание «синхронного перевода с текстом». Внимание студентов обращается на то, что этот вид перевода не следует смешивать с переводом с листа «в кабине», ввиду того, что синхронный перевод с текстом выполняется в строго определенных временных рамках, в условиях, как правило, быстрого чтения оратором текста оригинала.

Подчеркивается важность терминологической и тематической подготовки, а также освоения навыков быстрого предварительного ознакомления с содержанием текста, с применением так называемой «смысловой разметки», которая позволяет выделить основные мысли автора, логическую структуру и смысл переводимого текста. «Смысловая разметка» текста приравнивается к процессу записей в последовательном переводе. Она так же строго индивидуальна, так же зависит от экстралингвистических и терминологических знаний каждого студента, так же призвана служить основой для создания смысловых эквивалентов в процессе продуцирования текста перевода.

Как и в случае синхронного перевода без текста большое значение придается оформлению перевода, которое должно быть в максимальной степени приближено к спонтанной речи. Если для первого занятия текст (4-5 страниц) передается студентам за несколько дней, а то и за неделю вперед, то на

последующих уроках – этот срок сокращается до одного дня, до нескольких часов и, наконец, до 20 минут, как это предусмотрено на дипломных экзаменах.

На завершающей стадии обучения, при чтении текста, преподаватель может внести любые изменения в исходный текст : добавления, перестановки параграфов или фраз, исключение отдельных отрывков текста и т.д., чтобы максимально приблизить занятия к реальной действительности. Будущий профессиональный переводчик-синхронист должен уметь сочетать внимательное аудирование окончательного варианта зачитываемого текста (с вносимыми в него изменениями) с беглым просматриванием исходного текста (переданного ему заблаговременно и заранее им подготовленного), не забывая о строгом контроле за продуцированием текста перевода, т.е. за нормами и правилами ПЯ. Эта задача – не из легких, но вполне выполнима.

4. Заключение

Таким образом, основные принципы интерпретативной концепции перевода, такие как опора на **механизмы одноязычной коммуникации**, и вытекающая из этого необходимость **диссоциирования ИЯ и ПЯ**, путем **девербализации** на этапе восприятия смысла текста, а также путем создания **смысловых эквивалентов** на этапе продуцирования текста перевода, находят свое применение в методологии обучения устному переводу в том виде, в котором она уже более 55 лет успешно применяется в ЭЗИТ.

Список использованной литературы

1. Seleskovitch D., Lederer M., *Pédagogie raisonnée de l'interprétation*, Paris : Didier Erudition – CEE, 1989.
2. Lederer M., *La traduction aujourd'hui*, Paris : Hachette, 1994.
3. Bodrova-Gogenmos T., *La traductologie russe (théorie, pratique, enseignement): ses apports et ses limites*, Villeneuve d'Ascq : Presses Universitaires de Septentrion, 2001.
4. Delisle J., *L'analyse du discours comme méthode de traduction. Théorie et pratique*, Ottawa : Presses Universitaires, 1984.
5. Алексеева И.С., *Профессиональный тренинг переводчика*, Санкт-Петербург : Издательство «Союз», 2005.
6. Бархударов Л.С., *Язык и перевод*, Москва: Международные отношения, 1975.
7. Бахтин М.М., *Эстетика словесного творчества*, Москва : Искусство, 1979.
8. Бахтин М.М., *Литературно-критические статьи*, Москва: Художественная литература, 1986.
9. Бахтин М.М. (Под маской), *Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка*, Москва : Лабиринт, 2000.
10. Комиссаров В.Н., *Слово о переводе*, Москва : Международные отношения, 1975.
11. Латышев Л.К., *Перевод : проблемы теории, практики и методики преподавания*, Москва : Просвещение, 1988.
12. Ледерер Марианна, *Актуальные аспекты переводческой деятельности в свете интерпретативной теории перевода*, Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2007.

13. Федоров А.В., *Основы общей теории перевода*, Москва : Высшая школа, 1968.

14. Швейцер А.Д., *Теория перевода : статус, проблемы, аспекты*, Москва : Наука, 1988.

SECTION 2. NEW APPROACHES TO INTERPRETER TRAINING

Konstantin Ivanov, Kate Davies, Boris Naimushin¹

TEACHING SIMULTANEOUS INTERPRETATION WITH TEXT

Summary

Proceeding from the ever-growing use of simultaneous interpretation with text (SI+T) at international conferences and on the private market and the need to teach it to future interpreters, this paper touches upon the following issues: what is SI+T; types of SI+T (running texts vs. Power Point slides vs. real-time captioning, etc.); theoretical foundations of SI+T; four time-related scenarios in SI+T, i.e. (1) ideal (text given to interpreter well in advance), (2) normal (text given 10-20 minutes in advance), (3) rush (text given just before the speaker starts), and (4) crisis (text given after the speaker starts); SI with or without text: which is easier?; cognitive constraints and benefits in SI+T (e.g., dual input vs. increased precision); interpreting strategies in dealing with text in SI under four time-related scenarios, including (1) strategic decision on whether or not to use the text, and (2) text preparation strategies and techniques; current and recommended approaches to teaching SI+T; cognitive foundation for teaching SI+T with selected methodological recommendations; and sample progression scale for teaching SI+T.

Introduction

In 2009, four conference interpreters also involved in interpreter training – Rawdha Cammoun (Arabic booth, Geneva), Kate Davies (English booth, DG-SCIC, Brussels), Konstantin Ivanov (Russian booth, Geneva), and Boris Naimushin (Bulgarian and Russian booths, Sofia) – completed the Advanced Master's degree in Interpreter Training (MAS) at the *École* (now *Faculté*) *de Traduction et d'Interprétation*, University of Geneva. The MAS course was designed to provide experienced professional conference interpreters with the necessary theoretical and pedagogical foundation that would enable them to develop a sound methodology for teaching interpreting at university level.

In their final Seminar Paper entitled *Simultaneous Interpretation with Text – Is the Text 'Friend' or 'Foe'. Laying Foundations for a Teaching Module*, the authors focused on the way in which conference interpreters handled the written texts of speeches to be delivered at conferences or meetings where they were working.

¹ This presentation is, to a large extent, based on the findings of a study on Simultaneous Interpretation with Text (SI+T) carried out by a group of MAS students in fulfillment of their MAS degree 2008/2009 FTI (formerly ETI) in Interpreter Training: Ms. Rawdha Cammoun, a Geneva-based freelance interpreter and teacher at FTI, Ms. Kate Davies, a staff interpreter and trainer at the European Commission (DG-SCIC), Mr. Boris Naimushin, Ph.D., a Sofia-based freelance interpreter and Associate Professor of Translation and Interpretation at the New Bulgarian University, and Mr. Konstantin Ivanov, a Geneva-based freelance interpreter and teacher at FTI. That is why R.Cammoun, K.Davies and B.Naimushin are considered co-authors of this presentation together with K.Ivanov who made the actual presentation at the Conference.

In the above-mentioned Seminar Paper the authors covered the following elements: (1) SI+T scientific literature review; (2) an email/interview survey among various conference interpretation schools to study their approaches to the teaching of SI+T; and (3) a special SI+T survey run mostly among interpreters who worked at the June 2009 International Labor Conference held at the ILO in Geneva, and at a World Intellectual Property Organization (WIPO) meeting, also held in Geneva in late June 2009, with a total number of approximately 100 questionnaires distributed, of which 50 valid questionnaires were returned. The general methodological framework of the survey was based on the training the authors received as MAS students in Module 4 - *Design and Implementation of Research Projects* - of the MAS curriculum, and, in particular, on the article by Moser-Mercer (2009) entitled *Constructing Quality* devoted to developing survey instruments.

In the Introduction to the Seminar Paper the authors state that nowadays interpreters often have to perform what is known as Simultaneous Interpretation with Text (SI+T) [...]. Initially a regular feature of scientific and technical symposia, the practice of speakers and delegates reading pre-prepared statements into the microphone has been imposed, generally with their tacit consent, on interpreters in virtually all major international for a replacing, to a large extent, the ad lib speeches and spontaneous discussion that used to be the main substance of an interpreter's professional activity. As a result, SI+T accounts today for a large part of a conference interpreter's workload, whether it be in international organizations and institutions or on the private market. Since SI+T has become such an integral part of the professional activity undertaken by conference interpreters, there is obviously a need for future interpreters to be trained in the particular skills needed to provide the highest quality results possible in this type of interpretation. (Cammoun et al. 2009: 8)

1. What is Simultaneous Interpretation with Text?

But what exactly is SI+T? This question is of particular relevance when talking to a mostly Russian audience, as is the case at this Conference. As a matter of fact, the Russian school of interpreting studies does not actually know this term, using instead the notion of 'simultaneous sight translation', which, together with 'pure SI' and 'simultaneous reading out of a pre-translated text', constitute the three types of SI, as initially proposed by Shiryayev (Shiryayev 1979: 4-5) and later confirmed by Nelubin (Nelubin 1993) and many other Russian authors. Chernov initially also used the term 'sight translation' (without 'simultaneous') to refer to SI+T (Chernov 1978: 10-11), although later, in his classic *Introduction to Simultaneous Interpretation* (Chernov 1987: 8), he opted for the Western term of 'SI with text'. Alekseeva, Director of the SCIT, also refers to SI+T as 'oral sight translation' (Alekseeva 2008 [2000]: 97-98).

In our opinion, the term 'simultaneous/oral sight translation' is confusing because it does not distinguish between the two different processes or modes of interpretation where a written text is involved, i.e. 'sight translation' (ST) proper and 'SI with text' (SI+T). Seeber 2010 described SI+T as follows: "ST involves the transposition of a message WRITTEN in one language into a message delivered ORALLY in another language, while SI+T is simultaneous interpretation where the [source] message is presented both ORALLY and VISUALLY" [to be delivered only ORALLY in the target

language – addition by the authors]. This was a direct citation of a definition of ST and SI+T most commonly used in the West (Lambert 2004: 298-299).

Thus, the Western typology of SI includes SI of improvised or ad lib speeches (Sim Impro, for short) and SI+T (Sim Text), considering ST as a separate category, a distinction that is convenient for research, teaching and professional practice purposes.

2. Types of Simultaneous Interpretation with Text

Using the term SI+T that is larger in its scope than the Russian term ‘simultaneous/oral sight translation’, enables us to cover virtually all situations in SI where a textual visual input is involved. These situations can also be referred to as types of SI+T. A non-exhaustive list of such types is proposed below:

(1) Working with ‘running’ written texts of speeches, which is by far the most common type of SI+T.

(2) Using Power Point slides (PPs), which is the second most common type of SI+T and the importance of which keeps growing.

(3) So called ‘reading out of pre-translated speeches’ which can be quite a challenging exercise when the translation provided to interpreters is of poor quality and, even more so, when the interpreter does not know the source language, especially if there is no pacer (a person speaking the source language and showing to the interpreter the sentence that is being read out at any given moment by the original speaker).

(4) The use of working documents, e.g. reports, draft resolutions, etc., that are non-oralized texts, which, although in frequent use, require different and specific skills.

(5) Real-time captioning (RTC) on a big screen and/or individual monitors (visible also to interpreters) of the speech that is being delivered. This practice has recently been introduced at some major international meetings, notably in the International Telecommunication Union (ITU), for the benefit of the hearing-impaired and those whose command of the source language (mostly, if not exclusively, English) is relatively poor, but who prefer not to listen to interpretation¹. Thanks to the use of special teachable software by an RTC operator the quality of the output is often very high, thus making this tool a true support for the interpreter. But, for reasons that are not analyzed here, this is a very hazardous exercise, especially if the operator makes a major mistake, e.g. writes that a draft resolution or proposal was adopted when in fact it was not, which then puts the interpreter on the spot who (orally) understood and interpreted it right! SI+T with RTC requires special study, which would go beyond the scope of this paper.

The research reported here focuses only on the first type of SI+T (running text).

3. Theoretical Foundation of SI+T Study

From a theoretical point of view, the FTI MAS research in question and this presentation are based mainly on process research in SI. Our approach thus draws on ‘the concept of processing capacity and its finite availability’ and uses ‘the basic assumption underlying the Effort Models [...], namely the existence of distinct

¹For more information about RTC the reader is referred to the interview with an RTC operator at the *ITU World Telecommunications Standardization Assembly (WTSa-12) News Blog* at <http://wtsa12.wordpress.com/2012/11/21/a-word-with-heidi-thomas-broadcast-captioner-at-wtsa/>

operations in interpreting, which compete for a limited, often insufficient amount of processing capacity' (Gile, 1997: 197, 211). Gile bundled these complex operations into four efforts (the name was chosen to underscore their non-automatic nature), i.e. (1) listening and analysis effort, (2) production effort, (3) memory effort, and (4) coordination effort (*op. cit.*, pp.197-198). Gile preferred this cognitive approach to more traditional product research in SI, since the former offers 'methodologically more possibilities for deducing strategies from [research] data' (Künzli & Moser-Mercer 1995), which [was] exactly one of the aims of this study.' (*op. cit.*: 12-13)

4. Time-Related Scenarios in Simultaneous Interpretation with Text

The review of the limited SI+T scientific literature showed that the time factor in SI+T was not duly taken into consideration. The only exception to this was found in Calamita (2008). In designing her SI+T intensive training course, the author identified three possible time-related options, i.e. 'two-day preparation option', 'twenty-minute preparation option' and 'zero-minute preparation option'. Based on their own observation and experience, Cammoun *et al.*, 2009 decided to base their research on four scenarios, instead of three, i.e. (1) ideal (text given to interpreter well in advance), (2) normal (text given 10-20 minutes in advance), (3) rush (text given just before the speaker starts), and (4) crisis (text given after the speaker starts).

5. Simultaneous Interpretation with or without Text: Which is Easier? – Cognitive Constraints and Benefits of Having a Text in SI

Some authors tend to think that having a text in SI facilitates interpretation (e.g., Alekseeva 2008 [2000]: 97-98). Some practicing interpreters share this position. But the majority of researchers, and interpreters, at least those working in the West and involved in studying SI+T are of a different opinion (e.g., Seleskovitch & Lederer 2002 [1989]: 205-214; Gile 1997: 204; Lambert 2004: 300; Dejean Le Féal 1982:237; Chernov 1987: 47-54). Cammoun *et al.*, 2009 share the latter opinion and explain this as follows:

Since [...] the interpreter's cognitive capacity is finite, while several operations (bundled into four efforts by Gile) compete for their share of it, in a demanding situation (and SI+T is considered one of these) it is quite conceivable to arrive at what has been termed 'cognitive overload', or 'general saturation', where the interpreter's total cognitive resources are not sufficient to deal with all of these operations or 'efforts' at one and the same time. It is also conceivable to arrive at an operation/effort-specific cognitive shortage resulting from a 'bad' cognitive management decision whereby too many resources are applied to a 'wrong' operation/effort thus leaving the 'right' operation/effort in a deficit situation. In both cases, this will result in errors and failures in SI. In SI in general and in SI+T in particular, there are certain factors that lead to increased processing capacity (or cognitive resources) requirements. They impose additional limitations on already scarce cognitive resources and may lead to the emergence of a general saturation or operation/effort-specific cognitive shortage. We call these factors, or limitations, 'cognitive constraints'. The words 'difficulty' or 'disadvantage' are sometimes used as a synonym of 'cognitive constraint'. (*op. cit.*: 57)

Most often, researchers and practicing interpreters identify the following cognitive constraints, or difficulties of SI+T:

(1) Dual input (aural and visual), i.e. the difficulty of coordinating both listening to the speaker and reading the text while interpreting it.

(2) Higher speed, i.e. accelerated speed of the reader, as compared to an *ad lib* speaker, i.e. higher delivery rate of the speech, be it real or only perceived as such by interpreters, as is claimed by Dejean Le Féal (1978) and Chernov (1987: 47-54).

(3) Lack of language redundancy which is understood as “the availability in language of elements carrying repetitive information, i.e. information already transmitted by other language elements” (Nelubin 1993: 58).

(4) Monotonous oral delivery i.e. lack of expression or intonation in the speaker’s voice that makes it more difficult to identify the logical structure of the speech and to use chunking techniques in rendering the interpretation of it.

(5) Negative interference from the SL that refers to the interpreter’s applying knowledge from the first/source language to a second/target language.

(6) Risk of missing the speaker’s digressions from the written text.

But having a text in SI also has its advantages, or cognitive benefits, that have not been sufficiently studied in the scientific literature. Cammoun et al., 2009 identified four such advantages:

‘(1) Using the text for developing the knowledge base for each particular meeting, the assumption [being] that preparing the text in advance or, at least, skimming through it if the time available is very limited, would enable interpreters to understand the subject matter of the meeting, to familiarize themselves with the key concepts, facts and stakeholders involved, to grasp the gist of the range of existing positions on the issues under discussion, etc., all of which would be instrumental in enhancing the quality of their performance.

(2) Increased precision and accuracy in output, since having a text makes it possible to be accurate in delivering numbers, dates, personal and institutional names, geographical indications, document titles, citations, etc., all of which are more easily grasped by reading than by listening.

(3) [...] Easier anticipation, even if the speaker digresses from the initial text, as the overall thrust of the speech is already known.

(4) [...] Facilitating the interpreter's understanding of a speaker with a heavy accent, since the interpreter can check what the speaker is saying, or was supposed to say, against the text. In certain circumstances, when the accent is not just heavy but absolutely unintelligible, having the text may be the only way for the interpreter to ‘survive’ by, exceptionally, sight translating the corresponding fragment of the text, bearing in mind the inherent risks of using such a technique, i.e., forgetting to ‘listen’ rather than ‘read’, thus omitting additions and including omissions, racing ahead of the speaker, etc.’ (*op. cit.*: 60-61).

Interestingly, if not paradoxically, the results of our SI+T survey show that having a text is considered by interpreters as a useful instrument to deal with the difficulties resulting from the use of a written text by the speaker, i.e. (1) higher speed, (2) lack of language redundancy, and (3) monotonous oral delivery. One possible – and partial – explanation of this situation may be the fact that survey questions relating to cognitive constraints or benefits were intentionally drafted in such a way as not to indicate which element was considered by the authors to be a constraint and which a benefit.

The survey covered all four time-related scenarios in SI+T and showed a certain degree of variability in interpreters' perception of both cognitive constraints and benefits of having a text in SI depending on the time scenario. For a more detailed discussion the reader may refer directly to Cammoun et al. (2009).

6. Interpreting strategies in dealing with text in SI

The discussion of this issue is based on Kirchoff's (1976) definition of the notion of interpreting strategies:

'SI is a complex cognitive process. The individual steps in problem solving (processing of segments) can be divided into component operations which must occur in a certain sequence [...] and in a predetermined timeframe. Each component operation has an impact on the over-all solution, because the output of one processing stage serves as the input condition for the next one. The results of problem-solving operations [in SI] are determined by the efficiency of the strategies employed. **Strategies indicate which decisions must be taken in a given situation or in view of certain probabilities so as to reach a goal within a behavioral plan.** SI strategies determine, among other things, decisions on the timing of the start of processing operations (segmentation), decisions to delay operations or keep data (parts of segments) available, decisions concerning the types of necessary operations (information selection and reduction), and decisions concerning processing speed and the overall load sustainable at a given time. Interpreting strategies are subject to continuous improvement until they become optimized and, if possible, automatic.' (Kirchoff 1976: 114)

As can be seen from the text above in bold print (added for emphasis by this author), the key element in this definition is the word 'decisions', which implies making choices.

With regard to SI+T, this paper concentrates only on two major strategic decisions or choices that need to be made by interpreters: (1) to use or not to use the text in SI depending on the time-related scenario, and (2) which technique of text preparation to use in the first three scenarios (in the fourth scenario, the crisis situation, preparation is practically impossible).

6.1. Strategic Decision on Whether or Not to Use the Text in SI

With regard to strategic decision on whether or not to use the text in SI, Cammoun et al., 2009 note that

'the overwhelming majority of [SI+T survey] respondents said that they used the text either 'always' or 'sometimes'. Only one respondent uses it only for figures, dates and proper names. In other words, whether trained in SI+T or not, and irrespective of their length of experience in working with the text, interpreters use it in one way or another (whether or not they enjoy using the text is another matter). This result stands in direct contradiction to the claim that has become commonplace in academic writings and professional discussions among colleagues that, because of the inherent difficulties of SI+T, many interpreters do not use the text. Even in the fourth scenario, the majority of the respondents indicated that they do choose to use the text one way or another, even when the text is provided after the speaker has already started delivering the

speech. This proves the authors' working hypothesis that the text is useful in all circumstances, even in a 'crisis' situation.

Having said that, a note of caution must be added, as one third of respondents indicated, in response to the general question [of the Survey Questionnaire on how often they use the text of a speech], that they use the text only 'sometimes'. It is intriguing to note that this share (1/3) is exactly the same as the proportion of those who prefer not to use the text in the fourth scenario. We would assume that it is quite possible that when the respondents answered 'sometimes' to the general question about the use of the text in SI, consciously or subconsciously, they were referring to the fourth, or 'crisis', scenario.' (op. cit.: 125-126).

6.2. Strategic Decisions Relating to the Preparation of the Text in SI

With regard to strategic decisions relating to the preparation of the text in SI, Cammoun et al., 2009 state that

'in the first scenario, the three most important elements focused upon by the surveyed interpreters when preparing the text are, in descending order: (1) complex syntax; (2) idiomatic expressions; and (3) sayings, proverbs and quotations. In the second scenario, interpreters look at (1) the main idea, (2) complex syntax and (3) idiomatic expressions, with (4) sayings, proverbs and quotations following them closely behind. In the third scenario, interpreters (1) circle/highlight/underline some key elements, (2) skim through the text to grasp the whole picture and the main idea, e.g. positive/supportive vs. negative/critical, and (3) look at the opening and closing paragraphs.' (op. cit.: 126)

The most striking and pedagogically useful feature of the survey results regarding text preparation is the importance practicing interpreters attach to complex syntax. The absence of the main idea in the first scenario is due to the fact that the authors did not include the option 'main idea' in the first scenario assuming that, with ample time for preparation, the main idea would undoubtedly be gleaned from the text. In retrospect, this is thought to have been a methodologically wrong survey design decision.

7. Current and Recommended Approaches to Teaching SI+T

The research under review

'revealed an increasing recognition of the need to train students of interpretation, and even some experienced interpreters, in the strategies and techniques which could help them to make appropriate use of the text in SI+T.

Currently many, if not most, of the [Western] schools and universities offering Masters degrees in interpreting do include training in the use of the text in SI. This training is offered either as a separate module or, as is more often the case, due to budgetary, legal and administrative reasons, incorporated into advanced SI modules. At ESIT (Paris) and ETI [now FTI, Geneva], a two-pronged approach is used, whereby the curriculum provides both specific training in SI+T as well as practice of it in general (master classes) and language-pair-specific SI classes as well. Both curricula include SI+T in their final exams.' (op. cit.: 122-123).

The Monterey Institute of International Studies (USA) also used to have a SI+T test as part of their final exams, but this practice was discontinued due mainly to time constraints and the sheer volume of numbers of test candidates.

In the three-semester FTI Master's Degree in Conference Interpreting, SI+T is taught in the third (and last) semester, but it is preceded by intensive sight translation (ST) practice in the second semester. In the end of the second semester, one theoretical and one practical SI+T introduction class are organized, with students being instructed afterwards to actively practice ST during the summer break.

In terms of SI+T types, FTI concentrates on SI with 'running' texts of speeches and Power Point presentations (PPs). An introduction to working with non-oralized texts, e.g. text of a resolution, and voluminous working documents is also provided. The first three time-related scenarios are regularly covered in all SI classes, while SI+T in a 'crisis situation' is hardly ever addressed. For the purposes of final SI+T exams, FTI has chosen the second (normal) scenario with 20 minutes for preparation of a speech (running text) that is then read out at normal speed without digressions (a recording of said speech is used for practical and administrative reasons). This choice was made on the assumption that it is one of the most frequent SI+T situations encountered in the profession.

In other university curricula for conference interpreter training 'it seems that [in most cases] a rather ad hoc approach has been adopted with most, if not all of the responsibility for devising teaching methods for SI+T being left to each individual teacher or group of teachers.' (*op. cit.*: 123). There are also many university curricula that do not offer any systematic or, at the least, sporadic training in SI+T, which is most notably the case in Russian linguistic universities and conference interpretation schools.

A similar situation prevails in the main international organizations that employ large numbers of staff or free-lance conference interpreters but do not provide any SI+T training for them, with only one exception known to the authors, the EU Directorate General for Interpretation (see below).

In terms of improving organizational approaches to teaching SI+T, the authors believe that the following ideas, based on the findings of their research, may prove to be useful:

'(1) If solutions can be found to the existing budgetary, legal and administrative problems in those conference interpreting schools affected, we would recommend that a separate SI+T training module, accompanied by an SI+T eliminatory final examination be introduced. The existing experience of ESIT and, partially, ETI [now FTI] could be useful in this regard.

(2) A major incentive is necessary to encourage this to happen: i.e. international organizations and European institutions whose officials sometimes refer to the importance of the text in SI, but which do not have any qualifying examinations in SI+T for interpreters wishing to work for them as freelancers or staff members, should consider introducing such an element in their tests.

(3) Special enhancement courses in SI+T should be established for, and promoted among freelance and staff conference interpreters, following the example of the EU Directorate General for Interpretation, which has been running a one-day intensive SI+T course for its staff two to three times per year since 2005.' (*op. cit.*: 131)

8. Cognitive Foundations for Teaching SI+T with Selected Methodological Recommendations

The main advantage of using a cognitive approach to teaching SI+T is that to acquire expertise in the SI+T process the focus needs to be, to a large extent, on ensuring optimal management of the scarce and finite cognitive resources of the interpreter; thus the main thrust of SI+T training must be teaching how to minimize the interpreter's efforts in dealing with all of the above-mentioned six cognitive constraints and on how to capitalize on all of the above-mentioned four cognitive benefits of having a text in SI initially identified by the authors and three additional benefits of having a text specified by surveyed interpreters. For each of these constraints and benefits special techniques, rules and exercises could and should be developed.

For example, when dealing with dual input, it is advisable to 'concentrate on improving reading skills with different exercises (skim reading, developing techniques to read faster, stopping and focusing on one word for several seconds, learning how to read in blocks instead of reading single words, [...] and text analysis, learning what you do with different kinds of text, what you look for, etc.)' (excerpt from an interview the authors conducted within the framework of the research reported in this paper) . Of course, the importance of practicing sight translation cannot be overemphasized in this respect.

In the same vein, when dealing with possible digressions of the speaker from the written text, three golden SI+T rules of one of the co-authors should be taught: Rule 1 – Listen! Rule 2 – Listen! Rule 3 – Listen!

When teaching SI+T, special attention must be paid to mastering text preparation techniques and strategies mentioned in Section 6.2 above.

'In teaching SI+T, it is vital to cover all four possible time-related scenarios, reflecting the moment at which interpreters receive the text [...]. While doing so, special attention should be paid to scenario 4, which presents special challenges in dealing with the text in SI. [...] When dealing with the fourth scenario, special emphasis should be placed on collective SI+T strategies.' (*op. cit.*: 131-132)

'When discussing with SI students such strategic decisions as to whether or not to use the text in general, or in any of the four scenarios in particular, the main aim should be to convince them that in simultaneous interpretation, the text is always a friend' (*op. cit.*: 131), which was the main general conclusion of our study.

9. Sample Progression Schedule in Teaching SI+T

As a follow-up to their MAS research on SI+T, one of the co-authors has developed and successfully piloted in his SI (Fr>Ru) classes at FTI the following progression scale for SI with running text based on three criteria, i.e. time-frame scenarios, digressions vs. no digressions, and oralized vs. non-oralized texts (text written as a speech vs., for example, text of a resolution):

(1) Ideal time-related scenario (text given well in advance), no digressions, oralized text.

(2) Normal scenario (text given 20 minutes in advance), no digressions, oralized text - model used at FTI final exams.

(3) Rush scenario (text given 2-3 minutes in advance), no digressions, oralized text.

(4) Ideal scenario with digressions, oralized text.

(5) Normal scenario with digressions, oralized text.

(6) Crisis scenario (text given after the speaker has started), no digressions, oralized text.

(7) Ideal scenario, no digressions, non-oralized text (draft resolution, official statement, etc.).

(8) Rush scenario, no digressions, non-oralized text.

Clearly, not all combinations of the above three criteria are represented, because some are rare, if not artificial (e.g. crisis scenario, with digressions, non-oralized text), and teaching time constraints add an additional challenge.

This progression schedule has been considered by a number of trainer colleagues as too prescriptive and detailed. However, the purposes of this paper is just to show the logic for designing a better progression schedule not only for SI+T with running text, but also for SI+T with PPs.

Conclusion

As the authors said elsewhere (Cammoun et al., 2009), they 'hope, with all modesty, that their research findings, together with the suggestions and recommendations outlined [therein and in the present paper], will not only provide a foundation for the design of a sound SI+T module, but will also encourage further research, observation, and experimentation so that, in future, the strategies for overcoming the cognitive constraints and taking advantage of the cognitive benefits, in order to make use of the text in SI in an efficient manner, will be thoroughly understood and mastered by all professional conference interpreters.' (*op. cit.*: 134)

Bibliography

(for a more extensive bibliography, see also Cammoun et al., 2009: 160-162)

1. Alekseeva, I. (2008 [2004]). *Professional'nyi trening perevodchika: Uchebnoe posobie po ustnomu i pis'mennomu perevodu. (Professional Training of Interpreters and Translators: A Handbook of Interpreting and Translation)*. Moskva: Soyuz.

2. Calamita, O. (2006). Teaching Simultaneous Interpretation with Text: Analysis of the Learning Process and Syllabus Design. Seminar Paper - Continuing Education Certificate for Interpreter Trainers. Ecole de Traduction et d'Interprétation, Université de Genève.

3. Cammoun, R., Davis, K., Ivanov, K., Naimushin, B. (2009). Simultaneous Interpretation with Text: Is the Text 'Friend' or 'Foe'? Laying Foundations for a Teaching Module – Seminar Paper – Master of Advance Studies in Interpreter Training. École de Traduction et d'Interprétation, Université de Genève.

4. Chernov, G. V. (1978) *Teoriya i praktika sinhronnogo perevoda (Theory and Practice of Simultaneous Interpretation)*. Moskva: Mezhdunarodnyie otnosheniya.

5. Chernov, G. V. (1987) *Osnovy sinhronnogo perevoda (Fundamentals of Simultaneous Interpreting)*. Moskva: Vysshaya shkola.

6. Dejean Le Féal, K. (1978). *Lectures et improvisations: incidence de la forme de l'énonciation sur la traduction simultanée*. Unpublished doctoral dissertation. University of Paris III.

7. Dejean Le Féal, K. (1982) 'Why impromptu speech is easy to understand'. *Impromptu Speech: A Symposium*. Ed. by N.L. Enkvist, Abo, Abo Akademi.

8. Gile, D. (1997). Conference Interpreting as a Cognitive Management Problem. In Joseph E. Danks, Gregory M. Shreve, Stephen B. Fountain, Michael K. Mc Beath (eds), *Cognitive Processes in Translation and Interpreting* (pp. 196-214). Thousand Oaks, London and New Delhi, Sage Publications.
9. Kirchhoff, H. (1976). «Das Simultandolmetschen: Interdependenz der Variablen im Dolmetschprozess, Dolmetschmodelle und Dolmetschstrategien», in H.W. Cahiers de Linguistique Française 2396 Drescher (éd.), *Theorie und Praxis des Übersetzens und Dolmetschens*, Frankfurt, Lang, 59-71.
10. Künzli, A., & Moser-Mercer, B. (1995). Human strategies for translation and interpretation. In L. Dreschler-Fischer & S. Pribbenow (Eds.), *KI-95 activities: Workshops, posters, demos* (pp. 304-306). Bonn, Germany: Gesellschaft für Informatik.
11. Lambert, S. (2004). 'Shared Attention during Sight Translation, Sight Interpretation and Simultaneous Interpretation.' *Meta*49:2, 294-306.
12. Moser-Mercer, B. (2009). 'Construct-ing quality'. In *Efforts and Models in Interpreting and Translation Research*, Hansen, Gyde, Andrew Chesterman and Heidrun Gerzymisch-Arbogast (eds.), 143–156.
13. Nelubin, L. (1993). *Tolkovyi perevodovedcheskiy slovar'* (*Explanatory Dictionary of Translatology*). Publishers: Flinta and Nauka, Moscow.
14. Seeber, K. (2010). Presentation at a FTI Interpretation Department Faculty Retreat in 2010 dedicated to SI+T¹.
15. Seleskovitch, D. and Lederer, M. (2002 [1989]). La simultanée avec texte. In *Pédagogie raisonnée de l'interprétation* (pp. 205-214). 2e. édition corrigée et augmentée. France: Didier Érudition – Office des publications officielles des Communautés Européennes.
16. Shiryayev, A.F. (1979). *Sinhronnyi perevod: deyatelnost' sinhronnogo perevodchika i metodika prepodavaniya sinhronnogo perevoda.* (*Simultaneous Interpreting : Performance of Simultaneous Interpreter and Methodology of Teaching Simultaneous Interpreting*). Moskva: Voenizdat.

¹One SCIT teacher, Mr. Sergey Yakovlev, was able to attend the Retreat within the framework of cooperation between FTI and SCIT.

Magdalena Olivera Tovar-Espada

PEER SUPERVISED TRAINING OF CONFERENCE INTERPRETERS IN THE CONTEXT OF DELIBERATE PRACTICE

Summary

At FTI's Interpreting Department, Peer supervised training (PST) is a learning environment in which students practice with their peers, sometimes on their own and sometimes supervised by assistant teachers. PST is different from general master classes (designed for all students) and from specific language-pair interpretation courses (designed for a specific language combination). In PST, students work together in small multilingual groups without teachers and without being formally evaluated. 8 hours/week of PST are required in the curriculum of the MA in Conference Interpreting. This paper covers the following aspects of PST: preparation of speeches, structure of a PST session, peer feedback, journaling (tracking one's progress). Special emphasis will be given to deliberate practice.

Acknowledgements

The content of this presentation emerges from the collaborative work at the Interpreting Department. The author would like to thank her colleagues who have contributed to the development of PST sessions: Manuela Motta, Jennifer Drummond, Ana Pleite, Gabriel Cordova, Grégoire Bali, Sophie Hengl, Cindy Barbara, Nathalie Loiseau, Carmen Delgado, Laura Keller, Marta Lumbreras and Françoise Landgraf. Without them this paper could not have been written.

Introduction to Deliberate Practice

Ericsson (2000, p. 193) provides a list of characteristics that describe deliberate practice:

“Based on a review of laboratory studies of learning and skills acquisition during the last century, we found that improvement of performance was uniformly observed when individuals, who were motivated to improve their performance, were given well-defined tasks, were provided with feedback, and had ample opportunities for repetition. Individuals were often able to keep improving during a series of training sessions as long as the sessions were limited to around an hour – the time that college students could maintain sufficient concentration to make active efforts to improve.”

This description allows us to identify elements which help us analyse deliberate practice in the context of conference interpretation:

1. Motivation to improve: focus on goals;
2. Definition of tasks;
3. Feedback (from peer or teachers);
4. Opportunities of rehearsal;
5. Time spent in rehearsal.

1. Regarding training goals, it is important to underline that the process of skill acquisition is very different from the process of acquiring declarative knowledge. Successful skill acquisition is thus different from the way to acquire knowledge.

2. Regarding the definition of tasks, the approach chosen at the Interpreting Department involves the setting up of concrete objectives, followed by defining adapted exercises to reach these objectives. Skill acquisition is achieved through the repetition of these adapted exercises.

3. Regarding feedback, the approach is based on self-assessment, followed by formative peer assessment, followed by formative assessment from the teaching assistants (in this particular order). This enables both the student to think about his/her performance and peers to contribute. Finally the assistant also provides feedback, which is designed to synthesize all previous feedback and to complement it.

4. Regarding the opportunities for rehearsal, at FTI's Interpreting Department, students may rehearse in class, during Supervised Peer Training sessions (PST), and alone.

5. Regarding the time spent in rehearsal, students learn that the "how" is much more important than the "how much", and that they should alternate work and rest.

The Role of PST in FTI's MA in Conference Interpreting

In the MA in Conference Interpreting (FTI, University of Geneva), General master classes designed to include all students, regardless of their language combination, and coordinated by several teachers, specific language-combination classes, designed for students sharing the same language pair, and coordinated by one teacher, and Supervised Peer Training sessions with a group of students, sometimes coordinated by one assistant, all complement each other.

A PST session is the students' learning environment. In this environment, students receive no grades, only formative feedback from their peers and from the assistants. PST sessions are mandatory and eight hours per week are necessary to meet the legal requirements for continuous assessment. PST sessions are based on team work and collaboration between students.

Team work requires coordination. First, PST groups are created according to certain criteria and assistants decide on the distribution of students into different PST groups according to their language combination. Ideally, in each group there are students with different mother tongues and different passive languages. For instance, a student with English A can provide speeches for students working from English into other A-languages. Second, communication between the members of the PST group and the assistants is needed. For this purpose, students use the corresponding forum thread in the virtual learning environment (Virtual Institute), a dedicated LMS developed and maintained by the Interpreting Department of FTI, in which they indicate the hour of their PST session, the room and the topic for a particular session. Third, preparation in advance is crucial. For this purpose each student prepares one or two speeches each in their mother tongue for other students to interpret. Students are asked not to read speeches, but to prepare those using consecutive notes and to slightly improvise based on these notes. Finally, each speech is recorded at a high level of audio-quality,

indexed, and stored in the Virtual Institute's speech bank, and thus remains available for future practise.

In the course of a student's career at the Interpreting Department PST sessions evolve according to the Expected Levels of Progress, a document that defines roughly the duration and level of complexity of the speech material to be used at different stages of the training programme, the interpretation technique (consecutive without and with notes, simultaneous), the type of speech (descriptive, argumentative, etc.) and the main objectives that should be targeted. This document helps both teachers and students know the level they need to work towards at any given time during the MA programme. Therefore, the criteria to prepare speeches for PST sessions correspond to the indications in the Expected Levels of Progress.

A PST session type

As mentioned above, every practice session needs to be prepared beforehand. For this purpose, one member of the student training group announces in advance the hour, the room and the topic in the corresponding thread of the VLE. Then each participant prepares a speech (normally in his/her A language, but also in his/her B language). Speeches are audio-recorded, indexed and stored in the speech bank. The duration of each session should not exceed one hour and a half or two hours. Since groups are composed of four or five members, each group member normally has the time to perform at least once.

Each session starts with a brainstorming exercise on the topic. Every student can provide his/her ideas and terminology related to that topic, share glossaries, material, etc. Brainstorming should not exceed twenty minutes. Then each student announces to the group and the assistant (if present) the particular objective he/she wishes to focus on in that particular session. After the announcement of individual objectives, interpretation begins: one student presents a speech and another student (or two students) interprets. Following the interpretation, student(s) who have interpreted carry out self-assessment, followed by formative assessment provided by peers and, finally, by formative assessment offered by the assistant (if present). Students are strongly encouraged to keep up a journal, where they note down the different objectives and the feedback received during PST sessions.

The Journal

The journal is the student's own track record of their progression during PST sessions. Indeed, the process of noting down one's progress helps students become aware of the skill-acquisition process. At any time of the programme, they can look back in the VLE's journal record and check their evolution. Each student is encouraged to have a personalised system which includes at least the following items for each practice session: the date, the topic, the type of interpretation, the language combination trained in a particular session, the objective for that particular PST session, comments on the objective and on the performance and, finally, recommendations for future action.

Here is a hypothetical entry in a student journal:

Before the interpretation:

- February 27, 2013
- Topic: Pope Benedict XVI resigns

- Type: Consecutive EN-RU (A into B)
- Objective: make short sentences in Russian

After the interpretation

- Comments on the objective: globally achieved, in general shorter sentences BUT still some problems with reformulation in Russian.
- Other comments on the performance: good vocabulary (due to appropriate preparation) BUT problems with links.
- Recommendations for future action: continue to focus on this objective, note down links.

The Assistants and PST

Assistants in the Interpreting Department carry out the following tasks during PST sessions: they pay regular visits to PST sessions; they help students with brainstorming; they prepare speeches if necessary; they help the students set individual objectives; they listen to the speeches and to the interpretation; they give oral feedback during the sessions and, after the session, they also provide a written feedback, which is incorporated in the student's on-line performance and feedback tracking tool, a proprietary functionality integrated into the Virtual Institute learning environment.

Conclusion

Peer supervised training (PST) is a learning environment at FTI's Interpreting Department in which students practice with their peers, in small multilingual groups, sometimes supervised by assistant teachers. 8 hours/week of PST are required in the curriculum of the MA in conference Interpreting. This paper presents PST in the context of deliberate practice and covers the following aspects: the role of PST in FTI's MA in Conference interpreting, the structure of a PST session type, journaling (or the way of tracking one's progress) and the role of teaching assistants in PST sessions.

Bibliography

Ericsson, K. A. (2000/2001). Expertise in interpreting: An expert-performance perspective. *Interpreting*, 5(2), 187-220.

Angelique Antonova

QUALITY ASSURANCE SYSTEM IN TRAINING TRANSLATORS AND INTERPRETERS FOR INTERNATIONAL ORGANIZATIONS DEVELOPED IN THE ST. PETERSBURG SCHOOL OF CONFERENCE INTERPRETING AND TRANSLATION

Summary

Today, any interpretation and translation (I&T) training program aspiring to excellence must be closely connected with the profession and based on innovative training methods, appropriate equipment, and cooperation, which will allow students to design their individual training paths. The system of training should also be dynamic, interactive, adjustable to changing needs, and pluralistic in its methodologies and training solutions. This type of training program is efficient only in a professional environment built in clusters. Continuity and coherence of quality assurance (QA) is crucial to the effectiveness of such programs. Thus, QA may be broken into three parts: pre-training QA, post-training QA and in-training QA, each with internal and external components.

The St. Petersburg School of Conference Interpreting and Translation (SCIT) provides non-degree postgraduate training, and its main objective is to provide for intensive preparation of high-class interpreters and translators in order to meet the needs of governmental and international organizations as well as the Russian business community.

Thus, in 2008 a training program was designed to achieve this ambitious goal and to become a world centre of excellence in training language mediators. However, today a conference interpreting/translation training program can be successful and efficient only if it is closely connected with the profession, is based on innovative teaching technologies, uses appropriate equipment, and is an intrinsic part of a wide net of cooperation.

The SCIT path to excellence:

- Professionals train professionals: classes in interpretation and translation are taught exclusively by practicing interpreters/translators;
- Innovative teaching technologies which comprise world best practices in training language mediators and rich local traditions;
 - Continuous learning programme for trainers;
 - Appropriate up-to-date equipment;
 - Cooperation – a strong and established net of partners which create a multi-institutional professional environment (UN, EC, EP, ICAO, FAO, IMF, Russian universities, foreign universities, Russian I/T agencies, public I/T organizations) and which contribute to the training of would-be professionals;
- Continuous quality assurance (QA) in training interpreters and translators.

The SCIT professional environment consists of many layers and is built in clusters. The term ‘cluster’, meaning ‘a group of the same or similar elements gathered or occurring closely together; a bunch’ (*The American Heritage Dictionary of the English Language*, 4th Edition) is now widely used in many spheres: economics, physics, astronomy, chemistry, construction, IT-technologies etc.

The Cluster Principle of the SCIT Training Programme

The cluster principle of I&T training presumes close and mutually beneficial interaction occurring naturally between different organizations involved in multilateral and business communication that requires interpretation and translation, with a focus on a particular programme (SCIT in our case). This creates an environment where every cluster participant not only contributes to the School’s training process, but also clearly benefits from cooperation with the School. Indeed, the UN and the Russian MFA, which have been providing pedagogical assistance to the School, have also been selecting its best graduates to work in their language services. In addition to having supported the School, the St. Petersburg Government has also been hiring its graduates to interpret at its major international events (St. Petersburg International Economic Forum, St. Petersburg International Legal Forum, 36th session of the UNESCO World Heritage Committee, etc.). Russian translation agencies such as *Roid* and *Eclectic Translations* have not only assisted the School by providing bursaries to its best students, but also benefited by employing its well-trained graduates. The cluster environment of the School is conducive to innovations, to breakthroughs in

methodology, and to a new level of relationship between the training establishment, employers, national and regional authorities, and international and public organizations.

The School's cluster environment thus makes it possible to invite language professionals from various other institutions, who bring their specific institutional culture and mediation practices. Actually, this diversity is a boon to the program: it offers broader exposure and requires practical flexibility. Moreover, it provides graduates with greater career opportunities – a crucial benefit in a globalized world. The difficult part is to fit providers of pedagogical assistance into various stages of the training process. Thorough planning is required to make the most of institutional pedagogical assistance at each stage of the training process. Diversity of training methods and a good measure of academic freedom for the trainers is a proven advantage that makes the professional School different from the typically rigid programs of traditional college-type education.

Quality assurance may be divided into three parts:

Pre-training QA:

- Rigorous selection of candidates (the effectiveness of aptitude tests is constantly assessed by trainers to see if the tests meet the program requirements and whether they properly reveal the abilities sought in translators and interpreters).
- 'Open' admission and final exams, observed by invitees from major I/T centres (UN, EC, EP, Russian MFA) as well as Russian translation agencies and partner universities. This helps identify common evaluation criteria and screening and testing methods, which results in a better adaptation of the program to international standards and requirements.

In-training QA:

- Continuous and, I would say, meticulous monitoring of students' progress and skills acquisition during their training via regular review meetings of trainers and the use of the School's web-portal.
- The students' group work, or peer-supervised training, is a learning tool whereby students practice in small groups without teacher assistance or formal evaluation (about 8 hours per week). This group work is sometimes (esp. in the beginning of the training process) supervised by 'mock teachers' from among earlier School graduates. This intergenerational continuity is of particular value, bringing, as it does, a spirit of fraternity to the School.
- Virtual classes with major employers (language services of the European Commission and European Parliament) and partner universities (FTI, Geneva, and ESIT, Paris), when students can learn from external expertise and receive feedback from professional interpreters working for various European institutions and IOs.
- E-learning opportunities in translation must not be overlooked either. The School has an ongoing e-learning translation project with the UN Information Centre in Moscow that provides us, in the second semester, with a variety of texts for translation. In the course of this project, students are encouraged to communicate remotely with a designated UN reviser for advice and guidance. This allows students to compare their performance against UN standards. When a translation is returned, the UN Information Centre provides feedback to students and the School, making it a very valuable skill-building practice. The e-learning exercise can provide UN revisers with an opportunity to continuously monitor and evaluate trainees' progress and to identify prospective candidates for internship and, eventually, employment in the language services of the UN Secretariat.

- Student internship in the UN language services is the apex of the training process. Internships are granted only to the most capable students. We are grateful to the UN Secretariat for its well-balanced and well-organized internship program. A crucial point in a fledgling career, it serves as a means to promote high standards and best practices among young language professionals in Russia. We sincerely hope that, in due course, many of them will bring new blood to the UN language team.

- In the end of the year all students fill in course evaluation sheets which are closely considered by the SCIT administration and used in the development of improved training programs.

Post-training QA:

SCIT closely follows the careers of its graduates during their initial postgraduate years:

- Graduates regularly report on their first steps in the market;
- Feedback is provided by employers (Russian MFA, UN, I/T agencies, companies, etc.);
- Mixed teams of graduates and their former trainers work together at conferences and on various translation projects;
- Graduates assist a fresh class of students in their group work, which gets them involved in methodological discussions with trainers, in training-for-trainers seminars, etc.

QA that Accompanies Teaching at the School:

- Regular attendance of each other's classes by teachers
- Periodic methodological meetings of trainers and communication via the School's portal
- Publication of papers
- 'Open' classes for trainers from other Russian universities and interpreters/translators from IOs
- An elaborate system of continuous education for trainers (training-for-trainers seminars provided by EU institutions; temporary contracts with the EU and UN language services, which provide additional exposure to the UN translation/interpretation environment).

The SCIT's QA system, coupled with its rigorous implementation of the cluster principle, together ensure that the program is highly effective, quickly bearing fruit. This is reflected in the career paths of the graduates. The School has had 5 enrolments and 65 graduates since 2008; 44 of them have had internships in the UN and two in the ICAO.

- six work at the UN Headquarters in New York as translators in the Russian Translation Service;
- one is employed by the UN Information Centre in Moscow;
- two have passed the UN competitive examination for interpreters and are on the UN roster, expecting offers of appointment to the UN Russian Interpretation Section;
- eight have passed the UN competitive examination for the UN Russian Translation Service and are on the UN roster;
- eight have passed the UN competitive examination for verbatim reporters and are on the UN roster and freelance list;
- eleven are on the UN freelance interpreters list;

- three had temporary contracts with the Russian Translation Section at UNOG and UNON,
- three had temporary contracts with the Russian Translation Section at IMF, Washington DC,
- two had temporary contracts with the Russian Translation Section at ICAO, Montreal,
- five have been hired by the Ministry of Foreign Affairs of Russia;
- one is a staff translator/interpreter at the Permanent Mission of the Russian Federation to the European Union;
- 37 are successful freelance interpreters/translators working in Russia.

SECTION 3.

THE NEW FACE OF THE PROFESSION

Viktor Kabakchi

TRANSLATORS FIGHTING THE FOG OF THE 'RUSSIA VS THE WEST' IDEOLOGICAL CONFRONTATION

Summary

Foreign-Culture-Oriented English (FCOE) is a specialized variety of English with certain specific features of it present in a variety of spheres of Russian culture. Politics presents particular problems to translators, from the elementary – finding suitable names for specific elements of Russia's political life (Duma, Bolshevik, NEP, 'shock therapy'), through to the far greater difficulties presented by the ideological confrontation of 'Russia vs the West'. Ideologists of the opposing sides apply different meaning to such political terms as 'democracy', 'freedom', and 'human rights'. Translators often have to supply these political duplicates by special comment. Quotation marks and phrases like 'so-called' have to be used, and implicit connotations (frequently negative) require explanation.

"Politics is no exact science." (Otto von Bismarck, Speech, 1863; in: *Penguin Dictionary of Quotations*: 58).

"When I use a word," Humpty Dumpty said in a rather scornful tone, "it means just what I choose it to mean – neither more nor less." "The question is," said Alice, "whether you *can* make words mean so many different things." "The question is," said Humpty Dumpty, "which is to be master – that's all." (Carroll L. *Through the Looking-Glass*)

An Introduction to 'Interlinguoculturology'

Language is a flexible means of communication and by necessity it adapts itself in accordance with the specific communicative contact. Any given language is characterized by dual functional orientation. Historically it is primarily oriented towards its own ('internal') culture, but at the same time it has inevitable contacts with the outside multicultural world ('external', foreign-language cultures), accumulating all the necessary verbal means for this (Kabakchi, 1998: 9; Kabakchi, Antonova 2013: 155).

Nowadays the world has acquired its *lingua franca*, English. As it is used globally, it has to adapt itself to various spheres of communication. General English is the standard form which is the base of all other varieties of this language. English

is also used as the key to the outside world. This is Foreign-Culture-Oriented English (FCOE), its specialized variety. We shall call the branch of linguistics which studies English oriented towards a foreign-language culture 'interlinguoculturology' (Kabakchi V.V., Beloglazova E.V. 2012).

Thus we can show the transition as follows: General English => FCOE. FCOE is a specialized variety of English characterized by specific features on all verbal levels – phonetic, lexical, grammatical, and stylistic (Kabakchi, 1998: ch.2). FCOE is used in various forms of communication, orally and in writing, in various spheres of culture, in different genres, in direct intercultural contacts and through translation. FCOE gradually accumulates the vocabulary necessary to satisfy the needs of this sphere of communication.

The next stage of our specification of FCOE is the orientation of English towards a particular foreign culture, in our case it is Russian, i.e. Russian-Culture-Oriented English (RCOE). Therefore specialization runs as follows: General English => FCOE => (RCOE). For many reasons Russian culture is very important for the English speaking world, and this language is used as a bridge between these cultures, Russian- and English-based ones. However, we shall make RCOE still narrower: we shall also limit our discussion to a particular sphere of communication: politics, i.e. RCOE (politics).

Politico-Ideological Confrontation and Formation of RCOE

The inevitable problem of FCOE is the untranslatable specific elements of foreign cultures ('idionyms') which need to be shown in the text even though they have no immediate equivalents. It has been proven by our research (Kabakchi, 1998: ch.3-5) that the most productive ways to introduce idionyms into the English text is to resort to borrowing, calques, and to the combination of these two (boyar, *strel'tsy*, the Time of Troubles, False Dimitry, Decembrists, War Communism). Politics is a specific sphere of communication, and in the case of West-Russia relations, it is aggravated by the political confrontation which started in the early XVIII century when Europe saw with surprise and apprehension the emergence of a new and powerful state, the Russian Empire, right on its eastern border. The ideological confrontation brought by the October Revolution in Russia in 1917 made the West's apprehensions more threatening, and the sensational launch of Sputnik 1 simply shocked the West.

The 20th century witnessed a fierce ideological struggle between the USSR and the West. Even the titles of works of art were engaged in this struggle. Thus the American novelist Mitchell A. Wilson's (1913 - 1973) *Live with Lightning* was translated in the Soviet Union «Жизнь во мгле» (Russ. *Life in Darkness*). The other side answered in kind. The travelogue by I. Il'f and Ye. Petrov «Одноэтажная Америка» (Russ. *One-Story-High America*). It is worth while noting that 'the war of titles' goes on even now, nearly a century later. Take, for example, this title: Meier A. ***Black Earth. Russia After the Fall.***

Although 'black earth' in English is a substitute in popular texts for the technical term 'chernozem' (a variety of soil), the uninitiated reader is likely to understand the literal meaning of the word, which is matched so naturally with the traditional negative meaning of Russia. The negative connotation is enhanced by

another play upon words. 'After the Fall' might mean both 'after the autumn' and 'after the demise' of the Soviet Union.

Adequate political discourse is impossible without corresponding xenonymic political terms ('politonyms'). And gradually a layer of them is being formed. Here is a sample of this variety of RCOE which shows that in fact it is a language in itself:

By agreement between the Petrograd **soviet** and the **Duma**, the **Provisional Government** was formed, headed by Prince **Georgy Yevgenyevich Lvov** (chairman of the **Zemstvo Union**) and consisting mainly of **Kadets** and **Octobrists**, though **Aleksandr Fyodorovich Kerensky** joined it from the **Trudoviki**. (EncBr)

The sentence, extracted from the *Encyclopedia Britannica*, describes the political situation in Petrograd (the name of Russia's capital in 1917) before the Bolshevik coup. Undoubtedly, only the initiated reader can understand a sentence containing so many technical Russianisms (soviet, Duma, the Provisional Government, Zemstvo Union, Kadets, Octobrists, Trudoviki), to say nothing of a couple of triple-barreled Russian names, so difficult for foreigners to remember and pronounce.

Lexicography of RCOE

The formation of the vocabulary of RCOE makes this aspect of English a field for lexicographers. The **OED**, that verbal Everest of English, nowadays is multilingual and registers xenonyms of various cultures, including Russian ones, from the earliest ones **Russ** (1525 OED) and '**boyar**' (1555 OED) up to the latest arrivals ('Commonwealth of Independent States', 'OMON', and 'Near Abroad') (here and on it is: OED Online 2013). Xenonymic Russianisms are well represented in the OED (by our calculations, there are about 800 Russisms).

Xenonyms are registered by the lexicographers, and sometimes, although seldom so, they enter the word-list practically on the day of their creation, e.g.:

The leaders of Russia, the Ukraine and Byelorussia formally announced the dissolution of the Soviet Union today and said they had agreed to establish '**a Commonwealth of Independent States**' in its place. [*Washington Post* 9 Dec. 1991; OED Online 2013]

As the OED is a general purpose one, it includes only communicatively important technical terms and xenonyms (from the point of view of the English-speaking world). We have compiled a specialized tome, *The Dictionary of Russia* (V.V. Kabakchi; 2002) with 2500 entries on the word-list. Among western works in this field we can mention: Crowe B. *Concise Dictionary of Soviet Terminology and Abbreviations* (1969).

'Politonyms' – Political Terms

Political xenonyms ('politonyms') are prevalent in the vocabulary of RCOE. As far as the OED is concerned, of the 800-odd Russian xenonyms, over 100 are politonyms. The Russian and Soviet security agencies may serve as a good illustration:

[The KGB] was the successor of the **Cheka** (All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counter-Revolution and Sabotage,

1917-22), the **GPU** (State Political Administration, 1922-23), the **OGPU** (United State Political Administration, 1923-34), the **NKVD** (People's Commissariat for Internal Affairs, 1934-43), the **NKGB** (People's Commissariat for State Security, 1943-46), the **MGB** (Ministry for State Security, 1946-53) and the **MVD** (Ministry of Internal Affairs, 1953-54). (CamEnc 1994: 359)

It is remarkable that this long listing of Soviet security agencies is wholly reflected in the word-list of the OED (incidentally, the tsarist 'Okhrana' and 'Okhranka' are also in the list).

The work of lexicographers borders on the compilation of encyclopedias, and since the time of the French Encyclopedists, the ideological aspect of their work frequently attracts public attention. Thus, R. Burchfield (1980) in his article *Dictionaries and Ethnic Sensibilities*, describes incidents of burning UK dictionaries in the Middle East and South-East Asia simply because some definitions seemed to the readers to have been compiled in the wrong way.

Indicating Ideological Orientation. Marking

The militancy of Soviet ideology and the equal militancy of anti-Sovietism created the need for the necessary phraseology and, therefore, specialized dictionaries. As M. Pei put it, "The existence of an international vocabulary of Communism has long been recognized, and choice segments have appeared in numerous newspapers and magazine articles." (Pei M. 1969: 151). That explains the appearance of various dictionaries, such as R.N.C. Hunt's *Guide to Communist Jargon* or H. Hodgkinson's *Doubletalk*.

Meanwhile Soviet ideologists successfully worked in the same direction publishing such dictionaries as the *Dictionary of Scientific Communism* (Moscow, 1984). Not long before the disintegration of the USSR, A.S. Hornby's *Oxford Student's Dictionary of Current English* (1983) – was published with some 'adjustments' of definitions of ideologically charged words "by request of the Soviet side and much to the disgust of the West".

In ideological polemics it is always advisable to indicate which side of the fence you are on. The best example is the pair of words 'agent/spy'. Thus James Bond for the western side is definitely 'The fictional British Secret Service **agent**' while «Рихард Зорге, советский разведчик» = 'a Soviet military intelligence officer' [Wkpd] is referred to in the West (in the same encyclopedia) as a 'spy': 'Spy Sorge is a Japanese film directed by Masahiro Shinoda (2003), about the Soviet **spy** Richard Sorge.' Quite predictably the film was shown in our country entitled «Разведчик Зорге» (*Agent Sorge*). In a similar way western authors write that Putin's "favorite television program was *Seventeen Moments of Spring*, a series about a Soviet **spy** operating in Nazi Germany". (Hollingsworth, Lansley *Londongrad* 2009: 69)

Thus the word 'cosmopolitanism', according to the OED means: (1) Cosmopolitan character; adherence to cosmopolitan principles; (2) In **Soviet usage**, disparagement of Russian traditions and culture (equated with disloyalty). A dictionary published in the USSR describes the meaning of that word in a radically different way in comparison with the former meaning:

“Imperialist cosmopolitanism is the reverse side of nationalism; it propagates the dissolution of nations and nationalities within certain ‘model’ (dominant) nations”. (*Dictionary of Scientific Communism*: 147)

Characteristically, western ideologists in reference to the Soviet interpretation of the politonym enclose it in quotation marks, thus signaling the reader that the word is not used in its familiar meaning:

‘Cosmopolitanism’ was stated to be a plot to undermine Soviet dramaturgy... by praise and imitation of ‘decadent bourgeois’ dramatic and literary productions. [*Ann. Reg.* 1949 203; OED2 Online 2013: Cosmopolitanism]

Pay attention to the phrase ‘decadent bourgeois’ also enclosed in quotation marks which signify that this is the phraseology used by the ideological opponents. Quotation marks are frequently used in political discussions to alienate the phraseology of the opponent, signaling the different meaning attached to familiar words:

Shortly after the Bolshevik coup, enemies of the new regime were denounced as ‘enemies of the people’, and ministries of state were rebaptized as ‘people’s commissariats’. Summary executions soon came to be glorified as ‘people’s justice’, and Bolshevik dictatorships dressed up for export as ‘people’s democracies’. (Billington 1970: 529)

Here is a similar example:

The liquidation, by ‘class struggle’, of all ‘kulaks’, ‘Petty bourgeois’ NEP men, ‘wreckers’, and other ‘enemies of the people’. [*N.Y. Rev. Bks.* 25 May, 2000, 64/2; OED3 Online 2013 **Nepman**]

Ideological ‘Twins’

Gradually ‘ideological twins’ emerge, which refer to basically the same elements of culture but are treated in a different way, with the western interpretation invariably negative.

Soviet approach	Western approach
October Revolution	Bolshevik Coup
Soviet-Finnish War	Winter War
The Soviet-German Non-Aggression Treaty	‘the (secret) Molotov-Ribbentrop pact’
Politbureau	Politburo
Great Patriotic War	Second World War
the Second Front	the Eastern Front
Socialist countries	Eastern/ Soviet Bloc
Warsaw Treaty	Warsaw Pact
CMEA	Comecon

Thus Emma Smith in her book *Village Children* where she gives a friendly description of Soviet reality refers to the October 1917 Revolution in a high flown way, typical of Soviet phraseology:

“They were telling me that they were true children of the **Great October Socialist Revolution** of 1917...” (Smith E.: 37)

While the *Encyclopedia Britannica* prefers a different way of reference:
[Akselrod] opposed the **Bolshevik Revolution** in October 1917. (EncBr: Akselrod)

As we know the meaning of the word 'Bolshevik' is definitely negative in the official English language: "A person of subversive or revolutionary views; an out-and-out opponent of the existing social order or accepted codes." [OED2 Online 2013 Bolshevik]. Therefore the coloring of the whole situation is completely different.

Compare another case when the same historical event is referred to and described by the ideological opponents:

During the protective 'winter war' with the Mannerheim fascist regime of Finland, when the capitalist countries rang with reactionary cries for a general anti-Soviet attack, we stood up in unswerving defense of the correctness of that war. (Pomeroy 1977: 12)

This is also from a friendly description of the Soviet Union. Therefore the author positively (for the Soviet side) describes the military conflict and puts the western name of the war in quotation marks. *Time* magazine gives a completely different interpretation:

"[The Finns] gallantly fought against the Red Army in the Winter War of 1939-1940..." (*Time* 17.01.1983)

As you can easily see, here the gallant warriors are the Finns, and the term 'Winter War' is assumed to be the correct one.

Meanwhile Soviet scholars, naturally, had to follow the ideological 'Party line', the very opposite of what they thought about the same things in the West. Even in linguistic papers they propagated such ideas:

"The Russian word «ударник» describes a selfless labor impulse (бескорыстный трудовой порыв), and it is hardly desirable to replace it by the English phrase '**shock worker**'. [...] Such translation may cause undesirable associations" (Krupnov 1976: 149).

A frequent thing in political discussions across ideological barrier is different interpretation of 'internationalisms'. 'Democracy' and its derivatives is perhaps the most ambiguous term, with each ideology putting into it new ideas. The variant 'sovereign democracy' invented in post-Soviet Russia is perhaps the most intriguing one. Not surprisingly, it always appears in western sources enclosed in quotation marks:

"... Kremlin first deputy chief of staff Vladislav Surkov introduced the term 'sovereign democracy' in 2006..." (*SPbTimes* 13.04.2011)

"But it is far from clear what Russia wants to become: a reinvented empire, a new autocracy, a 'sovereign democracy' or perhaps something else." (*SPbTimes* 16.01.14)

Sometimes authors resort to 'localoids', that is, internationally used words, mainly of Greek or Roman origin, with their spelling localized: *universitet*, not 'university', *demokratiya*, not 'democracy' (Kabakchi, *Vvedenie*: 100-102). Obviously incorrect spelling is supposed to show to the reader that the word, although transparently familiar, is used in a different meaning:

“*Demokratizatsiya* – another troublesome word because it does not mean the same thing as its English equivalent – democratization.”
(*Canadian Tribune* 29.02.1988)

Perhaps the most ridiculous term invented by Soviet ideology was ‘people’s democracy’ used in reference to the European and some Asian allies of the Soviet Union and its ideology. As a matter of fact the term survives in the official names of some countries (People’s Republic of China, Democratic People’s Republic of Korea). The name is tautological because the word ‘democracy’ means ‘power of people’.

Appropriating Soviet Phraseology

It is interesting to note that western ideologists appropriate the phraseology of their opponents and exploit it for their purposes, particularly ‘agitprop’, ‘*apparatchik(i)*’, ‘fellow traveler’, and ‘*nomenklatura*’. It is necessary to bear in mind that these Russianisms frequently radically change their meaning, becoming negative. Thus the meaning of the word ‘apparatchik’ is given in the OED as follows: “1. A member of the *apparat* n.; also, a Communist agent or spy.” [OED2 Online 2013 apparatchik] E.g.:

“...away from the controlling influence of BBC **apparatchiks**.” [*Sunday Times* 1985; OED3 Online 2013 **apparatchiks**]

“It will be ... ignored by the *nomenklatura* of the American Church wherever its recommendations are not to its liking.” [W. Oddie Crockford’s File 1989; OED3 Online 2013 **nomenklatura**]

“His particular skill... is to turn his horror at Florida’s eco-suicide into black comedy rather than agitprop.” [*Face* Apr. 1992; OED2 Online 2013 **agitprop**]

Exploiting Negative Stereotypes

In the political confrontation of ‘the West vs Russia’ negative stereotypes are cultivated and constantly used. Although it is usually done in a primitive and crude way, it works. The very word ‘Russian’ is discredited. Thus alongside the word ‘Russian’, English uses another one, ‘Russki’ which means (at first sight, anyway) absolutely the same: “1. The Russian language. 2. A Russian.” But in fact the meaning of the word, at least its connotation, according to a reliable source, is “Chiefly *slang* or *colloq.* Sometimes *derogatory*.” [OED2 Online 2013 **Russki**] So, if necessary, a neutral statement is vulgarized:

“Trouble is, these women don’t speak any English. I gotta learn a bit of russky.” [*Independent* (Nexis) 26 Apr. 1998; OED2 Online 2013: **Russki**]

“I find the Russki super-rich make me particularly uneasy.” = **Russki** *n. & adj.* [*Daily Tel.* 23 Feb. 2005; OED2 Online 2013: **Russki**]

The tactic is effective, just the mention of the word ‘Russian’ arouses suspicion:

“This is vodka,” Mrs Allcock regarded her glass suspiciously. “Mr Rudd asked if I'd like to try it. **Sounds very Russian.**” (Christie 1967: 103)

Ideological confrontation is exploited in literature. The novel *A Clockwork Orange* (1962) by Anthony Burgess (1917 – 1993) was a curious literary experience of word creation and became the apotheosis of a linguistic Cold War. A polyglot linguist, Anthony Burgess invented for his novel a Russian-based argot used by the teenagers. The roots of the dialect are obvious (for Russians, anyway) from its name – Nadsat', the Russian suffix for numerals from 11 to 19, similar to the English suffix '-teen' (as in 'thirteen'). Similarly, the meaning of the Nadsat words are transparent for all those familiar with Russian: droog <> baboochka <> korova <> golova <> malchick <> soomka <> prestoopnick <> rooka <> litso <> malenky. The function of the argot Nadsat in the book is best described by one of the characters, the doctor who examined the phenomenon of the criminals: “Most of the roots are Slav propaganda”. The author's attitude towards the argot is particularly evident in the word 'horrorshow' which is supposed to mean (A. Burgess supplies a 'dictionary' of the dialect) *khorosho* ('good').

This criminal jargon is quickly picked up and used in the ideological struggle:

“A world where youth gangs—the teddy boys of yesterday and the 'droogs' of tomorrow—have virtually taken over, sweeping all forms of law and order aside.” [*Telegraph* (Brisbane) 6 May 1972; OED2 Online 2013 **droog**]

“How long ago it seems since the *New York Times* referred to the spray-can droogs of the subways as 'little Picassos'.” [*Times Lit. Suppl.* 13 Apr. 1984; OED2 Online 2013 **droog**]

The appearance of such Russianisms, as we can see, is proved by their appearance in the word-list of the OED.

Russians vs 'Rossians'

In modern English, as we know, the word 'Russian' is misleading because it means both ethnicity and citizenship. Therefore we can always see in the media and other texts devoted to Russia:

Russian television (p.1); Russian legislation (p.2); Russian Internet users (p.7); a lot of Russian women receive inappropriate proposals ... (p.8); Russian and international companies (p.9) (*SPbTimes* 26.10.2010)

For western readers the word 'Russian' covers indiscriminately dozens and dozens of various ethnic groups populating the Federation of Russia. However, a realization of this reality may be noticed these days. Guidebooks have started to explain the difference:

“People will appreciate your awareness that not everyone in their country is Russian.” (*Russian at a Glance*: 1).

“When is a Russian not a Russian? [...] It might go something like this; a Russian isn't a Russian when he is a Ukrainian or a Georgian or a Central Asian Moslem or a member of any of the hundred or so

nationalities that make up nearly half of the population of the country. Non-Russians are very insistent on their separate identity.” (Fodor’s: 60)

The correct form of the citizenship of Russia now appears in texts:

“In plays and sermons Prokopovich exalted the glories of the people whom he designated by the new term *Rossiianin*, ‘imperial Russian’.” (Billington 1970: 183)

Now authors resort frequently to the genitive to differentiate between ‘Russian’ and ‘non-Russians’:

Russia’s crude oil (p.1); Russia’s richest man (p.4); Russia’s drought (p.5); Russia’s prime competitors <> Russia’s rapid growth (p.9); Russia’s security watchdog (p.11); Russia’s biggest mining company (p.11) (*SPbTimes* 26.10.2010)

Undoubtedly there are ‘Russian criminals’ and other negative things that can be described by this adjective which doesn’t mean that all the criminals coming from Russia and/or speaking Russian are really Russians.

So long as the Cold War is in no way over and we can speak only about a relative truce; so long as the Cold War was replaced by the ‘Cold Peace’; it is necessary to study the linguistic heritage of the Cold War and the way the ideological war is waged.

Bibliography

Burchfield R. "Dictionaries and Ethnic Sensibilities." / *State of the Language, The* (1980). Eds.: L. Michaels, Chr. Ricks. Un. of Calif. Press., pp.15-23.

Kabakchi V.V. *Osnovy angloyazychnoy mezhkul'turnoy kommunikatsii* / Sankt-Peterburg, 1998.

Kabakchi V.V., Antonova A.M. Globalization and Intercultural Communication: “Internal Translation”// *Russische Übersetzungswissenschaft an der Schwelle zum 21.Jahrhundert* // Frank & Timme Verlag für wissenschaftliche Literatur, Berlin / 2013, (p.244), p.153-158.

Kabakchi V.V., Beloglazova E.V. *Vvedeniye v interlinguokul'turologiyu*, Sankt-Peterburg, 2012.

Krupnov V.N. *V tvorcheskoy laboratorii perevodchika* – Moscow, 1976.

Pei M. *Words in Sheep's Clothing*. - NY: 1969.

Sources of illustrative citations

Billington James H. *The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture*. – NY: Vintage Books, 1970.

Cambridge Encyclopedia of Russia and the Soviet Union, The. A.Brown, J.Fennell, M.Kaser, H.T.Willetts (eds.): Cambridge University Press, 1982. <> *Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union, The*. A.Brown, M.Kaser, G.Smith (eds.): Cambridge University Press, 1994.

Christie A. *The Mirror Cracked from Side to Side*. Collins, Fontana Books, 1967.

Fodor’s89. *Soviet Union*. – NY&London: Fodor's Travel Publications, 1988.

Hollingsworth M., Lansley St. *Londograd. From Russia With Cash. The Inside Story of the Oligarchs*. Fourth Estate, London, 2009.

Il'f I., Petrov E. *The Little Golden America*. Two famous Soviet humourists survey the United States. : London: George Routledge&Sons, 1946, translated by Ch.Malamuth.

Meier A. *Black Earth. Russia After the Fall*. – Harper Perennial, UK, 2004.

Pomeroy W.J. *Soviet Reality in the Seventies*. - Moscow: Progress, 1977.

Russian at a Glance. Phrase Book & Dictionary for Travelers. – by Thomas R. Beyer, Jr.: Barrons, 2nd ed., NY, 2001.

Smith E. *Village Children. A Soviet Experience*. - Moscow: Progress Publishers, 1982.

Wilson M. *Meeting at a Far Meridian*. - NY: Doubleday, 1961.

Dictionaries

Crowe B. *Concise Dictionary of Soviet Terminology and Abbreviations*. - Oxford: Pergamon, 1969.

Dictionary of Scientific Communism. - Moscow: Progress, 1984.

Hodgkinson H. *Doubletalk*, George Allen & Unwin, 1955.

Hornby A.S. *Oxford Student's Dictionary of Current English* – M.-London: Prosveshcheniye/Oxford Univ. Press, 1983.

Hunt R. N. C. *Guide to Communist Jargon*, NY, Macmillan, 1957.

Encyclopædia Britannica 2001 Standard Ed. CD-ROM. (Copyright © 1994-2001 Encyclopedia Britannica).

Kabakchi V.V. *The Dictionary of Russia (2500 Cultural Terms)*. *Anglo-angliyskiy slovar' russkoy kul'turnoy terminologii*, Sankt-Peterburg, 2002.

Oxford English Dictionary Online. Copyright © 2013Oxford University Press.

Abbreviations

CamEnc = *Cambridge Encyclopedia of Russia ...*

EncBr = *Encyclopedia Britannica*

OED = *Oxford English Dictionary Online*

SPb = St. Petersburg

Wkpd = Wikipedia

Viacheslav Kashkin

FROM ANALYSIS TO TRANSLATION: A ROUNDTRIP JOURNEY?

Summary

Text analysis for translation should include both the elemental, and the holistic aspect in a dialogical and situational interaction. Like in a roundtrip journey, in analysis we start from text as a unity and go down to its elements, taking into consideration their function within the whole, which in its turn has to be reproduced in translation as a unity. Factors which influence text creation and recreation in translation form a hierarchy: 1) Text type and text genre, 2) communication sphere, 3) communicative act parameters (sender/recipient relations), 4) microparameters of discourse (cohesion, temporal relations, conceptual hierarchy, grammar and vocabulary, etc.), 5) macroparameters of discourse (coherence, modality, presupposition, intertextuality, etc.), 6) social factors (authority of sender/recipient; social status, cross-cultural adaptation, etc.). The list actually features two intertwined layers: classification parameters that define the status and the potential of the text, and parameters directly relevant for understanding the text and interpreting it.

The analytical component in translation is present not only at the initial, 'pre-translation' stage of the process, when one is thinking how to approach the translation of a given text. Analysis of translation strategies and their outcomes, of textual means and meanings etc., can also be observed when someone is performing a critical review of a translated text, or a contrastive study of parallel translations, as well as when the translator or someone else is reviewing the results of translation in a post-translation analysis, etc. Irina S. Alekseeva clearly distinguishes between four types or stages of translation analysis: pre-translation analysis, analytical search for variants, analysis of translation results, and contrasting the outcome with an already published translation (Alekseeva 2008: 149-158). While post-translation analysis, and especially contrastive analysis for the sake of research, can hardly influence the choice of strategic and tactical moves an actual translator is taking, the pre-translation analysis or analytical choices made during translation are directly reflected in the actual translation of a given text.

There is one more critical borderline, and it divides the analytical component of the actual translation process and text analysis for translation performed by translation students during training. While the latter is usually explicit and takes some time, the former is predominantly implicit to the extent that translation practitioners would sometimes claim that they 'don't analyze, just translate'. That attitude to the analytic component in translation makes part of the overall obscurantist prejudice against translation theory, which has spread even among professional translation workers of late (Malmkjær 2010: 201-202).

Whatever the reasons for or against the necessity of the theory of translation may be, text analysis remains part of translation training for either proponents or opponents of the 'translation as art not science' stance. In any case, even intuition in translation practice, which makes analytic work implicit and unnoticed, comes from months and

years of training. In translation pedagogy teachers and students have more time to proceed step by step, to set the final task of translation, to 'disassemble' the texts into parts, to look into elements and stages, to envisage the whole, to forecast difficulties, etc.

Speaking about text analysis for translation one inevitably falls into the trap of the eternal problem of the so-called 'unit of translation'. Contradictory solutions have been given to this problem, one of them stating that the whole text should be considered a 'translation unit', other approaches preferred separate text fragments. The contradiction between the two approaches seems to be exaggerated, though. On the one hand, one simply cannot translate the whole text in a single 'move'; this action needs more 'units of time'. But on the other hand, when analyzing or translating units of a lower level one can hardly disregard their collocations and the context of the whole text, so the text again plays the role of 'the ultimate court of appeal' (Newmark 1988: 55). Analyzing the text for translation we also have to appeal to this court, and even further – to the social context and situation of the translation. So, text analysis is a kind of a roundtrip journey: we start with texts as the unique reality for the reader and the translator, we move through steps of varying scales and levels, through 'quanta of translation' (Garbovsky 2004: 260-262), and we return to the text embedded in culture and discourse.

The problem of translation units and steps seems to be a reflection of one more eternal problem: how to reconcile the infinity of the universe and the human mind with the finite nature of language and its elements. Although we conceive language elements (e. g. words) as discrete 'atoms', their meaning is usually fuzzy (cf. 'fuzzy sets' in mathematics) and is never fixed even within one language. The meaning of the whole (utterance or text) is never the sum of its formal elements. It is believed that St. Jerome advised translators to give priority to meaning before form. However, the real principle was less categorical: 'word for word if possible; if not, sense for sense' (Ross Amos 2010: 41-42). The 'word for word' principle is also preserved as the leading belief within the naïve 'public image' of translation: 'a good translation is when all the words have been translated, and translated correctly' (Knyazheva and Zyuzina 2011: 154). In professional translation and text analysis these opposing approaches are reflected in giving priority either to the holistic view, or to the elemental one. But neither of the two, if taken separately, is able to produce a realistic and productive model of text analysis for translation.

Text analysis for translation should include both the elemental, and the holistic aspect in a dialogical and situational interaction. Thus, one might speak about a maximum (or optimal) translation unit (or unit of analysis), equal to the whole text, and minimal units equal to separate steps when particular translation solutions are reached (phrases, words, or even separate sounds). In fact, as in a roundtrip journey, in analysis we start from text as a unity and go down to its elements, taking into consideration their function within the whole. The whole, again, has to be reproduced in translation. There is one more plane, and there the analytical activity goes beyond the text to the situational and cultural factors and moves back to focus on the text again. It is the plane of situational and social context into which the text is immersed and where it functions as a communicative phenomenon.

Text analysis in translation pedagogy is known under several highly disputed terms: *предпереводческий анализ*, *переводческий анализ*, *предпереводной*

анализ, text analysis for translation, pre-translation analysis, übersetzungsbezogene Textanalyse; translation-oriented text analysis, etc. The traditional approach to text analysis, especially in Russian translation pedagogy, is oriented towards singling out elements of style and describing their functions (Brandes and Provotorov 2001: 4-5, 8-11). This is due to the tradition of language schools at Russian universities, where 'analytical reading' was aimed primarily at finding and explaining 'expressive means' of language in the text. The task of stylistic analysis is quite relevant, but it does not exhaust the task of text analysis for translation. Linguistic analysis of the text is not equal to pre-translation analysis with its specific tasks (Tsaturova and Kashirina 2008: 50-51). On the other hand, even courses in theoretical aspects of linguistics do not pay much attention to text. Many introductions to linguistics finish at the level of sentence, saying nothing about text, the ultimate linguistic reality, according to L. Hjelmslev.

Another feature which separates traditional philological text analysis and text analysis for translation is that traditional linguistics in general is still inclined towards elemental treatment of language and text – although everyone agrees that the meaning of the text is not additive, it is not the sum of meanings of its elements. More attention is given to 'structures', 'expressions', 'realia', other textual elements bearing possible 'translation difficulties', while the text as a whole becomes somewhat secondary. The discourse approach suggests a more holistic conception viewing the text in its relationship and interaction with the social environment, situational context, action and persuasion [Кашкин 2010: 42-44, 121-122]. Even non-professionals and beginners understand this: *«Сколько людей – столько и мнений, и переводческая стратегия – вещь сузубо индивидуальная. Но подавляющее большинство сходятся в едином – **предварительное прочтение текста** целиком, то есть восприятие его как единого коммуникативного знака, – необходимое условие. Лишь в рамках конкретного текста можно решить отдельные языковые трудности перевода. Поэтому любой уважающий себя переводчик делает **предпереводческий анализ всего текста**»; «Обычно анализ перевода переводчиком делается сразу, а затем уже пресупаает (орфография сохранена) к переводу текста, при этом, опытному переводчику не нужно много времени примерно (10-15 минут для формата А4), ну конечно же время затраченное на перевод, зависит от величины текста». Naïve as it might seem, such a vague view can also be found in 'scientifically based' manuals on translation and text analysis: *«внимательное, многократное вчитывание в текст и выявление его общих жанрово-стилевых особенностей»* – how attentive should this intensive reading (lit. 'reading into') be, according to the authors, and how many times should we read it? Will three times be enough or not? And if you've read the text only once, but understood it – are you a poor translator? This leaves much to be desired in the domain of manuals and textbooks dedicated to translation text analysis.*

Pragmatic and discursive orientation towards the recipient and the function of textual content is characteristic of several books on text analysis published in the last two decades (Nord 1991; Baker 1992; Salkie 1995). Some researchers have also suggested their vision of the structure and the outline of the course, taking into considerations factors which go beyond the text. Thus, not only 'clause boundaries', but also 'interpersonal analysis' and 'experiential analysis' are listed among the structural blocks of the course in text analysis for translation (Mathiessen et al. 2008). Special

consideration is given to discourse theory which gives an actional and sociological impetus to text analysis for translation (cf. also Trosborg 2000; Zlateva 2000).

- *В огороде росла бузина и В Киеве живёт дядя.*
- *If you want advice or practical help with health matters, ask your family doctor, district nurse or health visitor.*

A more dynamic model for a course in text analysis based upon factors of choice in translation activity (cf. also Kashkin 1998) and on discourse theory viewing text as a form of linguistic action might be considered. Factors which influence text creation and recreation in translation form a sort of hierarchy of different degrees of importance and priority:

1. Text type and text genre.
2. Communication sphere (everyday, political, educational, medical, and other discourses).
3. Communicative act parameters (sender/recipient relations).
4. Microparameters of discourse (cohesion, temporal relations, conceptual hierarchy, grammar and vocabulary, etc.).
5. Macroparameters of discourse (coherence, modality, presupposition, intertextuality, etc.).
6. Social factors (authority of sender/recipient; social status, cross-cultural adaptation, etc.).

When one lacks a holistic view of the text, one cannot see its type, domain of 'circulation' or its target audience. Beginners in translation often 'misplace' the text, shifting the domain or the audience. With the following excerpt it was difficult for some of the students to 'place' the text correctly ("replace the text on the shelf where it was taken from") in the discursive domain of 'phonetics', and the difference between high-pitched and low-pitched tones (in tonal languages) was misinterpreted either as a personal feature of pronunciation («сказано НИЗКИМ ТОНОМ»), or as belonging to the domain of music («мелодичное понижение», «сказано нараспев») – instead of differentiating tones in syllable types: *In Mandarin Chinese, for example, the syllable 'ma' can take on several unique meanings. When it's pronounced with a single high-pitched tone, 'ma' means 'mother'. But when it has a low-pitched lilt in the middle, it means 'horse' – making it a word you don't want to mispronounce.* These mistranslations are reproducing a different fragment of the world where these pitched sounds are placed, different from what the author of the source text meant and – probably – different from what the reader of the original text reproduced in their mind.

On the topic of communication parameters and translation, translation researchers nowadays usually direct particular attention towards the recipient. The translation should certainly be recipient-oriented, but it is not solely so, there are multiple factors which might influence the orientation of the target text. In recent history there have been several examples when the strategy and the outcome of translation were predetermined by the aims and the target audience, sometimes even by a kind of 'social mandate'. Alexey Tolstoy's stage version of *The Golden Key* (Золотой ключик) is an interpretation of the original story about Pinocchio, but in the final scene Buratino and his friends open the door into 'the best country in the world', the USSR. There are many other ideological amendments to the text. Some decades earlier, when Turgenev's *The Nest of the Gentry* (Дворянское гнездо) first appeared, it was

translated for what we would now name 'the tabloids'. The text was shortened, the philosophical or what we call 'lyrical deviations' were omitted, the Russian realia were misinterpreted, but the result was, perhaps, the required one: a pulp fiction romance. Still earlier, in the mid-19th century, *Eugene Onegin* was translated into Italian in prose, because it was considered impossible to translate poetry (as the translator wrote in the introduction), and also reflected some sort of social mandate.

The list of hierarchical factors in text analysis actually features two intertwined layers: classification parameters that define the status and the potential of the text, and parameters directly relevant for understanding the text and interpreting it. The levels in this hierarchy are interrelated and we might sometimes see what we called a 'round-trip journey' (e. g. readdressing the text to another recipient – parameter 3 – in the target culture due to historical or political or some other factors – parameter 6) (cf. also Petrova 2011: 68-70; Sdobnikov 2011: 114-124).

The aim of the target text may be different from the aim of the source text, even its application domain may be shifted. If we take, say, the instructions for a household device, this may be not relevant, the application domains are pretty much the same, or similar. But if we are going to translate a book or a text belonging to a leader of some extreme political force in a foreign country some decades ago (Theo Hermans gave an example of Nazi Germany's leader translated nowadays), the shift in strategy will be inevitable. The audience will be different (not his followers), the pragmatic purposes of such a text will be different (not in producing the same effect as upon his followers, but e. g. in illustrating the historical epoch). To some extent, the readdressing, or some other shift in textual strategy from source to target is always observed: the potential target recipient is never equal to the recipient in the source culture due to cultural differences, or sometimes differences in time. There seems to be a continuum of intermediary cases between a communicatively equivalent translation and a communicatively shifted one.

The translator is always present, and has his own 'voice' (in Bakhtinian terms): in contrast to the typical requirement of the translator's supposed discretion and noninterference, which demands that the translator remain invisible as a speaking subject, I want to maintain that translated texts, like other texts but more emphatically so, are necessarily plural, decentred, hybrid and polyphonic. The translator's discursive presence, as a distinct voice and speaking position, hence as what Folkart calls a 'differential voice', is always there, in the text itself (Theo Hermans).

Returning to the hierarchy of factors in text analysis for translation, we should say that the actual didactic sequence might be different, but more often than not it would start with a general characteristic of the text, going to the elements with their functions within the text, and returning to the whole. This is justified by the projected social function the target text would perform, by the real circumstances of the translation process, especially the type and the needs of the customer or consumer of the translated product.

Speaking about micro- and macro-parameters in text analysis (the interplay of cohesion/coherence, etc.), we should also speak about some sort of round trip involving inner text and outer text analysis. The inner text analysis implies tracking the elements to their functions within the whole text, and arriving at some sort of 'mind map' or conceptual scheme of the source text. In R. Salkie's book on text analysis one of the

texts speaks about illegal immigrants in LA as opposed to the legal economy. The text also features an opposition of metaphors in describing the scene and the characters, the opposition of light (sun, downtown, and the legal economy) and darkness (shadows, industrial outskirts, and the shadow economy). The conceptual map of the text helps to understand the message of the author in order to be reproduced in translation.

The outer relations of the text are culture-embedded and are related to the discursive domain, knowledge about the world and intertextuality. Intertextuality is one of the hidden enemies of a translator: *The Call of the Wilde* → AT THE STRATFORD FESTIVAL OF CANADA: *What's a fellow to do if his name is Jack – or worse, Algernon – and his fiancée is enamored of the name Ernest, a name that “produces vibrations”?* For Jack Worthing, the solution is to be Ernest in town, and for Algernon Montcrieff, it is to be Ernest in the country. Analyzing intertextual links, the translator trainee is bound to understand the importance of research work in translation.

Pre-translation analysis may be followed by a post-translation analysis. Again, there are two domains where this type of analysis is used: translation pedagogy where translations may be aligned in computer-based corpora or compared to some ideal translation, and critical translation analysis from the point of view of translatology or literary criticism. There is some analytical component at every stage of the translation process. Some sort of analysis, at least at the preparatory stage, is also performed during oral interpretation. These instances of analysis require separate consideration.

Bibliography

1. Алексеева, И. С. (2008) *Текст и перевод: Вопросы теории*. Москва: Международные отношения.
2. Брандес, М. П., Провоторов, В. И. (2001) *Предпереводческий анализ текста*. Москва: Тезаурус.
3. Гарбовский, Н. К. (2004) *Теория перевода*. Москва: Изд-во МГУ.
4. Княжева, Е. А., Зюзина, А. Л. (2011) Концептуализация качества перевода в обыденном сознании // *Язык, коммуникация и социальная среда*, 9 (2011), с. 153-165.
5. Петрова, О. В. (2011) Кто с кем общается через переводчика? *Проблемы теории, практики и методики перевода*, «Язык. Культура. Коммуникация», 14/1, с. 66-70.
6. Сдобников, В. В. (2011) Коммуникативная ситуация как фактор определения стратегии перевода // *Вестник НГЛУ*, 14 (2011), с. 114-124.
7. Цатурова, И. А., Каширина, Н. А. (2008) *Предпереводческий анализ текста. Английский язык*. Санкт-Петербург: Перспектива, Изд-во «Союз».
8. Baker, M. (1992) *In Other Words: A coursebook on translation*. London and New York: Routledge,.
9. Kashkin, V. B. (1998) Choice Factors in Translation // *Target*, 10:1 (1998), pp. 95-111.
10. Malmkjær, K. (2010) The Nature, Place and Role of a Philosophy of Translation in Translation Studies. In Fawcett, A., Guadarrama García, K. L., Hyde Parker, R. (eds.) *Translation: Theory and Practice in Dialogue*. London. Continuum, pp. 201-218.
11. Mathiessen, C., Cangzhong Wu, Herke, M. (2008). Text analysis for translation and interpreting // *TRAN 819 Outline – 1st Semester 2008*. URL:

http://web.mac.com/cmatthie/TRAN_819_MU_2/Lectures_2008_1_files/TRAN%20819%20Outline%202008_1.pdf (accessed 01.02.2012).

12. Newmark, P. (1988) *The textbook of translation*. New York; etc.: Prentice Hall.

13. Nord C. (1991) *Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis*. Amsterdam: Rodopi.

14. Ross Amos, F. (2010) *Early Theories of Translation*. Charleston: Nabu Press.

15. Salkie, R. (1995) *Text and Discourse Analysis*. London and New York: Routledge, 1995.

16. Trosborg, A. (2000) Discourse Analysis as Part of Translator Training. *Current Issues in Language and Society*, 7:3 (2000), pp. 185-228.

17. Zlateva, P. (2000) Text Analysis as a Tool in Translation Training: Why, How and to What Extent? A Response to Anna Trosborg. *Current Issues in Language and Society*, 7:3 (2000), pp. 261-266.

Vladimir Litus

VISUALISACIÓN RECONSTRUCTIVA VERBAL COMO UN INSTRUMENTO DE LA REDACCIÓN POST-TRADUCCIONAL (VERBAL RECONSTRUCTION AND VISUALIZATION AS A TOOL IN POST-TRANSLATION REVISION)

Summary

This paper looks at one of the possible techniques of post-translation revision: a verbal rendition of the text. It is advised to imagine the text as a series of movie shots, or reproduce it as a theatrical performance, with clearly defined stage boundaries, multiple set designs and a sequence of events; that is, to try to recreate a 'virtual 3D' model of the text. This method enables one to cover all the textual information as a unified whole.

Últimas dos décadas sigue acrecentándose una tendencia global que consiste en una gran necesidad de los traductores calificados. Dicha necesidad tiene el carácter mundial la que está determinada por la participación activa de la Federación de Rusia como el sujeto del derecho internacional, el participante importante de los procesos en la economía y la política global. Es considerable notar que esta actividad no se limita sólo por el nivel exclusivamente estatal, gubernamental, sino también incorpora en la órbita de esta actividad las estructuras públicas, privadas y públicas. También crece la cantidad de los actos públicos y oficiales. De ello se desprende que crece la necesidad de los cuadros calificados.

Últimas décadas del siglo veinte ha sido registrado algún crecimiento estable anual de los volúmenes de la circulación documental en el sentido global y por eso crece la demanda en el sector de la traducción por escrito.

Así, surge la necesidad de activar los esfuerzos para educar a los especialistas-traductores de alta calificación. El desarrollo de la traductología y la realización práctica de los inventos en dicha esfera, a su vez, sobreentiende la aplicación de los métodos y los instrumentos del arsenal traduccional moderno. Sin duda alguna, aplicando los novísimos instrumentos y métodos del procesamiento del texto escrito, incluso los programas de *Translation memory*, no debe negarse y los métodos "viejos", comprobados en la práctica, incluso la aplicación del método de la "deverbalización" y la construcción de las estrategias traduccionales. Mencionando las estrategias de traducir, tenemos en cuenta, ante todo, el análisis traduccional del texto que incluye un punto importante del algoritmo del procesamiento del texto escrito, es decir, se trata de la redacción post-traduccional. Se sobreentiende que al cumplir la traducción, el traductor reverifica los resultados del trabajo, realiza la redacción exacta. La redacción exacta elimina "las asperezas" del texto traducido.

Notamos que la mayor parte de los materiales didácticos sobre las estrategias de la redacción post-traduccional no contiene las recomendaciones concretas. Se sobreentiende que eso se cae de sí mismo y no exige el examen detallado. Así, cada un traductor puede realizar su propia estrategia traduccional. Entonces, posible

recomendar el uso de la exposición vocal del texto como un instrumento de la redacción post-traduccional.

De ordinario, la exposición como un modo de la actividad educativa se correlaciona con el período de estudiar la lengua extranjera, al contribuyendo las habilidades de usar en práctica los medios de lengua. También la exposición es un de los criterios de la apreciación la posesión y la comprensión del texto leído. De tal modo, se usa para lograr otros fines, para resolver otras tareas. Claro que la exposición se usa para crear las habilidades estables de usar el idioma extranjero. Por eso, desde algún punto de vista, se parece absolutamente inaceptable de usar la exposición en la actividad del traductor.

Sin embargo, eso es cierto sólo en parte. La exposición es posible usar en el período del procesamiento del texto escrito, conforme a otras tareas, por ejemplo, como una de las variantes accesibles para efectuar la redacción post-traduccional. El método de la deverbalización sobreentiende la etapa final: la verbalización del texto. La dificultad adicional durante el examen independiente del texto traducido puede estar "la habituación" a propia manera de la exposición del material. Y hasta con la reproducción vocal del texto pueden quedarse desapercibidas las desfiguraciones del sentido, la ausencia de las conexiones lógicas y algo más que, en mayoría de los casos, conducen unos empeoramientos de la calidad del texto traducido.

Como una recomendación práctica que es capaz subir el nivel de la calidad de la traducción y bajar la cantidad de las faltas y errores puede ser la exposición vocal como un instrumento de la comprobación de la plenitud del sentido entregado, la exactitud de las definiciones y la fidelidad de las conexiones lógicas.

Notamos, es necesario o, por lo menos, es deseable crear no la reproducción simplemente verbal del texto, sino su visualización. Por ejemplo, imaginarse el texto en forma de la película sucesivamente montada o la reproducción "volumétrica" del texto a manera del espectáculo teatral con las fronteras precisas de la escena, la presencia de las decoraciones multilaminas, donde en la escena tiene lugar una acción teatral sucesivamente desarrollada. Es decir, tratar de crear un modelo del texto que es "virtual", tridimensional, moviente. El método propuesto permite, de una parte, abarcar todo el volumen de la información, es decir todo el texto, enteramente, como el fenómeno único entero, continuo. Permite revelar los defectos y las faltas de la traducción que contribuye al aumento de la cualidad del trabajo cumplido. Además, aplicando «la deverbalización-reconstrucción verbal», se evita esencialmente más fácilmente la traducción dura literal.

Debe notar que al uso del método dado surgen algunas dificultades. Realmente, en la fase inicial de apropiar en práctica el método de la reconstrucción virtual del texto los que estudian surgen los problemas. Ante todo, por alguna singularidad del objetivo planteado, en la mayoría de los casos. Más raramente, como el resultado del uso en calidad del canal básico del ingreso de la información el canal auditivo y no visual.

En la conclusión, debe subrayar que el método dado se usaba y se usa actualmente tanto como una práctica habitual durante el periodo educativo con los estudiantes de la Escuela Superior de la Interpretación y Traducción (SCIT) de San Petersburgo, y en el proceso de la enseñanza a la traducción escrita con los estudiantes de la facultad de las lenguas extranjeras de la Universidad Pedagógica Estatal Herzen de San Petersburgo. El método dado puede ser el instrumento

adicional, no obligatorio en el uso de la redacción post-traducciona, también como la maqueta de entrenamiento adicional intelectual durante la enseñanza y la actividad práctica del traductor, sin alguna diferencia del carácter específico del trabajo traducciona, ora verbal, ora por escrito.

Bibliografía:

1. Алексеева, И.С. Письменный перевод. Немецкий язык. – СПб.: Союз, 2006.5.
2. Алексеева, И.С. Профессиональный тренинг переводчика. – СПб.: Союз, 2008.
3. Ледерер, М. Актуальные аспекты переводческой деятельности в свете интерпретативной теории перевода. – СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2007.
4. Seleskovitch, D. Langage langues et mémoire. – Paris,: Lettres modernes minard, 1975.

Oxana Yakimenko

CROWDSOURCING IN TRANSLATION: GLOBAL TRENDS AND THE WAY IT WORKS IN RUSSIA

Summary

The article covers the main features of the crowdsourcing principle in translation. Along with a summary of crowdsourcing strengths and weaknesses the author provides a brief classification of the texts that are often translated using more or less professional 'crowds' of translators and discusses the possible future of translation in relation to crowdsourcing.

The term *crowdsourcing* defining "the practice of obtaining needed services, ideas, or content by soliciting contributions from a large group of people and especially from the online community rather than from traditional employees or suppliers" was lexicalized in the Merriam-Webster Dictionary in 2006 and is a combination of the words *crowd* and *outsourcing* (procuring a company's work to be done by someone outside). The term started to be used widely after Jeff Howe first used it in 2005 in his article on crowdsourcing in *Wired* magazine describing the practice as outsourcing work to crowds on the Internet. In this case the participants/workers may not even know each other.

A crowdsourcing strategy is often used when developing software, new technology, performing algorithms, processing and analyzing large amounts of data, as well as providing various types of social care. One of the first examples of crowdsourcing in linguistics is the job done by dozens of volunteers who helped to compile the latest version of the Oxford English Dictionary (OED), after lexicographers asked for contributions, and experts from all possible fields kept sending their examples of word usage for several decades (the project ended up with 6 million examples collected).

Jost Zetzsche, a popular translation guru, editor of a monthly for translators called *The Tool Box* defines crowdsourcing as a model accompanied by the participation of untrained translators¹.

Crowdsourcing is being promoted as an inexpensive and efficient way of translating texts for projects that demand a lot of working hours. Such projects would normally have clearly defined goals and must be completed over a short period of time. However, it does not always work well with translations for two major reasons:

1. Almost any language can boast of a variety of regional variants. Especially when we deal with a language spoken widely and not only by its native speakers (English, Spanish, French etc.). When many translators from different parts of a given country or language community work on one big body of texts, the result might be too heterogeneous. It does not (or, rather, should not) affect any special terminology since the participants of such project may agree to use the same glossary of terms; the problem is more about grammar, syntax and dialect words the speakers of different variants may tend to use.

2. It is virtually impossible to make a large number of professional translators work for little money. Translation projects based on crowdsourcing often employ untrained amateurs, which requires a lot of editing afterwards.

Social networks – namely, Facebook – are a good example why crowdsourcing translations fail. Facebook has been spreading aggressively all over the globe. It is used by millions of people who speak hundreds of languages and prefer to communicate in their native tongues. Instead of hiring professional translators to translate the initial package (basic addresses, commands etc.) Facebook decided to outsource this task to volunteer users and even tried to patent a crowdsourcing translation application.

Unfortunately, for some languages this just didn't work. The Spanish-language version has taken a particular beating for grammatical, spelling and usage problems throughout. Professional translators called the translation "extremely poor," citing "outrageous spelling mistakes" such as "ase" instead of "hace" (for "makes" or "does") and usage of the word "lenguaje" for "language" rather than the correct "idioma".²

Eventually, the company had to hire teams of professional translators and multiskilled linguists to post-edit the translations received from the crowd. "Given the high cost of such editing and performing linguistic QA on these translations, and of the technical platform needed to build and support a crowdsourcing translations solution, it seems that the companies are doing it less for the quality or the return on investment of their translations and more as part of a marketing strategy."³

The Russian version of Facebook also leaves much to be desired: innocent questions that look quite plausible in English, e.g. *What's going on, Oxana?* Or *What's on your mind?* When translated into Russian almost literally (*Что происходит, Оксана? О чем вы думаете?*) sound somewhat uneasy, as if posed by a 'panicking philosopher', as one friend puts it. Another major problem with the Russian Facebook is a mixture of honorific forms: it sometimes addresses the user as "ты" (*ty* - informal second person singular) with a corresponding form of the verb and the pronoun: *Я хочу добавить твой ДР* (I want to add your birthday); or switch to formal "вы" (*vy* – formal when used in second person singular and not in second person plural) changing the form of the verb accordingly: *добавьте, ищите* (*dobav'te, ischite* – verbs *add, change* in the formal second person); or reduces all verbs to infinitives: *добавить, изменить* (*dobavit', izmenit'* - to add, to change), thus providing a rather schizophrenic effect.

Professional translators (even those who have already done translations for open projects like *Wikipedia*) are not likely to spend time doing the same work for multi-million dollar companies.

A similar case took place when LinkedIn – a network for professionals in all fields – started a survey asking professional translators among its users whether they would be prepared to translate the resource into various languages not for money but for certain benefits (the network offered five types of benefits). The translators reacted in an extremely negative way creating an on-line group named *Translators Against Crowdsourcing by Commercial Business*.

Other networks (e.g. Myspace), however, are ready to hire professional translators when entering new markets, claiming it helps to address cultural values without giving the impression of an invasion of strangers from Silicon Valley⁴.

As follows from various cases, motivation seems to be the key factor in crowdsourced translation projects. In the case of a professional translator the main

motivation may be adequate pay⁵, while volunteers might be driven by very different incentives. E.g. motivation for the Global Voices project, where volunteer translators can be listed as *top-translators* and acquire the experience they might need for their translator's portfolio. Sadly, in spite of all promises to amateur translators (to post-edit their translations by editors and experts), even the guidance texts in languages other than English (i.e. translated by some of the project's volunteers) reek of mistakes (in our case, violations of the norms of the Russian language) caused by linguistic interference, which itself is often a sign of amateur translation; underlined are literal translations that look and sound rather clumsy in Russian:

- ***Я не являюсь профессиональным переводчиком. Могу я все же стать волонтером?***

- *Да, можете! Волонтеры Global Voices приходят с разных жизненных путей. Если наш проект заинтересовал вас, у вас есть немного свободного времени, и вы можете переводить на русский язык, то у вас есть все, чтобы стать волонтером проекта Global Voices по-русски.*⁶

the original text:

- *I am not a professional translator. Can I still apply to volunteer?*

- *Yes, you can! Global Voices volunteers come from a variety of walks of lives. [...] If you are interested in our project, have some spare time and can translate into your mother tongue, you have everything it takes to become a volunteer for Global Voices Lingua Project.*

As for the guidelines offered to volunteers their linguistic part consists of one paragraph only (opposed to a lengthy technical manual) and is reduced to a comparison between two approaches: *mirror it* and *make it new*, which is nothing but a very vague description of the *foreignization* and *domestication* concept.

Strange as it may seem, participants of crowdsourcing projects (especially fansubbers) speak for foreignization (Venutti), i.e. see their goal in preserving as much of the original pragmatics as possible, convey jokes, quotations, wordplay, and intertextual allusions, without trying to mask their translation for an original text. Unlike domestication (localization), which is more characteristic for commercial translations, this so-called *elitist* approach denies the principles of dynamic equivalence preached by the followers of Eugene Nida.

A carefully developed motivation strategy may attract professionals (as in the case of Kiva, described later), while less attractive stimuli will scare them off (LinkedIn).

Professional translators may find it reasonable to engage in a crowdsourcing project if, for example, they get a chance to combine their efforts and reduce costs when buying CATs and other professional software. Many CATs and platforms are owned by larger companies, and translators have to pay for access or subscribe on a monthly or yearly basis. Once you share costs with your colleagues, you can obtain the same tools cheaper (see *freeconomics*): companies like Microsoft with its *Collaborative Translation* or *Let's MT* provide this kind of services thus encouraging crowdsourcing.

Judging from the cases mentioned above, one might infer that the crowdsourcing model applies mostly to IT or special translation. However, there other types of texts that are translated by Internet 'crowds':

1. Audio-Visual Texts

Fans of a variety of TV-series and sitcoms often make subtitles, the phenomenon known as *fansubbing*, creating their own rules for translators. Titles are translated on a purely crowdsourced basis; in all other cases translation projects are managed from the outside: a certain framework is provided for translators, the content materials are defined by the company/project/NCO etc. that also provide translation guidelines, glossaries, and software. With subtitles it is the fan community that sets up the rules: the fans choose what to translate, organize teams, and provide technical support and quality control in the form of peer review.

It all started in the 1980s, when fans of Japanese anime-series began to put together amateur translations. By the mid-1990s they could already afford to use software and download free subtitling software from the Internet. Anime-lovers were united by a real passion, some even learnt Japanese and tried to make their subtitles as accurate as possible, conveying the finest nuances.

The next wave of fansubbing was initiated by the *Lost* TV-series. The official dubbed versions of this popular American TV-drama took too long to appear on international screens, while pirate translations could be viewed a day after the original episode had been screened.

Those involved in fansubbing, as well as in making pirate voice-overs, in fact, break the law, however, many rights-holders (film-studios and distribution companies) are more and more likely to ignore this fact, since fans' translations actually help to promote their products (in some cases fansubbers' communities even agreed to delete their translations after the officially translated version had been released).

The Big Bang Theory sitcom is a good example of how fansubbing can help to improve official translation, being a popular niche product. Its audience is not random – people who watch it share the characters' lifestyle, values, and context, and are obviously able to appreciate all the puns in the dialogues. The first official translations in many countries (e.g. in Italy) turned out to be very poor – too simplified, lacking in terminological precision, killing the jokes. The fans felt deeply upset and started to protest threatening to boycott the Italian TV-channel that aired *The Big Bang Theory*. The protests made the Italian rights-holder hire a new team of translators.

The same applies to the situation with this series in Russia. Members of the fan community become real experts when evaluating various translations of *The Big Bang Theory* into Russian:

- *On the whole, the translation is full of scientific and linguistic mistakes: «what is the lightest element on Earth» is translated as «what is the какой самый светлый элемент на Земле», «anodized» — like «анодированный», «инерционная система отсчета» etc. (in the third season it got much better);*

- *Some translations make you roll with laughter, even when there's nothing particularly funny happening on the screen (like the phrase “Sheldon, you, mother-fucker!”, in fact, is just “Sheldon!” in the original). This is bullocks, a translator should translate not ad lib»⁷.*

Fans 'dissect' every official translation in a matter of hours after it is released, and analyze every detail with great passion. See, for example, a detailed analysis of the Russian translation/localization of the latest British *Sherlock* series:

- *The dialogues and the titles were obviously translated by different people – Holmes looks into the text that reads ‘The Geek Interpreter’, translated in the titles as*

'the strange interpreter' and repeats out loud in Russian, 'Crazy interpreter?' It is neither, of course, since a 'geek-interpreter' rather means 'nerd interpreter', not even mentioning the reference to the story by Conan-Doyle, The Greek Interpreter⁸.

Thus fans of the TV-series are no longer passive consumers of translations but active participants of the translation process (*prosumers* as contemporary economists would call them).

2. **Media/Informative Texts**

These texts are translated on a volunteer basis to accumulate and disseminate information as widely as possible (like in crowdsourced journalism). This includes projects like Global Voices, TED etc. The latter project involves the subtitling of lectures read at MIT (USA) and deserves special attention. It started with 300 professional translators and 200 volunteers who worked with 40 target languages. During the first year they produced 21,000 translations and the number of participants amounted to several thousand. TED's guidelines for translators are very detailed and not only include editing done by volunteer editors (who share their comments directly with the translators), but also contain certain style requirements (e.g. recommend to choose informal over formal, modern over traditional, personal over impersonal and international over regional).

Well-reputed media follow the same track: *The Economist*, for example, uses crowdsourcing to translate their texts into Chinese. In January 2012 *NewsHour* channel (USA) asked its TV and Internet subscribers to translate President Obama's annual address. In 24 hours the program's web-site received 8 translations (more or less accurate) into different languages, including Korean, Arabic, Chinese, and Esperanto. This project was also meant to test the technical capacity of crowdsourcing in translation of videos that cover important events.

3. **Texts of Public Significance**

These include texts about various foundations and projects; translation can attract volunteers and funds from different countries (*The Rosetta Foundation*, *Kiva* projects). Within the *Kiva* project professional translators translate documents, for example loan applications. This requires quality translation, and volunteers wishing to participate need to prove they are experts, as well as agree to dedicate at least two hours per week to translating and editing for a period of 6 months.

3. **Fiction (Literary Texts)**

In this field crowdsourcing is limited by copyright laws. While in the case of TV-series the rights holders are willing to communicate with the fans, publishers usually treat fan translation in a very negative manner and make translators delete them. However, fans of popular books still translate their favorite fiction into various languages.

Such is the case in China, where professional resources are not able to satisfy the need of a huge audience. *Yeeyan.org* (that has 150,000 registered users, who collectively translate 50 to 100 news articles every day from English to Chinese), for example, featured translation of the first two chapters of the book *The Lost Symbol* by Dan Brown to encourage users to translate the book before it would be published.

The same happened with the Harry Potter books. In Germany the fans could not wait for the sixth volume to be officially translated, and completed the translation (working in a team) in two days after the sales of the original English version started, and later edited their translation using the existing English-German glossary for Potteriana terms and characters.

In Russia there were even two unofficial translations – that of Masha Spivak and the fans' community; both were deleted after the Rosman Publishers promised to file a case against the 'pirates'. Surprisingly the fans' translations (as imperfect as they were) proved to be much better than the first two official Russian volumes of Harry Potter. The story repeated itself with the latest book by J.K. Rowling, *Casual Vacancy*.

A typical case for translation crowdsourcing is translating the title of a book. James Fallows, author of the book *China Airborne* addressed Chinese-speaking readers of his blog to select the best variant for the title of the Chinese translation of the book. The reader who submitted the best translation was entitled to gifts (the winner was to be decided by a jury consisting of Chinese native speakers).⁹

Apart from the types of texts mentioned above, there are many other spheres where crowdsourced translation can be used. Especially with more and more applications available – from on-line dictionaries (*Wordreference*), to language-studying programs that employ translation (*Duolingo*), or tools that enable users to participate virtually in the work of international organizations (European Parliament - *Citzalia*).

Some crowdsourcing translation projects are rather exotic, like *Conservative Bible Project*, which strives to create a new revised translation of the New Testament into modern English addressing *best of the public* (the creators of this project favor them over professional linguists and historians) to *purge* the text from *liberal translation bias*¹⁰ manifested in the International Bible (the much criticized project of the International Bible Society carried out in 1960s-1970s). The first translation was to be ready by 2010. The participants were to follow certain rules, i.e. avoid gender references, feminist allusions, not diminish the concepts of 'Hell' and 'Devil' etc.

Such projects induce stormy reactions in the professional translators' community and religious activists who ask, what would happen if atheists come together and undermine attempts of the religious translators, and whether it would be possible to guarantee an accurate translation in this case.

Beside Conservative Bible there are many organizations (far more credible) that translate scriptures into various languages on a serious technical basis using specially designed software and involving a whole network of native speakers, scholars and translators. *The Seed Company* or *Wycliffe Bible Translations* can serve as positive examples. The latter has done over 700 translations of the scriptures into rare and trial languages since 1942, and is now actively employing state-of-the-art tools to carry on.¹¹

The most comprehensive evaluation of the pros and cons of crowdsourcing in translation is found in the study done by the European Commission (2012)¹² that singles out all the aspects of the phenomenon:

Positive:

- a passive client/receptor is replaced by a prosumer who is able to contribute to the development of the product he/she needs;
- development of translators' communities, where members pursue common interests, not only personal;

- crowdsourcing as a democratic tool, the only evaluation criterion being *merit*;
- labor management changes, the projects become less centralized enabling to mobilize energy and ideas.

Negative:

- quality is questionable when compared to translations done by professionals;
- lack of accountability – the source is often hard to trace. (In some cases the anonymity may be a savior, e.g. under totalitarian regimes); makes it difficult to distinguish between correct and incorrect information;
- translators who work as volunteers do it with heart and soul, not for money, and tend to overwork leaving no time for breaks which could affect their lives;
- companies exploit crowdsourcers and enjoy all the benefits; translation markets collapse, since professional translators are not able to stand a competition with free workforce and lose their source of income.

Considering the variety of fields where crowdsourced translation is used, broadening Internet access, development of cloud computing and interaction, as well as CATs that enhance the speed of translation, crowdsourcing will (and already does) influence the structure of the translation market and the job translators perform. At the present stage we think it is still too early to speak about the devaluation of professional translation, however, certain trends are definitely visible (as summed up by the anonymous author of a *Crowdsourcing Translation* article¹³):

The typical role of professional translators will be challenged. The quality of machine translation output will improve and the pool of motivated bilinguals will increase thus driving crowdsourcing models forward. The bulk of today's professional translators will become post-editors of machine translation output and translations of amateur bilinguals. Professional translators will be increasingly engaged in quality control and terminological roles instead of translating.

However, not all translation work will be handled through crowdsourcing. There will always be documents that require professional translation services. Highly confidential documents, highly specialized legal and medical texts, etc. will never be translated by the crowd.

Translation clients will pay less for translations and will be able to get translations much quicker and in much larger volumes than now. The quality of translations they get will improve [according to the author] thanks to the collective wisdom of actual end users and subject-matter experts involved in making such translations.

All the trends listed allow us to view crowdsourcing in translation as a trend that makes translation a mass phenomenon expanding beyond professional activity. When crowds of amateurs are driven to a certain sphere to perform tasks that were previously entrusted only to professionals this leads to inevitable consequences. Translation, in this context, is a mere example that may lead us to more general speculations and conclusions. A powerful insight into this problem is offered by the American writer, computer scientist, and composer, Jaron Lanier in his essay called *Digital Maoism* and the book *You Are Not a Gadget* where he elaborates on crowdsourcing in IT and on the much wider concept of collective and individual intelligence:

A prominent strain of enthusiasm for wikis, long tails, hive minds and so on incorporates the presumption that one profession after another will be demonetized. Digital connected mobs will perform more and more services on a collective volunteer basis, from medicine to solving crimes, until all the jobs are done that way.

We're well over a decade into this utopia of demonetized sharing and almost everyone who does the kind of work that has been collectivized online is getting poorer. There are only a handful of writers or musicians who actually make a living in the new utopia, for instance. Almost everyone else is becoming more like a peasant everyday. And it's going to get worse.¹⁴

What will become of the 'professional guild' vs 'enthusiastic crowd' opposition remains to be seen.

Bibliography and sources of illustrative citations

1. <http://thebigwave.it/technology-here-and-now/interview-with-jost-zetsche/>
2. http://www.msnbc.msn.com/id/24205912/ns/technology_and_science-internet/MSNBC%20article#.UHWmqMUxq8A
3. More details in the blog: <http://blog.cloudwords.com/2011/08/26/crowdsourced-translations-are-not-the-solution-if-you-care-about-cost-and-quality/>
4. Ibid.
5. See, for example, the so-called 'Chernov's factors' (Чернов Г.В. Основы синхронного перевода. - М., 1987).
6. <http://ru.globalvoicesonline.org>
7. Commentators offer their own translations and do research, see, for example the analysis of the translation of the word *bazinga* done by Anastasiya Chastitsyna in her blog: http://corpuscula.blogspot.ru/2010/01/blog-post_8736.html
8. <http://elhutto.livejournal.com/1213494.html>
9. <http://www.theatlantic.com/personal/archive/2012/07/crowdsourcing-a-translation-question/259979/>
10. http://www.conservapedia.com/Conservative Bible Project#cite_note-0
11. <http://missionsmisunderstood.com/2011/08/24/crowdsource-the-translation/>
12. Studies on Translation and Multilingualism. Crowdsourcing Translation. 5/2012/ European Commission, 2012.
13. <http://www.language-translation-help.com/crowdsourcing.html>
14. Jaron Lanier, *You Are Not a Gadget: A Manifesto*. NY, 2010, p. 104.

Yury Shashkov

NOMBRES ANTIGUOS EN EL RUSO Y EL ESPAÑOL

Summary

The paper *Ancient Greek and Roman Proper Names in Russian and Spanish* comparatively reviews the functioning of such names (mythological, historical, and legendary) in the Russian and Spanish languages. These items are classified into several types: names whose figurative meanings are the same in the two languages, only partly the same, or completely different. The text is accompanied with an annotated bilingual glossary containing about 30 names.

Es sabido que los nombres antiguos siguen viviendo en las lenguas europeas incluyendo la lengua rusa y la lengua española. De vez en cuando podemos oír o leer expresiones como *talón de Aquiles, nudo gordiano, espada de Damocles*, etc. Pero no solo las frases hechas, sino también los propios nombres de procedencia antigua, mitológica, legendaria o histórica, perviven en la lengua rusa y española. De una mujer bella puede decirse que es como Venus (en ruso – Venera), del hombre de gran fuerza física – Hércules (en ruso, más a menudo, Heracles (Guerakl) o Narciso (Nartsís) de una persona demasiado atenta a sí misma, enamorada de su aspecto físico. No requieren comentarios palabras como mecenas (metsenat), camaleón (khameleón), mentor (méntor), musa (musa) o cerbero (tsérber), pues desde hace mucho funcionan no como nombres propios, sino como nombres apelativos o comunes (genéricos).

Es lógico que la procedencia común de estos nombres determine, en muchos casos, su común sentido figurado. Es por ello que fortuna significa un encadenamiento de sucesos considerado como fortuito o suerte favorable, en español, y prácticamente lo mismo, en ruso. Tanto en ruso como en español existe la rueda de la fortuna. Igualmente, una quimera es aquello que se propone a la imaginación como posible o verdadero sin serlo, tanto en ruso como en español. Los rusos y españoles pueden caer en brazos de morfeo o pararse de súbito ante un cerbero. Así podríamos continuar con más ejemplos.

Pero estos nombres, al igual que las expresiones en las que aparecen, han disfrutado de una larga vida en nuestras dos culturas, literaturas y lenguas. Y, en consecuencia, algunos de ellos ya han desaparecido, otros han caído en desuso, y otros han perdido su sentido figurado, o han cambiado algún matiz del mismo, o al revés, han adquirido nuevos significados. Lógicamente estos procesos plantean ciertos problemas a los traductores cuando surge la necesidad de traducirlos, al igual que a los profesores cuando dan clases o comentan algún texto en el que aparecen estas palabras. Es por ello que hemos emprendido esta tarea de recopilar los nombres de procedencia antigua en lengua rusa y española, estudiar su sentido figurado para descubrir y comentar casos cuando falta coincidencia de significados o los nombres obtienen nuevas acepciones, etc.

El primer grupo lo componen los nombres que coinciden en sus significados. Estos son Adonis, Apolo, camaleón, cerbero, Cicerón, Circe, Crespo, Demóstenes, fortuna, Hércules, Hidra, mentor, mecenas, Morfeo, musa, narciso, odisea, quimera, titán, Venus (Véase el Anexo).

El segundo, el referido a nombres iguales con distinto sentido figurado. Estos son: Bucéfalo – (nombre del caballo de Alejandro Magno) que significa hombre rudo, estúpido, incapaz (DRAE) u hombre torpe e ignorante (M.I, 422). El Bucéfaloruso (Butsefal) quiere decir: rocín; jamelgo o rocinante (Universal (Ru-Es).

Cupido – coinciden las primeras acepciones que indican que es una representación pictórica o escultórica del amor, en la forma de un niño desnudo y alado que porta flechas, arco y carcaj. Pero en español en sentido figurado es: Hombre enamorado y galanteador (DRAE). En ruso: Es símbolo poético del amor (Explanatory (Ru-Ru).

Himeneo – en español: 1. m. Boda o casamiento. 2. m. Composición poética en que se celebra un casamiento (DRAE). En ruso existe la expresión “lazos de Himeneo” que significa el matrimonio, el casamiento y nos recuerda que el Himeneo de los griegos antiguos era el dios de la unión matrimonial (A, 65).

Penates – en español: 1. m. pl. Mit. Dioses domésticos o particulares de cada familia, a que se rendía culto entre los romanos... (M.II, 692). En ruso: la primera acepción la misma y la segunda quiere decir casa natal, casa de los padres (A, 204).

Hay otros nombres que coinciden en sus significados parcialmente y poseen, al mismo tiempo, alguna acepción o sentido figurado distintos en español y en ruso. Por ejemplo:

Esfinge – en español: 2. Se aplica a la persona reservada que no deja traslucir sus pensamientos, impresiones o intenciones, o que guarda rigurosamente su secreto (M.I, 1193); parecer, o ser, una esfinge es adoptar una actitud reservada o enigmática (DRAE). En ruso – esta palabra también significa algo incomprendible o misterioso, existe la expresión “enigma de Esfinge” referida a algo insoluble (A, 263-264), pero se puede hablar no solo de una persona extraña o enigmática, sino también de algo incomprendible y enigmático (Popular (Ru-Ru).

Fénix – “Ave Fénix”. En español: cierta ave fabulosa a la que se atribuía la capacidad de resurgir de sus cenizas cada vez que moría. (fig., calif.) Se aplica a una persona única en su especie. Ej.: “El fénix de los ingenios” (Cervantes) (M.I, 1293). En ruso: también se aplica a algo o alguien extraordinario, exclusivo (A, 283), pero esta acepción de Fénix prácticamente está en desuso, simbolizando generalmente la resurrección constante (Great Soviet Encyclopaedia (Ru-Ru).

Furia – en español tiene muchas acepciones: 1. f. Ira exaltada. 2. f. Acceso de demencia. 3. f. Persona muy irritada y colérica. 4. f. Actividad y violenta agitación de las cosas inanimadas. La furia del viento, del mar. 5. f. Prisa, velocidad y vehemencia con que se ejecuta algo. 6. f. Momento de mayor intensidad de una moda o costumbre. 7. f. Mit. Cada una de las tres divinidades infernales en que se personificaban la venganza o los remordimientos (DRAE). En ruso, con las españolas, coinciden solo dos: la séptima y tercera, pero ésta no se refiere a una persona en sentido general, sino a una mujer irritada (A, 286). Como vemos, el campo semántico de la “furia” española es mucho más rico.

El traductor debe tener mucho cuidado con la traducción de las palabras Olimpo y olímpico (véase el Anexo), puesto que la expresión española “estar en el Olimpo” (Ensimismarse, enorgullecerse, apartarse de la realidad (DRAE) no coincide con la analógica en ruso que quiere decir: estar entre los mejores, entre los elegidos, como si fueran dioses (por ejemplo, “estar en el Olimpo político” (Popular (Ru-Ru). Otro ejemplo con la palabra “olímpico”, “desdén olímpico” en español (altivo o despectivo) (M.II, 561), y “tranquilidad olímpica” – en ruso (majestuosa, sublime) (Explanatory (Ru-Ru).

No agotamos con estos ejemplos toda la onomástica antigua viva en lengua rusa y española (no abordamos aquí la fraseología con estos nombres, que sería un tema colindante, pero aparte). Adjuntamos a este texto un anexo que contiene más información y puede ser útil, a nuestro criterio, para traductores y profesores de ambas lenguas.

ANEXO:

ИСПАНСКИЕ	РУССКИЕ
<p>Adonis.(De Adonis, personaje mitológico, por alus. a su hermosura).1. m. Joven hermoso (DRAE).</p>	<p>АДОНИС: имя употребляется как синоним красивого молодого человека (A, 11)</p>
<p>Apolo – Dios de mitología clásica que personifica la luz...; se aplica a un hombre de gran belleza física (M.I,217) Apolo – hombre muy guapo (CLAVE)</p>	<p>АПОЛЛОН в греческой мифологии – бог солнца, юности, поэзии музыки, искусств. Обычно его изображали в виде прекрасного юноши. Переносно Аполлоном называют красивого молодого человека (A, 15)</p>
<p>Aurora.(Del aurōra, de aura, brillo, resplandor).1. f. Luz sonrosada que precede inmediatamente a la salida del Sol.2. f. Principio o primeros tiempos de algo.3. f. Hermosura del rostro, y, por ext., el rostro sonrosado.4. f. Bebida compuesta de leche de almendras y agua de canela.5. f. Canto religioso que se entonaba al amanecer, antes del rosario, y con el que se daba comienzo a la celebración de una festividad de la Iglesia(DRAE)</p>	<p>АВРОРА: в образной и поэтической речи – синоним утренней зари (A, 10-11). Аврора (Aurora) 1) В древнеримской мифологии: богиня утренней зари (изображается юной крылатой девушкой, появляющейся из морской пены на колеснице; соответствует древнегреческой Эос) 2) В поэзии 19 в.: утренняя заря. (ExplanatoryBTS (Ru-Ru).</p>
<p>Bucéfalo.(Del gr. Βουκέφαλος, nombre del caballo de Alejandro Magno...).1. m. coloq. Hombre rudo, estúpido, incapaz (DRAE). Hombre torpe e ignorante (M.I,422).</p>	<p>БУЦЕФАЛ: имя коня Александра Македонского, которого он один сумел укротить. Шуточно буцефалом называют старую плохую лошадь (A, 34) Конь (обычно с оттенком иронии или шутки)(Explanatory (Ru-Ru).</p>
<p>Camaleón.(Del lat. chamaeleon, y este del gr. χαμαιλέων).1. m. Reptil saurio de cuerpo comprimido, cola prensil y ojos de movimiento independiente. Se alimenta de insectos que caza con su lengua, larga y pegajosa, y posee la facultad de cambiar de color según las condiciones ambientales. 2. m. coloq. Persona que tiene habilidad para cambiar de actitud y conducta, adoptando en cada caso la más ventajosa (DRAE).</p>	<p>ХАМЕЛЕОН: особый вид ящерицы, которая быстро меняет свою окраску. После Аристотеля другие писатели древности стали пользоваться образом хамелеона для обозначения человека изменчивого, непостоянного (A, 287) 2) Человек, меняющий свои</p>

	мнения, взгляды, симпатии в зависимости от обстановки или в угоду кому-л. (ExplanatoryBTS (Ru-Ru).
Cancerbero (ver: Cerbero)	
<p>Cerbero.(Del lat. Cerbērus, y este del gr. Κέρβερος).2. m. coloq. cancerbero (portero o guarda severo o de bruscos modales(DRAE).</p> <p>Cancerbero, ra.(De can1 y Cerbero, perro de tres cabezas que guardaba la puerta de los infiernos).1. m. y f. coloq. Portero o guarda severo o de bruscos modales). (DRAE).</p>	<p>ЦЕРБЕР: в греческой мифологии – трехголовый пес, охраняющий вход в подземное царство (Аид)...употребляется переносно в значении свирепый бдительный страж, а также – злая собака (А, 293) Цербер = Кербер 1) В греческой мифологии: злой пес, страж Аида. 2) Свирепый надсмотрщик, бдительный страж. (Popular (Ru-Ru).</p>
<p>Cicerón.(Por alus. a M. T. Cicerón, 106-43 a. C., orador romano).1. m. Hombre muy elocuente(DRAE).</p> <p>Cicerón – persona muy elocuente y con gran facilidad de palabra (CLAVE).</p> <p>Cicerón –se aplica a un hombre muy elocuente (M.I, 622).</p>	<p>Цицерон 1. Древнеримский оратор Цицерон (106 - 43 гг. до н.э.) . 2. Употребляется как поэтический символ красноречия; шутл. О том, кто очень красноречив или слишком много говорит. По имени древнеримского оратора Цицерона (106-43 до н.э.). (ExplanatoryBTS (Ru-Ru)</p>
<p>Circe.(De Circe, hechicera que en la Odisea convierte a los compañeros de Ulises en bestias). Mujer astuta y engañosa(DRAE). Mujer astuta y engañadora (M.I, 634). Mujer astuta y que engaña con frecuencia (CLAVE)</p>	<p>ЦИРЦЕЯ: по Гомеру, коварная волшебница. Имя ее стало синонимом опасной красавицы, коварной обольстительницы (А, 293-294) Цирцея 1) В греческой мифологии : волшебница, превратившая в свиней спутников Одиссея и удерживавшая силой чар его самого. 2) Коварная обольстительница. (ExplanatoryBTS (Ru-Ru)</p>
<p>Creso.(Poralus. aCreso, reydeLidia, célebreporsusriquezas).1. m. Hombrequeposeegrandesriquezas. (DRAE).</p>	<p>КРЁЗ: царь Лидии (560-546 гг до н.э.), обладавший несметным богатством. Его имя стало синонимом обладателя несметных богатств (А, 137). Богат как Крёз.</p>
<p>Cupido.(De Cupido, dios del amor en la mitología romana).1. m. Representación pictórica o escultórica del amor, en la forma de un niño desnudo y alado que suele llevar los ojos vendados y porta flechas, arco y carcaj.2. m. Hombre enamorado y galanteador (DRAE). Cupido - волокита, ловелас (Universal (Es-Ru)</p>	<p>Купидон 1. Бог любви (обычно изображающийся в виде прекрасного юноши или шаловливого крылатого мальчика с луком и стрелами); Амур (в древнеримской мифологии) . 2. Употребляется как поэтический символ любви. (Explanatory (Ru-Ru)</p>
<p>Demóstenes – persona de gran elocuencia o facilidad de palabra(CLAVE)</p> <p>Demóstenes – del nombre del famoso orador griego, se aplica como nombre calificativo, generalmente con tono irónico, a un hombre muy elocuente (M.I, 886)</p>	<p>ДЕМОСФЕН: так по имени знаменитого греческого оратора (384-322 гг. до н.э.)... называют красноречивых ораторов, шутливо – краснобаев (А, 77)</p>
<p>Esfinge.(Del lat. sphinx, -ingis, y este del gr. σφίγξ).1. f. Monstruo fabuloso, generalmente con cabeza,</p>	<p>СФИНКС: в греческой мифологии Сфинкс – чудовище с лицом и грудью</p>

<p>cuello y pecho humanos y cuerpo y pies de león. parecer, o ser, una ~.1. frs. Adoptar una actitud reservada o enigmática (DRAE). Esfinge – animal fabuloso, con cabeza, cuello y pecho humanos, y cuerpo y pies de león (CLAVE). Esfinge - 1. Animal fabuloso, ... con cabeza, cuello y pecho de mujer y cuerpo y pies de león. 2. Se aplica a la persona reservada que no deja traslucir sus pensamientos, impresiones o intenciones, o que guarda rigurosamente su secreto (M.I, 1193).</p>	<p>женщины, туловищем льва и крыльями птицы, обитавшее около Фив. Сфинкс подстерегал путников и загадывал им загадки, не сумевших их отгадать он убивал. Отсюда это слово получило значение: что-либо непонятное, загадочное; «сфинксова загадка» - что-л. неразрешимое (А, 263-264)3), О ком-л. или о чем-л. непонятном, странном, загадочном. Синонимы: загадка. (Popular (Ru-Ru))</p>
<p>Fénix.(Dellat. phoenix).1. m. Avefabulosaquelosantiguoscreyeronqueera únicayrenaciadesuscenizas. Erau. t. c. f.2. m. Persona o cosa exquisita o única en su especie. El fénix de los ingenios (DRAE). Fénix - Ave fabulosa, semejante a un águila, que cada vez que se quemaba en una hoguera renacía de sus propias cenizas (CLAVE). Fénix – “Ave Fénix”. Cierta ave fabulosa a la que se atribuía que cada vez que moría resucitaba de sus cenizas. (fig., calif.) Se aplica a una persona única en su especie. Ej.: “Elfénixdelosingenios” (Cervantes). (M.I, 1293)</p>	<p>ФЕНИКС: священная птица древних египтян, согласно мифу ее сжигают, но она возрождается из пепла... Ее название употребляется в в переносном значении как определение чего-либо исключительного, необыкновенного (А, 283) Фéникс в мифологии некоторых древних народов сказочная птица, в старости сжигающая себя и возрождающаяся из пепла молодой и обновленной; символ вечного возрождения(Great Soviet Encyclopaedia (Ru-Ru). Феникс (phoínix) В мифологии многих народов: птица, сжигающая себя и вновь возрождающаяся из пепла молодой. Как феникс из пепла возник кто-л. (Explanatory BTS (Ru-Ru))</p>
<p>Fortuna.(Del lat. Fortūna).1. f. Encadenamiento de los sucesos, considerado como fortuito.2. f. Circunstancia casual de personas y cosas.3. f. Suerte favorable.4. f. éxito (ll buena aceptación).5. f. Hacienda, capital, caudal.6. f. desus. borrasca (ll tempestad del mar).7. f. desus. borrasca (ll temporal en tierra).8. f. ant. Desgracia, adversidad, infortunio.correr ~ una embarcación.1. fr. Mar. Padecer tormenta y correr el riesgo de perderse.por ~.1. loc. adv. Afortunadamente, por casualidad.probar ~.1. fr. Intentar una empresa cuyo buen término se considera difícil o dudoso.soplar la ~ a alguien.1. fr. Sucederle las cosas felizmente.□ V. bienes de ~día de ~golpe de ~lance de ~moza de ~parte de ~rueda de la ~tiempo de ~fortuno, na(DRAE). Rueda de la fortuna – Expresión con que se alude a la sucesión de acontecimientos favorables y adversos en la vida (M. II, 1068)</p>	<p>ФОРТУНА: в римской мифологии – богиня слепого случая, счастья и несчастья. Имя ее и выражение «колесо Фортуны» употребляется в значении: случай, слепое счастье. (А, 286) Фортуна 1. Богиня судьбы, удачи, счастья (в древнеримской мифологии) . 2. Употребляется как поэтический символ счастливой случайности, удачи. Explanatory (Ru-Ru) (к версии АВВУУ Lingvo x5) Большой современный толковый словарь русского языка. © 2006, Ефремова Т.Ф Фортуна (fortuna) Судьба, счастливый случай, счастье. Верить в фортуна. Положись на свою фортуна. Фортуна благоприятствует кому-л. Переменчивая, слепая фортуна. Любимец, баловень фортуны (счастливчик) Фортуна улыбается кому-л. (кому-л. сопутствует удача, успех) Колесо</p>

	<p>фортуны (изменчивое, непостоянное счастье). В древнеримской мифологии: богиня судьбы (изображается женщиной, стоящей с повязкой на глазах на колесе или шаре) (Explanatory BTS (Ru-Ru) Испытывать фортуну.</p>
<p>Furia.(Del lat. furia).1. f. Ira exaltada.2. f. Acceso de demencia.3. f. Persona muy irritada y colérica.4.f. Actividad y violenta agitación de las cosas inanimadas. La furia del viento, del mar.5. f. Prisa, velocidad y vehemencia con que se ejecuta algo.6. f. Momento de mayor intensidad de una moda o costumbre.7. f. Mit. Cada una de las tres divinidades infernales en que se personificaban la venganza o los remordimientos.a toda ~.1. loc. adv. Con la mayor intensidad o vehemencia(DRAE)</p>	<p>ФУРИЯ: в римской мифологии – каждая из трех богинь мщения (в греч. миф. – эринии). Символ мщения, переносно – злобная, разъяренная женщина (А, 286). Фурия (Furia) 1) Фурия - В древнеримской мифологии : богиня мщения и угрызений совести. 2) О злобной, сварливой женщине. Разъярённая ф. Накинулась на меня, как ф. (Explanatory BTS (Ru-Ru)</p>
<p>Hércules.(Por alus. a Hércules, semidiós, hijo de Júpiter y Alcmena). 1. m. Hombre de mucha fuerza(DRAE). Hércules - 1. m. Hombre con mucha fuerza (CLAVE). Hércules – Pesona dotada de extraordinaria fuerza (M.II, 31)</p>	<p>ГЕРКУЛЕС (ГЕРАКЛ) – герой греческих мифов. Его имя стало нарицательным для человека, обладающего большой физической силой (А, 63)/ 2) О человеке, обладающем громадной физической силой и атлетическим телосложением. Explanatory BTS (Ru-Ru) (к версии АБВУУ Lingvo x5)Большой толковый словарь русского языка © С.А. Кузнецов, 2010 Геркулес латинская форма имени Геракла. В переносном смысле - человек огромной физической силы. (Great Encyclopaedic Dictionary (Ru-Ru)</p>
<p>Hidra.(Del lat. hydra, y este del gr. ὕδρα, serpiente acuática). 3. f. Mit. Monstruo del lago de Lerna, con siete cabezas que renacían a medida que se cortaban, muerto por Hércules, que se las cortó todas de un golpe (DRAE). Hidra – Culebra acuática, venenosa, de las costas del mar Pacífico y del de las Indias; Mit. Monstruo con siete cabezas que renacían a medida que se cortaban. Hércules la mató cortándolas todas de una vez; Se aplica como nombre calificativo a un daño social muy difícil de extirpar, que renace cada vez que se cree dominado (M.II, 39)</p>	<p>ГИДРА: в греческой мифологии – многоглавая змея, у которой вместо отрубленных голов вновь вырастали новые. Переносно: враждебная сила, борьба с которой необычайно трудна (А, 65) Гидра (Hýdra - водяной змей) 1) В древнегреческой мифологии : многоголовая змея, у которой на месте отрубленных голов вырастали новые. Лернейская гидра. 3) О крайне отрицательных, враждебных явлениях, силах, людях; чудовище. Гидра пьянства. Гидра тщеславия. Победить в себе гидру. (Explanatory BTS (Ru-Ru)</p>
<p>Lete o Leteo - río del olvido (DRAE). Lete o Leteo – (mit) uno de los ríos del Averno...(M.II, 243)</p>	<p>ЛЕТА: река забвения в Аиде, подземном царстве. Ее название стало символом забвения.</p>

<p>Caerenelolvido- быть забытым, кануть в Лету</p>	<p>Кануть в Лету употребляется в значении: навсегда исчезнуть, быть забытым (A,142-143)</p>
<p>Marte – (mit) dios de la guerra entre los romanos, correspondiente al griego Ares; se emplea este nombre para simbolizar la guerra o los guerreros(M.II, 356)</p>	<p>Марс (от mars - мужчина) 1) В древнеримской мифологии: бог войны (считался отцом Ромула и Рема, родоначальником римлян). ExplanatoryBTS (Ru-Ru)</p>
<p>Mentor, ra.(Del gr. Μέντωρ, Méntor, personaje de la Odisea, consejero de Telémaco).1. m. y f. Consejero o guía.2. ayo, ya.(Del gót. *hagja, guardia).1. m. y f. Persona encargada en las casas principales de custodiar niños o jóvenes y de cuidar de su crianza y educación.(DRAE). Mentor – persona que aconseja, orienta o guía a otra (CLAVE). Mentor – antiguamente, hombre encargado de la educación de un joven; hoy, persona que aconseja, guía o inspira a otra, con respecto a ésta (M.II, 394)</p>	<p>МЕНТОР: в поэме Гомера «Одиссея» - имя мудрого наставника Телемаха, сына Одиссея. Стало синонимом воспитателя, наставника, начиная с XIX в. употребляется преимущественно с иронической окраской (A, 155). ментор 1. Наставник, воспитатель (обычно юноши) . 2. Руководитель, советчик. (Explanatory (Ru-Ru) Говорить тоном ментора. Менторский - 2. Строгий и поучающий. Менторский тон. Менторски наставлять кого-н. Менторский, менторски - О ком-л., постоянно поучающем, настаивающем, навязчиво воспитывающем (ExplanatoryBTS (Ru-Ru)</p>
<p>Mecenas.(Por alus. a C. C. Mecenas, c69 a. C. al 8 d. C., consejero del emperador romano Augusto y protector de las letras y de los literatos).1. m. Persona que patrocina las letras o las artes. (DRAE). Persona o institución que, con sus aportaciones económicas, protege o promueve las actividades artísticas o intelectuales (CLAVE). Persona rica o poderosa que protege, en general, a los artistas o a las personas que realizan otros trabajos intelectuales (M.II, 375)</p>	<p>МЕЦЕНАТ: богатый римский патриций Гай Цильний Меценат (между 74- 64 -8 до н. э.), покровительствовал художникам и поэтам. Его имя стало нарицательным для богатых покровителей искусств (A, 157). Меценат 1. Богатый человек, занимающийся благотворительной деятельностью, покровительствующий развитию культуры, искусства, науки и оказывающий им финансовую поддержку. (Explanatory (Ru-Ru)</p>
<p>Morfeo.(Del lat. Morpheus, y este del gr. Μορφεύς, dios de los sueños).estar en brazos de ~.1. fr. coloq. Dormir(DRAE) Morfeo - dios de los sueños en la mitología griega y romana; se emplea en lenguaje literario, frecuentemente jocoso, para referirse al sueño: En brazos de Morfeo - dormir. (M.II, 455)</p>	<p>МОРФЕЙ: в греческой мифологии – сын бога сна Гипноса, крылатый бог сновидений. Его имя – синоним сна. Отсюда и выражение: в объятиях Морфея (A,163-164). Морфей (Morpheios - Морфей) 2) трад.-поэт. О сне со сновидениями. Отдаться Морфею. Погрузиться в объятия Морфея (заснуть и видеть сны) Explanatory BTS (Ru-Ru)</p>
<p>Musa.(Del lat. musa, y este del gr. μουσα).1. f. Cada una de las deidades que, según la fábula, habitaban, presididas por Apolo, en el Parnaso o en el Helicón y protegían las ciencias y las artes liberales, especialmente la poesía. Su número era vario en la mitología, pero más ordinariamente se creyó que eran</p>	<p>МУЗА: В греч.мифологии – одна из девяти богинь, покровительниц различных искусств и наук, вдохновлявших поэтов и ученых в их творчестве. 2. перен. Источник поэтического вдохновения,</p>

<p>nueve.2. f. numen (Il inspiración del artista).3. f. Ingenio poético propio y peculiar de cada poeta. La musa de Píndaro, de Virgilio, de Fray Luis de León.4. f. poesía. La musa latina. La musa española.5. f. pl. Ciencias y artes liberales, especialmente humanidades o poesía.</p> <p>entender la ~ de alguien.1. fr. Conocer su intención o malicia.</p> <p>soplarle a alguien la ~.1. fr. coloq. Estar inspirado para componer versos, acudirle con afluencia y fecundidad las ideas.2. fr. coloq. Tener buena suerte en el juego (DRAE).</p> <p>Actividad artística; particularmente poética: “dedicarse a las musas”.</p> <p>“Soplar a alguien la musa” – estar inspirado, tanto para relizar una obra artística como para hacer cualquier otra obra o hablar con acierto o con gracia. (M.II, 479)</p>	<p>олицетворяемый в образе женщины, богини (поэт. устар.) (ТСРЯ, II-275)</p> <p>Муза (Mousá) 1) В древнегреческой мифологии : каждая из девяти богинь, покровительниц наук и искусств. Муза комедии Талия. 2) а) trad.-поэт. О творческом вдохновении, олицетворяемом в образе женщины, богини. Поэта посетила муза. О муза пламенной сатиры! Приди на мой призывный клич! (Пушкин) б) опр. книж. О творчестве поэта, художника, музыканта и т.п. с его особенностями.</p> <p>Муза Рахманинова. Трагическая муза Ахматовой. (Explanatory BTS (Ru-Ru))</p> <p>В русском языке есть выражение «муза дальних странствий», из стихотворения Н.С. Гумилева «Отъезжающему» (А, 164)</p>
<p>Narciso 2.(Poralus. aNarciso, m. personajemitológico).1. Hombre que cuida demasiado su adorno y su postura, o se precia de galán y hermoso, como enamorado de sí mismo(DRAE)</p>	<p>НАРЦИСС: в греческой мифологии – красивый юноша, сын речного бога Кефиса и нимфы Лейриопы, влюбившийся в самого себя, увидев собственное отражение в реке. Это имя стало нарицательным для человека, любующегося самим собой, самовлюбленного (А, 172)</p>
<p>Odisea.(De Odisea, título de un poema homérico).1. f. Viaje largo, en el que abundan las aventuras adversas y favorables al viajero.2. f. Sucesión de peripecias, por lo general desagradables, que le ocurren a alguien(DRAE).</p> <p>Odisea – Sucesión de dificultades, aventuras y problemas que le ocurren a alguien (CLAVE).</p> <p>Odisea – por analogía con el poema homérico de este nombre, serie de penalidades o trabajos que pasa alguien: “Pasar una odisea” (M.II, 550)</p>	<p>ОДИССЕЯ: название поэмы Гомера о приключениях одного из героев Троянской войны – Одиссея. Употребляется в значении: долгие странствия, приключения, рассказ о них (А, 193).</p> <p>Одиссея кого или какая. Богатое событиями странствие, скитание, похождение и т.п.; рассказ об этих событиях, скитаниях, похождениях. Наша одиссея закончена. Расскажите мне свою одиссею. Космическая одиссея выходит на новый трудный виток. В воображении одна за другой встают картины этой полярной одиссеи. По названию древнегреческой эпической поэмы Гомера, описывающей странствия и приключения Одиссея, царя Итаки. (Explanatory BTS (Ru-Ru) Одиссея Долгие странствия, полные опасностей и приключений, но благополучно завершившиеся. (Explanatory (Ru-Ru))</p>

<p>Olimpo.(Del gr. "Όλυμπος).1. m. Morada de los dioses del paganismo.2. m. Conjunto de los dioses mitológicos que residían en el monte Olimpo.</p> <p>estar alguien en el ~.1. fr. Ensimismarse, enorgullecerse, apartarse de la realidad (DRAE)</p> <p>Olimpo – (mit) residencia de los dioses que se localizaba en uno de los varios montes que tenían ese nombre en Grecia...; conjunto de los dioses de la mitología (M. II, 561)</p>	<p>ОЛИМП: гора в Греции, где обитали боги.</p> <p>У античных авторов Олимп – небесный свод, обитаемый богами, отсюда ряд выражений «литературный Олимп», «музыкальный Олимп» - группа признанных поэтов, писателей, музыкантов. Иногда эти выражения употребляются иронически, шутливо(А, 194).</p> <p>2) перен. Избранный круг, верхушка какого-л. общества. На политическом олимпе. (Popular (Ru-Ru)</p>
<p>Olímpico, ca.(Dellat. Olympĩcus, yestedelgr. óλυμπικός).1. adj. Perteneциенте относительного Olimpo.2. adj. Perteneциенте относительного Olimpia, ciudad de Grecia antigua.3. adj. Perteneциенте o relativo a los juegos de las olimpiadas.4. adj. Dicho de un atleta: Que ha participado en alguna olimpiada. U. t. c. s.5. adj. Altanero, soberbio. Olímpico desdén (DRAE). Olímpico – del Olimpo;</p> <p>Adjetivo: (aplicado a la actitud, etc., de las personas y, en lenguaje informal culto, también a éstas) altivo o despectivo: La rechazó con un gesto olímpico. Se siente olímpico, sentado en su sillón. Se emplea particularmente en la expresión "desdén olímpico". (M.II, 561)</p>	<p>Олимпийский. Олимпиец.</p> <p>Олимпийцы - бессмертные боги; переносно – люди, всегда сохраняющие величественную торжественность внешнего облика и невозмутимое спокойствие духа; так же называют людей высокомерных, недоступных. Отсюда ряд выражений: «олимпийское блаженство» - высшая степень блаженства, «олимпийское величие» - торжественность в манерах, во всем облике; «олимпийское спокойствие» - спокойствие, ничем невозмутимое.</p> <p>(А, 194).</p> <p>олимпийский 3. Всегда сохраняющий величавую торжественность внешнего облика и невозмутимое спокойствие духа. (Explanatory (Ru-Ru)</p>
<p>Penates.(Del lat. Penātes).1. m. pl. Mit. Dioses domésticos a quienes daba culto la gentilidad (DRAE).</p> <p>Penates – en mitología romana, divinidades menores que protegían a la familia, especialmente contra la pobreza y falta de alimentos (CLAVE).</p> <p>Penates - Mit. Dioses domésticos o particulares de cada familia, a que se rendía culto entre los romanos...</p> <p>(M.II, 692).</p>	<p>ПЕНАТЫ: боги – покровители домашнего очага у древних римлян. Переносно, в образной и поэтической речи, - родной дом (А, 204).</p> <p>Пенаты у римлян боги-хранители, покровители домашнего очага, семьи, затем всего римского народа. В переносном смысле - домашний очаг, родной дом ("вернуться к своим пенатам"). (Great Encyclopaedic Dictionary (Ru-Ru)</p>
<p>Quimera (Del lat. chimaera, y este del gr. χίμαιρα, animal fabuloso).1. f. Monstruo imaginario que, según la fábula, vomitaba llamas y tenía cabeza de león, vientre de cabra y cola de dragón.2. f. Aquello que se propone a la imaginación como posible o verdadero, no siéndolo(DRAE).</p> <p>Quimera – 1. En mitología, monstruo, mita león, mitad cabra, con cola de reptil o de dragón;</p> <p>2. Lo que se presenta a la imaginación como posible oo verdadero sin serlo (CLAVE).</p>	<p>ХИМЕРА: в греческой мифологии – огнедышащее чудовище, описываемое различно. Иносказательно: нечто нереальное, плод воображения (А. 287).</p> <p>Химера 1) в греческой мифологии чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом дракона; порождение Тифона и Ехидны...2) В средневековом европейском искусстве</p>

<p>Quimera - (mit) Animal fantástico con cabeza de león, cuerpo de cabra y cola de dragón que vomitaba llamas. Creación de la mente tomada como realidad. Cosa agradable en que se piensa como posible no siéndolo en realidad. Sospecha infundada de algo desagradable. (M.II, 912)</p>	<p>скульптурное изображение фантастического чудовища...3) (Перен.) фантазия, неосуществимая мечта. Great Encyclopaedic Dictionary (Ru-Ru) 2) Неосуществимая, несбыточная и странная мечта, фантазия. Жить химерами. Гоняться за химерами. Дерзкая х. Твой план - чистая х.! Это всё химеры. (Explanatory BTS (Ru-Ru)</p>
<p>Titán.(Del lat. Titan, y este del gr. Τιτάν).1. m. Persona de excepcional fuerza, que descuella en algún aspecto. (DRAE). Titán – persona que destaca por su fuerza excepcional o por sus cualidades en una actividad (CLAVE). Titán – (mit) Nombre dado a ciertos gigantes que quisieron asaltar el cielo. (fig., calif.) Se aplica a una persona de grandeza excepcional en cierto aspecto digno de admiración (M.II, 1324)</p>	<p>ТИТАНЫ: в греческой мифологии – дети Урана (неба) и Геи (земли), восставшие против богов Олимпа и низвергнутые за это в тартар. Переносно: люди, отличающиеся силой, исполинской мощью ума, гении (А, 271). Титан (Titán) 1) обычно О человеке, выдающемся в какой-л. области, отличающемся исключительной силой ума, таланта, величием деятельности. Титаны научной мысли. Титаны духа. Пушкин - титан русской поэзии. (Explanatory BTS (Ru-Ru)</p>
<p>Venus.(DeVenus, diosamitológicadelahermosura).1. f. RepresentaciónplásticadeladiosaVenus.2. f. Cadaunadelasestatuillas prehistóricas femeninas elaboradas en piedra, marfil o hueso.3. f.Mujer muy hermosa.4. f. Deleite sexual o acto carnal.5. f. Alq. cobre (ll metal).□ V. aguja de Venus monte de Venus ombligo de Venus (DRAE). Venus – 1.Mujer muy hermosa; 2. estatuilla prehistórica de figura femenina (CLAVE). Venus – Mujer muy bella (M.II, 1460)</p>	<p>ВЕНЕРА: в римской мифологии богиня любви. В образной поэтической речи –красивая женщина (А, 40). 3) перен., разг. Красивая женщина, обладающая обычно классической красотой. Синонимы: гурия. (Popular (Ru-Ru)</p>

Bibliographia

(Список сокращений и названий источников):

1. А – Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999.
2. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: в 4 томах. Под ред. Д. Ушакова. – М.: ТЕРРА, 1996.
3. ExplanatoryBTS (Ru-Ru) - ExplanatoryBTS (Ru-Ru) (к версии АBBYYLingvox5) Большой толковый словарь русского языка © С.А. Кузнецов, 2010.
4. Explanatory (Ru-Ru) - Explanatory (Ru-Ru) (к версии АBBYYLingvox5) Большой современный толковый словарь русского языка. © 2006, Ефремова Т.Ф.
5. GreatEncyclopaedicDictionary (Ru-Ru) - GreatEncyclopaedicDictionary (Ru-Ru) (к версии Lingvox5) Большой энциклопедический словарь. © «Большая Советская Энциклопедия», Москва, 1998

6. GreatSovietEncyclopaedia (Ru-Ru) - GreatSovietEncyclopaedia (Ru-Ru) (к версии Lingvox5) Большая Советская Энциклопедия (БСЭ), 3-е издание.
7. Popular (Ru-Ru) - Popular (Ru-Ru) (к версии ABBYYLingvox5) Популярный словарь русского языка. Толково-энциклопедический. © «Русский язык-Медиа», 2003, Гуськова А.П., Сотин Б.В.
8. Universal (Es-Ru) - Universal (Es-Ru) (к версии ABBYYLingvox5) Большой испанско-русский словарь. © «Русский язык-Медиа», 2005. Под ред. Нарумова Б.П.
9. Universal (Ru-Es) - Universal (Ru-Es) (к версии ABBYYLingvox5) Большой русско-испанский словарь. © «Русский язык-Медиа», 2004, Туровер Г.Я., Ногейра Х. Под ред. д-ра филол. наук, проф. Туровера Г.Я. 200 тыс. слов, словосочетаний и выражений
10. CLAVE – DiccionarioCLAVE. Edición en CD-ROM.
11. DRAE – Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española. 22.a ed. Edición en CD-ROM. Versión 1.
12. M - Moliner, María. Diccionario de uso del español. En 2 tomos. M.: Ed. Gredos, 1986.

SECTION 4.

LITERARY TRANSLATION: GOING BEYOND THE LIMITS

Tamara Kazakova

THE ACCURACY AND DIVERSITY OF TRANSLATION

Summary

Unlike other functional styles, the literary text may have many translation versions which co-exist in the target culture, each having an individuality and literary fate of its own. If such versions of the same author or text are many then, logically, the reader is supposed to prefer the most accurate, i.e. most correct of them. In fact this logical approach exists only in theory while practice demonstrates that such preferences are based on emotional rather than rational grounds. Yet, we may distinguish some regularity in this, seemingly, irregular process.

Literary works in translation have a fate of their own, and this fate may differ greatly from the one in the source culture. Some poems and novels translated once and forever live quite happily in the target culture, although the translation is far from being accurate. For instance, Ivan Bunin's translation (1894) of Longfellow's *Song of Hiawatha* is still in wide use, and, for all its *inaccuracies*, is unlikely to be re-translated in the foreseeable future. The list of examples is quite numerous, and this phenomenon is not duly studied. Here I have tried to trace out some regularity in the way translated texts are adopted by the target culture.

Condition number one: *The greater distance between cultures (or traditions) the more chances for the only translation to survive.* I don't think we shall have another Russian *Iliad* after Gneditch's version (translated almost 200 years ago) – I have the impression that as it advances in years it becomes even more hallowed, unlike Veresayev's translation which is much 'younger'. The same reason, though of a somewhat different value, is true about Bunin's translation of Longfellow's *Song of Hiawatha*.

Let's dwell upon the second example. What do Americans know about Hiawatha (the name means 'He Turns Rivers') – and what does it say to Russian readers at large? For the American reader there are several Hiawathas, one of whom is Hiawatha the hero of a narrative poem by Henry Wadsworth Longfellow called *The Song of Hiawatha* (1855), and that hero has nothing or very little to do with the legendary, or half-legendary historical American Indian chieftain, a member of the Mohawk tribe (according to some sources, he belonged to the Onondaga tribe), who is venerated among Native Americans as one of the founders of the Five Nations League, an Iroquois confederacy comprising the Onondaga, Mohawk, Oneida, Cayuga, and Seneca tribes (about 1570).

His name was used for the romantic hero of Longfellow's narrative poem *The Song of Hiawatha*, where Longfellow turned him into the Chippewa (Ojibwa). In fact, Longfellow, as a true poet, preferred this name instead of the Ojibwa name of their mythical cultural hero (Michabo, or Manabozho) that sounds much less 'poetic' in comparison with Hiawatha. So, Longfellow's Hiawatha is just a fictive personage of a romantic poem decorated with colorful and vivid Indian imagery but very far from real Indian history and epic. The reader is satisfied with the inaccurate translation because the level of intercultural communication is low enough as far as this topic is concerned.¹

For the Russian reader both the name and imagery are just exotic features of some imaginative romantic world of 'Indians', and it does not matter that Bunin's translation is far from being *accurate*: he found a thankful audience, and the reader, even today, is sure that the poem is a 'real Indian epic', in spite of many slips or mistakes such as 'пиора' for *canoe* – fundamentally different vehicles – and lots of other inaccuracies. Probably, its very *inaccuracy* matches both the reader's and the author's romantic ignorance.

Another example of the only translation is Boris Pasternak's novel *Doctor Zhivago*. Translated into English in far-off 1958 and by the non-professional translators Max Hayward and Maya Harari, this version remains the only one, though *inaccuracy* is a weak term to define its quality. In their *Translators' Note* they "trust that one day the Russian text of *Doctor Zhivago* will fall into the hands of a translator whose talent is equal to that of its author" and call their translation "approximate" (Pasternak, 1967: 5). Yet the translation satisfies the reader due to the same reason: the contents and the very form of the novel is far and remote from the target culture, why it is mostly perceived as a love story written in prose by a poet, and thus, all possible drawbacks of translation are easily explained as the drawbacks of the style of the source text. Why then, should it be translated anew? In fact, its popularity was owing to the 'horrors of the Soviet regime' rather than a real cultural and literary interest. So the hope of its first and only translators has been in vain.

Condition number two: *the more vital intercultural ideas are implied in a literary work the greater are the chances of the diversity of translations.*

Let's dwell upon a diversity of English translations of Fyodor Dostoevsky, one of the cult writers all over the world. He was a visionary with a powerful imagination that allowed him to foresee the past and future of not only Russia but many other cultures. The problems raised in his works touch the reader's mind and heart, and that makes the reader want more accurate translation. I'd like to comment on just two works that exist in many translated versions in English, though it is difficult to say which of them is more accurate or less so.

The first is his short novel 'Кроткая' (Krotkaya). I know four published English translations; maybe there are more of them but even these four well demonstrate the attempts to look deeper into the idea and imagery of the source text. The four variants of the title are: A Gentle Spirit (C. Garnett, 1958), A Gentle Creature (D. Magarshack, 1968), The Meek Woman (Nic. Rzhevsky, 1996), The Meek One (K. Robinson, 2011). The vocabulary and grammar shifts in all of them are more or less justifiable, but

¹См. об этом подробнее: Т.А. Казакова. «Песнь о Гайавате» и ее источники // Генри Уодсворт Лонгфелло. Песнь о Гайавате. СПб.: ВитаНова, 2008.

which of this diversity may be called accurate? The grammatical problem has evidently turned into a suggestive puzzle. I tried the test of reversibility on my students but none restored the source title. Luckily, none of them had read the story, so the experiment was pristine, no guessing was involved, they just translated words. The closest to the original was “*кроткий человек*” for ‘the meek one’. *Gentle* was mostly translated as “*благородный, мягкий, нежный*”. “The Meek Woman” was translated as *послушная жена*. This demonstrates that the semantic principle of translating betrays the translator more often than not – and when the reader is not satisfied with the results and strives to understand the idea, the grounds for a new translation are ready.

Another example is the diverse approach to translation of the novel *Бесы*. The three English versions vary between ‘Devils’ (C. Garnett), ‘Demons’ (Robert A. Maguire, 2008) and ‘The Possessed’ (C. Garnett). Each of them may be called accurate – but separately from the novel in its inner and outer context. Once again we deal with a gap in cultural knowledge, only in this case the cultural component of information is more relevant to the reader than in the case of *The Song of Hiawatha*. The latter, for Russian readers, is pure, far-off exotics, whereas the social, ethical and psychological problems in the novel *Бесы* touch almost everyone even nowadays. So, perhaps, we shall see more translated versions in the future.

Condition number three: *with diversity, the more accessible is the version the greater chance it has to gain readers.*

The phenomenon of readers’ preference is not properly studied. My experience, based on the analysis of the situation, on the survey of target language speakers shows that they are not so very much concerned about exactness or even accuracy of translation but definitely esteem its accessibility, i.e. readability.

Let’s take at least ten published Russian versions of Shakespeare’s *Sonnets* – and nine of ten Russian readers will vote for Marshak’s translation, although it is very far from being accurate, while more accurate versions are not so popular and often regarded as ‘academic experiments’. Shakespeare is not so easy an author even for the English: his poetry requires great efforts from the reader, it puzzles and discourages not only average readers but the educated as well. This is twice as difficult to perceive for a Russian reader due to the distance in time, space and poetic tradition. The systems of values in poetry differ greatly between English and Russian traditions, and what seems at least normal to the English reader may seem absolutely incomprehensible and strange to the Russian reader. What Marshak did in translation may be called an intercultural mission: in fact, he tamed and domesticated Shakespeare for the Russian reader – at the expense of accuracy.

To consider the opposite, Russian to English, direction, there are nine English versions of Bulgakov’s *The Master and Margarita*, and Michael Glenny’s version is the least accurate of them all; nevertheless, according to an average reader who published his impressions in Internet, “there’s very little to decide between the Pevear-Volokhonsky and Burgin-O’Connor versions; they say pretty much the same thing in slightly different ways. Glenny’s is the outlier. His translation seems easier to read, but the ease may come at the expense of exactitude. Personally I’m not sure how much that matters; I can live with a translation that loses a few details like “lifeless and inert”, even if Bulgakov himself might grumble”

To sum up, the marked regularity of correlation and proportion between accuracy and diversity in literary translation do not only involve semantics and grammar of the pair of languages but also poetic traditions, intercultural knowledge, individual preferences, national mentality and system of values – that is, all possible kinds of information processing apart from linguistic information ².

Bibliography

1. Boris Pasternak. *Doctor Zhivago*. - Collins Fontana Books, 1967.
2. Michael A. Charles. The Master and Margarita – the best translation? - <http://orangeraisin.wordpress.com/2009/02/09/master-and-margarita-best-translation/>

Alexey Zherebin

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА В ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ¹

Summary

This paper is based on a study of Russian translations of Goethe, Nietzsche, and Freud, and expands on the idea that the act of translation serves as a fundamental driver underlying the development of meanings and the creation of culture. Reflection and translation exist in a conceptual dyad: in many ways reflection works as translation and translation becomes the practice of embodying a hermeneutic act of reflection. Hermeneutic reflection does not erase the boundaries between two autonomous texts (the text created by another and one's own text) but, rather, creates a boundary area of convergence where new meaning is produced through the 'fusion of horizons' (Gadamer): the range of vision embedded in the original text and that of the translator interpreting the text.

На наших глазах складывается новая область гуманитарных исследований – Translation Studies, которая осмысляет себя как результат парадигматического сдвига в дискурсе наук о человеке («translationalturn») и концептуализирует перевод как средство реализации интерсубъективных, интердискурсивных, интермедиальных отношений в культуре (Bachmann-Medick, 201 :238-283).

Взаимодействие национальных литератур предстает тем самым как частный случай языковой и культурной практики перевода, регулирующей все системы социальной коммуникации, а компаративистика испытывает искушение перевоплотиться во всеобъемлющую транслатологию и подарить ей свое имя².

Проект преобразования компаративистики в Translation Studies не лишен привлекательности, но нуждается в теоретической легитимации. Эта роль принадлежит, на наш взгляд, герменевтике, представляющей собой теорию понимания и искусство интерпретации текстов культуры. По мысли Поля Рикера, «понимать – значит переводить» (Ricoeur, 2004:50-51), т.е. присваивать чужое, преодолевая его чуждость в процессе диалога, а базовым механизмом культурного диалога является не что иное, как перевод (Автономова, с. 635). В имплицитной форме эта мысль присутствует и в древнегреческом слове *hermeneia* (одновременно «способ выражения мысли», «толкование» и «перевод») (Grondin, 2009: 13), и в русском слове «толмач», имеющем сложную международную этимологию (Бибихин, 2010: 170).

Не раз уже писали о том, что жить значит переводить – с языка одной национальной культуры на язык другой, с языка одной исторической эпохи на язык другой, с языка одной социальной группы на язык другой, с языка мужчин на язык женщин, с языка науки на язык политики, с языка эмоций на язык разума, с языка

¹ Literary Translation as a Hermeneutic Problem

²Apter E. The Translation Zone. A New Comparative Literature. Princeton / Oxford: Princeton University Press, 2006. Ср. Шайтанов И.О. Компаративистика и/или поэтика. Английские сюжеты глазами исторической поэтики. М.: РГГУ, 2010. С. 221-222.

одной индивидуальной психики на язык другой. Всех видов перевода – из культуры в культуру, из эпохи в эпоху, из дискурса в дискурс, из души в душу не перечислить. Мы все, независимо от рода наших занятий, переводчики и все – люди переведенные. Конфликты на всех уровнях от политического до личного можно рассматривать как результат неудачного перевода. Едва ли не любая неудача может быть охарактеризована словами: я плохо перевел, или меня плохо перевели.

В узком, традиционном смысле слова перевод – это лингвистическая процедура, передача текста, написанного на одном языке, средствами другого. Но таков лишь частный случай более широкого процесса – герменевтического акта, от которого зависят политика и экономика, литература и искусство, национальная и персональная идентичность, вся реальность переживаемой обществом истории.

В России широкий взгляд на перевод как фундаментальную культурологическую проблему подготовлен хорошо развитой традицией сравнительно-исторического изучения национальных литератур и культур, но еще не вполне осознается как особое научное направление со своей спецификой. Однако процесс освоения иностранного опыта уже идет, и как это всегда бывает в истории культуры, ведущую роль в его трансплантации играют переводы и переводчики. Так, за последние годы появилось одновременно несколько русских переводов статьи Вальтера Беньямина «Задача переводчика», в которой немецкий философ анализирует свой опыт работы над переводами Бодлера¹.

Статья была написана Беньямином в 1923 году, но ее отзвуки слышны в философии перевода на протяжении всего XX века, у Жака Деррида, Поля Рикера, Поля де Мана². Сам же Беньямин ссылается на традицию немецкой герменевтики, в частности, на высказывания Гете в его «Западно-восточном диване» (Беньямин, с. 44), где искусство перевода рассматривается как движение по герменевтическому кругу, «в коем движутся, сближаясь между собою, чужое и родное, знакомое и незнакомое» (Гете, 1988:329).

По мысли Гете, «высший тип перевода» диалектически снимает противоречие между подстрочником и вольным переложением оригинала (Гете, 1988:329). Среди русских переводов из произведений самого Гете пример этого типа дает, на мой взгляд, перевод «Фауста», созданный в 1918 году Константином Ивановым (Гете,

¹Беньямин В. Задача переводчика / Перевод Н. М. Берновской // Беньямин В. Озарения / Перевод Н.М. Берновской, Ю.А. Данилова, С.А. Ромашко. М.: Мартис, 2000. С. 46-57; Беньямин В. Задача переводчика / перевод И. Алексеевой // Маски времени. Эссе о культуре и литературе / Сост., пред., прим. А. Белобратова. СПб.: Symposium, 2004. С. 27-46; Беньямин В. Задача переводчика / Перевод с нем. Е. Павловой // Учение о подобию. Медиаэстетические произведения. М.: РГГУ, 2012. С. 254-270. Ср. Текст оригинала: Benjamin W. Die Aufgabe des Übersetzers [1923]. In: Gesammelte Schriften. Bd. 4/1. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1972. S. 9-21.

²Hirsch A. (Hg.). Übersetzung und Dekonstruktion. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1997. S. 119-165, 182-228. Ср. ДеМанП. Вместо заключения: о «Задаче переводчика» Вальтера Беньямина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. М., 2000, № 5. С. 158-185. Среди русских откликов на статью Беньямина см. Шайтанов И.О. Указ.соч. С. 219-237; Фокин С.Л. Перевод как незадача русской философии // Логос. Философско-литературный журнал: Перевод философии. Философия перевода. № 5-6 (84), 2011. С. 212-236; Чубаров И. Перевод как опыт нечувственных уподоблений. Причины неудач переводов «Задачи переводчика» Вальтера Беньямина на русский язык // Там же. С. 237-252.

2005). В ценности этого перевода мне пришлось убедиться, когда я переводил автобиографию Фрейда¹.

Рассказывая о своем решении пойти на медицинский факультет, Фрейд цитирует из Гете – то место, где Мефистофель, нарядившись в плащ Фауста, морочит голову наивному ученику, который пришел к Фаусту, чтобы стать ученым человеком; он исполнен энтузиазма, готов платить, но не знает, чем именно хотел бы заниматься. Мефистофель над ним издевается, издевательски перечисляет мнимые достоинства и преимущества одного факультета за другим, одной науки за другой, а когда переходит к медицине, вдруг прерывает себя и замечает, что, по существу, рассуждать не о чем, потому что каждый из нас все равно может научиться лишь тому, что потенциально уже заложено в его душе, к чему он изначально предрасположен; следовательно – больше всего преуспевает тот, кто умеет ловко применить то небольшое, что он знает, что дано ему знать. В оригинале этот пассаж из «Фауста» звучит так:

Vergebens, dass Ihr ringsum wissenschaftlich schweift,
Ein jeder lernt nur, was er lernen kann;
Doch der den Augenblick ergreift,
Das ist der rechte Mann ².

Фрейд это место цитирует, вспоминая о своей молодости, о том, как он выбирал профессию (Freud, 1999: 35).

Все наши попытки отыскать соответствие в многочисленных русских переводах трагедии Гете закончились неудачей. «Фауста» переводили лучшие русские поэты, в том числе Тютчев и Фет, Брюсов и Бальмонт, но наибольшую известность получили два перевода. Один принадлежит ученому-биологу и литератору Н.А.Холодковскому (1878), второй – Пастернаку, который сочинял своего «Фауста» в конце сороковых – начале пятидесятих годов.

Их сравнение может служить иллюстрацией к той переводческой антиномии, которую сформулировал в начале XIX века Фридрих Шлейермахер: переводчик либо «оставляет в покое писателя» и продвигает навстречу ему читателя, либо наоборот, продвигает писателя в сторону читателя (Schleiermacher, 1969: 47). Для Холодковского Гете – неприкосновенная святыня, и все отступления от его оригинального текста представляют собой шаг вынужденный и достойный сожаления; Пастернак, напротив, смело продвигает писателя к читателю, к себе и к нам.

В своих заметках о переводе 1943 года он прямо пишет: «Соответствие с текстом оригинала – связь слишком слабая, чтобы обеспечить переводу целесообразность» (Пастернак, 1990: 546). По мнению Пастернака, текст – всего лишь тень смысла и неверно измерять высоту предметов длиной их тени³. Задача перевода заключается для него не в адекватности, а в том, чтобы развернуть смысловой потенциал темы, вызволить тему из той частной языковой формы, в которой она заперта оригиналом. Оригинальный текст не только воплощает, но и ограничивает

¹ Фрейд З. Автопортрет. Перевод с нем. А. Жеребина и С. Панкова // Фрейд З. Собрание сочинений: В 26 т. СПб.: Восточно-европейский институт психоанализа, 2006. Т. 2.

² Goethe J.W. Poetische Werke in 3 Bänden. Berlin: Aufbau-Verlag, 1970. Bd. III. S. 76.

³ Метафора В.В. Бибихина: «Всякий текст тень своего смысла; если измерять высоту предметов длиной их тени, то только случайно можно не ошибиться» (Бибихин В.В. Указ.соч., С. 149).

смысл произведения, ибо «мысль изреченная есть ложь». Выручив оригинал из его частной формы, переводчик должен дать ему новую жизнь в родной речи (Бибихин, с. 168).

Как переводчик «Фауста» Пастернак продолжает в XX веке и на русской почве одну из линий мировой культурной традиции, воплощенную в легенде о Фаусте. Сам Гете в свое время так же подхватил нить этого предания и перевел его на язык классико-романтической эпохи. В этом отношении неясно, что считать оригиналом, а что копией. Любимец Пастернака Рильке заметил: «Несколько раз я пытался разрабатывать одну и ту же тему по-французски и по-немецки, к моему глубокому изумлению на каждом языке она развивалась по-своему»¹. Вероятно, если бы Гете владел русским языком и решился переложить своего «Фауста» еще и по-русски, допустим в подарок русскому императору, то русский текст отличался бы от немецкого ничуть не меньше, чем перевод Пастернака, в котором счет приобретений, пожалуй, равен счету потерь. Интересовавшие меня стихи относятся, скорее, к числу потерь. У Пастернака они звучат так: «Зачем трудить мозги напрасно? // Валяйте лучше напрямик./ Кто улучит удобный миг, /Тот и устроится прекрасно» (Гете, 1976:71). Фрейду это бы не пригодилось.

Возможно, на Пастернака повлиял Холодковский, у которого совет Мефистофеля ученику передан не так вольно, но по смыслу похоже: «В науке здесь парить не надо через меру, / Все учатся кой-как, по мере сил, / А кто мгновенье уловил, / Тот мигом делает карьеру» (Гете, 1922:108). Русский читатель сразу же замечает – перед нами не Гете, а Пушкин, перевод по пушкинскому коду: «Мы все учились понемногу, чему-нибудь и как-нибудь». Но, как ни странно, в «Фаусте» такая подмена не лишена смысла, поскольку Мефистофель – скептик, и тон светского повесы ему к лицу. Он соответствует той роли, которую Мефистофель призван играть в судьбе Фауста. Испытав разочарование в отвлеченном знании, Фауст хочет окунуться в жизнь, ловить преходящие мгновения жизни, и научить его этому должен Мефистофель. Тем не менее, для прояснения мысли Фрейда и Холодковский дает недостаточно.

Более точно и выразительно перевел нужную мне строфу Константин Иванов: «Нет основания Вам с ней (медициной – А.Ж.) возиться. Всегда изучишь то, что только можешь ты. Осуществления мечты / Добьется тот, кто, кто сможет примениться / Схватить момент...» (Гете, 2005:105). Права И.С. Алексеева, когда она заканчивает свое послесловие словами о том, что читатель, который ищет наибольшей точности, найдет ее у К. Иванова (Гете, 2005:636). Но что значит «мечта» – у Холодковского в этом месте слово «карьера», что значит «примениться, схватить момент» – значит ли это предать мечту о знании ради карьеры?

Именно здесь намечается и центральная тема герменевтики. Гермес, толкователь воли богов, был одновременно покровителем мошенников, обманщиков. Герменевтика и перевод как инструмент герменевтики предполагают эту коннотацию, мотив предательства оригинала, но предательства особого, продуктивного.

¹ Цит. по: Мастерство перевода. М., 1970. № 76. С. 482.

Что такое продуктивное предательство, что значит осуществить мечту о понимании благодаря искусству примениться, объяснил основатель современной герменевтики – Ханс-Георг Гадамер.

Он исходил из неизбежности и непреодолимости культурно-исторической дистанции, отделяющей переводчика от текста. По Гадамеру, язык не инструмент, а хозяин дискурса, подчиняющий себе автора, и каждый язык смотрит на мир по своему, со своей колокольни, с которой видно то, что с другой колокольни увидеть невозможно. По-русски это называется кругозором, Гадамер пользуется, как известно, словом «горизонт». У автора – один горизонт, у понимающего – другой. Мы можем понять не более того, что можем именно мы, люди своего времени, своей культуры.

Но это, с точки зрения Гадамера, не плохо, а хорошо. Вавилонское столпотворение – событие амбивалентное, великая беда, но и великое благо. Так думали уже романтики с их философией историей, предполагавшей развитие от Золотого века к царству Божию, от потерянного рая к раю обретенному. Символом потерянного рая был универсальный первоязык, позволявший людям понимать друг друга и бога. В раю обретенном языков будет множество, но будет зато и перевод – механизм понимания, способный обеспечить не примитивное бессознательное тождество (языков, сознаний), а сложное единство раздельности и взаимопроникновения различного. Таким образом, на месте утопического божественного первоязыка можно представить себе бесконечно разветвленную сеть переводов всех произведений на все языки, нечто вроде универсальной библиотеки или энциклопедии, описанной у Борхеса в рассказе «Вавилонская библиотека»¹.

Такова высшая ступень культуры. Если бы у нас был универсальный, всемирный язык, всем одинаково понятный, то мы бы все думали одинаково и это означало бы стандартизацию мысли. А если бы мы умели делать точные, адекватные переводы, мы знали бы о тексте только то, что знали о нем его современники, что знают о нем люди той культуры, в рамках которой текст был создан. Сказать то же самое на другом языке (будь это даже возможным), так же неважно, как переложить монету из одного кармана в другой – ее может быть будет легче достать или труднее украсть, но и только². Правильнее положить в банк, получить прирост, прибавочную стоимость. Перевод нужен не для удобства, а ради прибавочной стоимости.

Джордж Стайнер, автор известной книги «После Вавилона» (Steiner, 1975), внимательно читал Борхеса, писал о Хайдеггере и гордился дружбой с Гадамером³. Стайнер подчеркивал, что тексты чужой культуры невозможно и не следует копировать; мы никогда не будем обладать ими в том виде и в тех функциях, которые были присущи им в исходном культурном пространстве. В России об этом выразительно писал Лотман: «Поступающие извне тексты можно сравнить <...> с топливом, брошенным в топку машину. Они запускают машину мысли, машину текстообразования, и чтобы выполнить эту роль, им следует сгореть, перестать

¹Ricoeur P. Sur la traduction. P. 30. Ср. Автономова Н.С. Указ.соч. С. 584.

² См. это сравнение в другом контексте у Лотмана: Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек-Текст-История. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 114.

³См. Cercel L. Übersetzungshermeneutik. Historische und systematische Grundlegung. St. Ingbert: Röhrig Universitätsverlag, 2013.

быть собой, из законченной и застывшей структуры превратиться в источник энергии<...>» (Лотман, 2002:205).

Перевод, осмысленный как инструмент культурного трансфера и есть тот процесс, в котором исходный текст умирает в своем прежнем качестве и возрождается в новом¹. Задача перевода сделать так, чтобы текст перестал быть самим собой, развернуть его смысловой потенциал, обогатить, оплодотворить его ценностями своей культуры.

Именно этому учит герменевтика после Гадамера. До него главным герменевтическим понятием была «транспозиция», перемещение: интерпретатор, переводчик должен был вжиться в строй чужого языка и чужой мысли. У нас так же думал М.П. Алексеев. В статье «Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия» он писал, что тот, кто хочет понять другого, должен отречься от себя (Алексеев, 1946: 210). Согласно Гадамеру это необходимо, но лишь как первый шаг; в полной мере это невозможно, да и непродуктивно. Лучшее, что мы можем, это не переместиться в смысловое пространство исходного текста, а применить его смысл к себе и примениться к нему. Гадамер рассуждает как Мефистофель у Гете: пусть наши возможности понимания ограничены, и нам дано понять лишь то, что позволяет понять наше место в истории культуры, но мечта о понимании – не иллюзия, «осуществления мечты достигнет тот, кто сможет примениться».

У Гадамера часто встречаем слово «Anwendung» (применение). В связи с этим возникает и понятие «слияние горизонтов», которое кажется мне ключевым как для герменевтики, так и для перевода. Напомню его первоначальный контекст: «Горизонт настоящего времени не существует как таковой сам по себе. И точно также не существует сам по себе горизонт исторический, как нечто такое, чего мы могли бы достичь. Понимание представляет собой процесс слияния этих горизонтов, которые лишь по видимости имеют место независимо один от другого»².

Гадамер ведет речь о горизонтах настоящего и прошлого, но точно так же есть основания говорить о горизонтах синхронных, национальных, о том, напр., что современный мир, каким он представляется, если смотреть, скажем, из Брюсселя, и если смотреть из Москвы, не такие уж разные; благодаря герменевтическому акту понимания они способны интерферировать.

Почему это так? Дело в том, что заимствуя «чужое», мы не можем не переосмыслить, не структурировать его по образу и подобию «своего». Понять и воспроизвести можно не все, а только то, что можем именно мы. Чужое в чистом виде нам недоступно. Примеры «герменевтической аннексии» встречаются на каждом шагу. Таков Петербург – Европа, переведенная на русский, такова современная российская демократия, так же представляющая собой сложную гибридную конструкцию. Но, с другой стороны, и «своего» в чистом виде тоже не существует, это тоже иллюзия. То, что мы называем «нашей» культурой, сложилось

¹ Ср. примеры, приводимые Мишелем Эспанем: Эспань М. О понятии культурного трансфера / Пер. с франц. М. Ариас // Европейский контекст русского формализма. (К проблеме эстетических пересечений: Франция, Германия, Италия, Россия / Под ред. Е. Дмитриевой, В. Земскова, М. Эспаня. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 7-18.

² Gadamer H-G. Wahrheit und Methode. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1972. S. 281 (перевод мой).

и продолжает каждый час формироваться при участии культуры иностранной, хранит в себе память о ней и несет на себе ее печать.

Слияние горизонтов не означает абсолютного тождества, неразличимости тех текстов, культур или сознаний, горизонты которых сливаются. Каждый из них обладает неповторимым своеобразием и сохраняет свою целостность, но эта целостность – открытая, она открыта навстречу другому, имеет с ним общую зону смыслообразования.

Лучше всего это подтверждает история литературного перевода. Вяч. Иванов переводит в начале XX века немецкого романтика Новалиса, «Гимны к ночи». Е. Г. Эткинд показывает, что переводит через Тютчева, по тютчевскому коду, и создает тем самым произведение русской литературы, русского символизма (Эткинд, 1996:168-182). Но ведь что значит по тютчевскому коду? Откуда он взялся? Тютчев как певец ночи и сам является наследником немецкой традиции, именно романтической, в том числе новалисовской.

К числу аналогичных примеров относятся и переводы Жуковского из Шиллера, о которых много писали¹. Да, Шиллер в интерпретации Жуковского стал русским романтиком, но русский романтизм формировался при участии немецкого, а сам немецкий вобрал в себя опыт шиллеровской поэзии. На подобных примерах построил свою последнюю книгу С.Г. Бочаров (Бочаров, 2012). Он пишет об общей «кровеносной системе мировой культуры» (Бочаров, 2012:7-44), и это подсказывает еще одну метафору, выявляющую связь перевода с компаративистикой – капиллярная система.

Начиная с А.Н. Веселовского, русская гуманитарная наука неизменно исходила из понимания всемирной литературы как единого смыслового пространства, в котором явления национальных литератур «рождаются и вырабатываются в процессе свободного (переоформляющего) перевода чужих произведений» (Бахтин, 2012:133). Примечательно, что сама идея слияния горизонтов, высказанная Гадамером в 1960 году, довольно отчетливо прослеживается уже у Бахтина, в его книге середины двадцатых годов «Автор и герой в эстетической деятельности». Гадамер не читал Бахтина, а Бахтин не читал Гадамера, но у них были общие учителя (Дильтей, Хайдеггер), а потом и общие ученики (Ханс-Георг Яусс, Манфред Франк), общая традиция европейской герменевтики, обусловившая слияние научных горизонтов.

Трудно найти более точное объяснение взглядов Гадамера, чем у Бахтина, когда в начале 70-х годов он пишет о преимуществах позиции авторской вненаходимости: «Существует очень живучее, но одностороннее и потому неверное представление о том, что для лучшего понимания чужой культуры надо как бы переселиться в нее, и, забыв свою, глядеть на мир глазами этой чужой культуры. Такое представление ошибочно. Конечно, известное вживание в чужую культуру, возможность взглянуть на мир ее глазами, есть необходимый момент в процессе понимания. Но если бы понимание исчерпывалось одним этим моментом, то оно было бы простым дублированием. Творческое понимание не отказывается от себя, от своего места во времени и пространстве. Великое дело для понимания – это вненаходимость

¹См. напр. Дьяконова Н.Я., Жеребин А.И. Соперничество великих («Празднество победы» Шиллера и «Торжество победителей» В.А. Жуковского) // Культурный палимпсест. Сборник статей к 60-летию В.Е. Багно. СПб.: Наука, 2011. С. 194-202.

понимающего по отношению к тому, что он хочет понять. Ведь даже свою собственную наружность человек сам не может по-настоящему увидеть, это могут только другие люди, благодаря тому, что они другие. В области культуры внеаходимость – самый могучий рычаг понимания. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые пласты. Без своих вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого» (Бахтин, 1979:334).

Понять творчески – это и значит перевести на язык своей культуры. Перевод есть культурный механизм, реализующий герменевтический акт понимания. Он достигает своей цели, если смысл переведенного текста может быть охарактеризован с помощью композита «свое-чужое» (Бахтин, 1979:350), если «чужое и свое собственное сливаются в новом облике»¹. Именно творческое преобразование оригинала и выявление его культурной ценности на основе герменевтической интерпретации позволяет рассматривать перевод как ключевую форму взаимодействия национальных литератур.

Список использованной литературы

1. Bachmann-Medick D. Cultural turns. Neuorientierungen in den Kulturwissenschaften. Reinbeck bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2010.
2. Cercel L. Übersetzungshermeneutik. Historische und systematische Grundlegung. St. Ingbert: Röhrig Universitätsverlag, 2013.
3. Grondin J. Hermeneutik. Aus dem Französischen übersetzt von U. Blech. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2009.
4. Ricoeur P. Sur la traduction. Grandes difficultés et petits bonheurs de la traduction. Paris: Bayard, 2004.
5. Steiner G. After Babel. Aspekts of Language and Translation. London: Oxford University Press, 1975.
6. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М.: РОССПЭН, 2008.
7. Алексеев М.П. Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия // Труды юбилейной научной сессии Ленинградского университета. Л.: ЛГУ, 1946.
8. Бахтин М.М. Собр. соч. В 7 т. М.: Языки славянских культур, 2012. Т.3.
9. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
10. Беньямин В. Маски времени. Эссе о литературе и культуре. СПб.: Symposium, 2004.
11. Бибихин В. В. Слово и событие. Писатель и литература. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010.
12. Бочаров С.Г. Генетическая память литературы. М.: РГГУ, 2012.
13. Гете И.В. Западно-восточный диван / Отв. ред. И.С. Брагинский. М.: Наука, 1988.
14. Гете И.В. Фауст / Перевод Н.А. Холодковского / Под ред. В.М. Жирмунского. Пг.-М.: Всемирная литература, 1922.

¹Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 71. Один из наиболее выразительных примеров такого слияния дает перевод 105-го сонета Шекспира Паулем Целаном – предмет классической интерпретации Петера Сзонди: Szondi P. Poetry of Constancy – Poetik der Beständigkeit. Celans Übertragung von Shakespeares Sonett 105. In: Szondi P. Schriften II. Hg. v. Jean Bollak u. Henriette Beese. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1978. S. 321-344.

15. Гете И.В. Фауст // Гете И.В. Собр. соч.: В 10 т./ Под ред. Н. Вильмонта. М.: Художественная литература, 1976. Т.2.
16. Гете И.В. Фауст/ Перевод К. Иванова / Под ред. И.С. Алексеевой. СПб: Имена, 2005.
17. Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб., 2002.
18. Пастернак Б.Л. Заметки переводчика // Зарубежная поэзия в переводах Бориса Пастернака / Сост. Е.Б. Пастернак, Е.К. Нестерова. М.: Радуга, 1990.
19. Эткинд Е.Г. Там, внутри. О русской поэзии XX века. Очерки. СПб.: Максима, 1996.

Vera Bischitzky

„ВОЛНОВАТЬСЯ, КИПЕТЬ, ГОРЕТЬ, НЕ ЗНАТЬ ПОКОЯ И ВСЕ КУДА-ТО ДВИГАТЬСЯ...“ ОБ ОТВАГЕ И УДОВОЛЬСТВИИ ВЫМАНИТЬ ЛЕТАРГИЧЕСКОГО ИЛЬЮ ИЛЬИЧА НА ЗАПАД. ПО ПОВОДУ НОВОГО ПЕРЕВОДА «ОБЛОМОВА» НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК¹

Summary

In my presentation I will share a few lessons learnt from my quest to move Ilya Ilyich Oblomov across languages, national borders, and eras. Without these efforts, the slothful and apathetic Oblomov would never have ventured anywhere from his bed, let alone to a foreign land. Mention will be made of the fact that the author, Ivan Goncharov, criticized and even condemned translations of his own works. I will revisit Virgil's maxim about *rerum cognoscere causas* (knowing the causes of things) and review the fundamental requirements of literary translation: the power of appreciation, excellence in and critical evaluation of one's mother tongue, empathy, the desire to embrace the writer's world, and the passion for historical, cultural and personal detail.

Немало существует образов, с которыми сравнивают перевод литературных произведений: говорят о балансировании на канате, о перевозе с одного берега на другой, о переводчике - паромщике на переправе, который должен обходить все подводные камни. При переводе литературного произведения на другой язык, переправе его в другую культурную среду, а в случае произведений классиков – и в другую эпоху, так же приходится снова и снова проверять пороги и мели, обходить водовороты и другие опасные препятствия, чтобы выбраться с ценным грузом на тот берег, не замочив ног и, главное, в целостности и сохранности. Сравнивали переводчиков и со строителями мостов, и с «литературными извозчиками» - Пушкин говорил о «почтовых лошадях Просвещения». Но если переводчики почтовые лошади, которым приходится иногда перевозить свою хрупкую поклажу местами и по канату, то для того, чтобы перевезти через языковые, государственные и временные границы Илью Ильича Обломова понадобились особенные усилия. К тому же перед глазами постоянно мерцало предостережение «Осторожно – хрупкий груз!», отчего и предварительная логистика, и все дальнейшие действия требовали большого терпения, выдержки и такта. Ведь лёжа на своем любимом диване, Обломов ни за что не хотел трогаться с места – и уж тем более на чужбину.

Кто только ни пытался его сдвинуть...

Когда врач предложил ему поехать за границу, он пришел в ужас:

„Если вы еще года два-три проживете в этом климате да будете все лежать, есть жирное и тяжелое - вы умрете ударом.

¹ Westward. Concerning the Venture and the Pleasure OF BringING the Shy and Lethargic Ilya Ilyich Oblomov Out of his Shell. On Occasion of the New Translation of *Oblomov* into German

Обломов встrepенулся.

- Что ж мне делать? Научите, ради бога! - спросил он.

- То же, что другие делают: ехать за границу.

- За границу! - с изумлением повторил Обломов.

- Да; а что?

- Помилуйте, доктор, за границу! Как это можно?" (Гончаров, 2000:83)

Да. Как же это можно? Трудно дело, за которое я взялась. Ведь ни врачу Обломова, ни Андрею, ни Ольге не удалось уговорить Илью Ильича путешествовать. Хотя Андрей пытался, и не раз:

„Ты послушал бы, что давеча доктор сказал.

"За границу, говорит, ступайте, а то плохо: удар может быть".

- Ну, что ж ты?

- Не поеду.

- Отчего же?

- Помилуй! Ты послушай, что он тут наговорил: "живи я где-то на горе, поезжай в Египет или в Америку..."

- Что ж? - хладнокровно сказал Штольц. - В Египте ты будешь через две недели, в Америке через три.

- Ну, брат Андрей, и ты то же! Один толковый человек и был, и тот с ума спятил. Кто же ездит в Америку и Египет! Англичане: так уж те так господом богом устроены; да и негде им жить-то у себя. А у нас кто поедет? Разве отчаянный какой-нибудь, кому жизнь нипочем." (Гончаров, 2000:165-166).

Почему – спрашивала я себя снова и снова – наш герой должен следовать именно за мной в Берлин? Да, он и прежде нехотя строил такие планы, „но все откладывал, отчасти и потому, что поездка была для него подвигом, почти новым и неизвестным. Он в жизни совершил только одно путешествие, на долгих, среди перин, ларцов, чемоданов, окороков, булок, всякой жареной и вареной скотины и птицы и в сопровождении нескольких слуг. Так он совершил единственную поездку из своей деревни до Москвы и эту поездку взял за норму всех вообще путешествий. А теперь, слышал он, так не ездят: надо скакать сломя голову!" (Гончаров, 2000:64).

Как он испугается, думала я, когда узнает о наших современных средствах передвижения, о давке, о вездесущем шуме (он, больше всего на свете любивший тишину, покой и уют), о суете на вокзалах, о докучливом контроле безопасности в аэропортах, где ему придется обойтись совсем без Захара, когда нужно будет снять пальто, сюртук, пожалуй даже сапоги. Не говоря уже о скудном дорожном провианте в самолетах, увы, тоже подаваемом без помощи Захара. Вопрос пропитания, впрочем, доставил бы наименьшие трудности, об этом я бы уж позаботилась – так думала я тогда, еще до «путешествия»: постаралась бы испечь знаменитый „исполинский пирог“ и иметь в запасе разные вариации „варений, солений, печений“, чтобы адаптация далась ему не так тяжело! В крайнем случае, таков был мой план, можно пойти в один из бесчисленных русских магазинов в Берлине и попросить там помощи. Также и насчет разных

медов и квасов – может быть, там могли бы раздобыть их, а возможно, даже бочонок водки на смородинном листу, которая ему так нравится; и ватрушки и булки сдобные, рассыпчатые, кофе с густыми сливками, рябчики, устрицы, осетрину и семгу, а еще мадейру, шампанское и портер. В этом наше предприятие не должно бы потерпеть неудачу!

Но как убедить Илью Ильича пуститься на все приключения и неудобства, связанные с поездкой, и обойтись без дивана и шлафрока – вот в чем был вопрос.

А ведь однажды он чуть было и в самом деле не поехал! Даже в Париж. Он легкомысленно пообещал Андрею приехать, уже и паспорт был готов, заказано новое пальто и куплена фуражка. *„Обломов купил одеяло, шерстяную фуфайку, дорожный несессер, хотел - мешок для провизии, но десять человек сказали, что за границей провизии не возят. Захар метался по мастеровым, по лавкам, весь в поту, и хоть много гривен и пятакон положил себе в карман от сдач по лавкам, но проклял и Андрея Ивановича и всех, кто выдумал путешествия.“* (Гончаров, 2000:187).

Но Захар волновался напрасно: *„Обломов не уехал ни через месяц, ни через три. Накануне отъезда у него ночью раздулась губа. "Муха укусила, нельзя же с такой губой в море!"* (Гончаров, 2000:187).- сказал он– и остался, где был, в Петербурге, в своей квартире, в постели.

Однако Обломов страшился не одних путешествий. Обычный выход из дома уже представлялся ему почти непреодолимым препятствием. Ведь его так называемая лень во многом была связана с психикой, и чем дальше внимательный читатель продвигается по роману, тем больше он в этом убеждается. Илья Ильич по всей вероятности страдал тревожным неврозом – несмотря на то, что во времена Гончарова такого диагноза ещё не существовало.

„Его почти ничто не влекло из дома, и он с каждым днем все крепче и постояннее водворялся в своей квартире. [...] В тесной толпе ему было душно; в лодку он садился с неверною надеждою добратся благополучно до другого берега, в карете ехал, ожидая, что лошади понесут и разобьют.

Не то на него напал нервический страх: он пугался окружающей его тишины или просто и сам не знал чего - у него побегут мурашки по телу. Он иногда боязливо косится на темный угол, ожидая, что воображение сыграет с ним штуку и покажет сверхъестественное явление.“ (Гончаров, 2000:59-60).

А к обычным страхам присоединялось и то, что сейчас называют «социофобией» - боязнь попасть в центр внимания в обществе, страх опозориться, не справиться с ситуацией, неизбежно ведущий к тому, что человек становится неуклюжим, краснеет, теряется...

Когда Обломов впервые встречает Ольгу, он совершенно не понимает, что ему делать. Как неуютно чувствует он себя в незнакомом обществе. Всем нам известна история с кучей сухарей, бисквитов, кренделей...

Так как же – продолжала я ломать голову – мне избавить интровертированного Илью Ильича от страха появиться в обществе, ведь за границей он вынужден будет общаться, и не раз. А когда мы с ним поедем по Германии представлять новый перевод – он окажется даже в центре внимания..

Интересно, как прежним переводчикам «Обломова» удавалось выманить его из домика-раковины? Ведь роман переводили на немецкий язык уже семь раз,

последний перевод вышел в 1960-ом году. Кстати, первый немецкий перевод «Обломова» вызвал недовольство Гончарова, хотя он его по всей вероятности никогда не держал в руках. Он пишет Софье Никитенко с немецкого курорта Бад Швальбах в 1868 году:

«Кстати о переводах. Стасюлевич вчера указал мне в окне книжной лавки на немецкий перевод Обломова, только что вышедшей в свет. Я терпеть не могу видеть себя переведенным: я пишу для русских и меня вовсе не льстит внимание иностранцев. С Германией нет конвенции, а то бы я не позволил.»¹

Вероятно он очень хорошо знал сложности перевода – ведь он сам переводил например Шиллера и позже сжег рукописи ...

Кстати – здесь очень интересная параллель с высказыванием Гоголя по поводу перевода «Мёртвых душ» на немецкий язык (Филиппом Лебенштайном): *«Известие о переводе «Мёртвых душ» на немецкий язык мне было неприятно. Кроме того, что мне вообще не хотелось бы, чтобы обо мне что-нибудь знали до времени европейцы, этому сочинению неприлично являться в переводе ни в каком случае, до времени его окончания, и я бы не хотел, чтобы иностранцы впали в эту глупую ошибку, в какую впала большая часть моих соотечественников, принявши «М.Д.» за портрет России. Если тебе попадается [sic!] в руки этот перевод, напиши, каков он и что такое выходит по-немецки. Я думаю просто ни то ни сё»².*

Но вернемся к Гончарову. Почему он так критически относился к переводам своих произведений, прямо-таки отвергал их? И об этом он сообщает нам сам. Он считал, что читателям, принадлежащим другой культуре, будут не слишком понятны его книги, в которых и герои, и действие, и местность, и колорит тесно связаны с русской действительностью. В письме Николаю Лескову он пишет: *«Всякий писатель – и не мне чета – линияет в переводе на иностранный язык: и чем он народнее, национальнее, тем он будет беднее в переводе. От этого я и недолюбливаю переводы своих сочинений на другие языки»³.*

Опасение, что за пределами России книгу не поймут, конечно, совершенно не обосновано, ведь «Обломов» - это универсальное произведение, совсем в Гётевском смысле. Иоганн Петер Эккерманн передает высказывание Гёте, которое можно применить и к «Обломову». В «Разговорах с Гёте» Эккерманн под датой 31-ого января 1827 г. пишет: *«Обедал у Гёте. – За те дни, что мы не виделись, – сказал он, – я многое прочитал, и прежде всего китайский роман, показавшийся мне весьма примечательным, он и сейчас меня занимает.*

– Китайский роман? – переспросил я. – Наверно, это нечто очень чуждое нам.

– В меньшей степени, чем можно было предположить, – сказал Гете. – Люди там мыслят, действуют и чувствуют почти так же, как мы, и вскоре тебе начинает казаться, что и ты из их числа [...] – Я все больше убеждаюсь, – продолжал он, – что поэзия – достояние человечества [...] и что она всюду и во все времена проявляется в сотнях людей. Только одному это удается несколько лучше, чем другому, и он дольше держится на поверхности, вот и

¹ 16 июля 1868 г.

² Письмо к Н. М. Языкову, 8 января 1846 г.

³ Письмо к Н. С. Лескову от 3 февраля 1888 г.

все. [...] Поэтому я охотно вглядываюсь в то, что имеется у других наций, и рекомендую каждому делать то же самое. Национальная литература сейчас мало что значит, на очереди эпоха всемирной литературы, и каждый должен содействовать скорейшему ее наступлению» (Эккерман, 1981: 217 – 219).

Кроме нового перевода «Обломова»¹, выпущенного в 2012 г. к юбилею Гончарова, в немецкоязычных странах все еще можно купить и переводы двух моих предшественников; наиболее распространен уже упоминавшийся перевод 1960 года – переводчик Josef Hahn, он переиздается до сих пор.

Понимая, что эти переводы не во всем отвечают современным требованиям филологической точности, а в первую очередь – в честь юбилея Ивана Александровича я задумала рискованное дело: после пятидесятилетнего перерыва сподвигнуть Илью Ильича еще раз пересечь границу, быть его Чичероне, т. е. отважиться на новый перевод. Сначала нужно было найти и убедить издательство в необходимость такого нового издания и заключить с ним договор, потом – закончить начатый перевод «Мертвых душ», и наконец в 2009 году мы с Ильей Ильичом смогли тронуться в авантюрное путешествие – в Берлин.

Как известно, Обломов недоволен рвением Пенкина, не понимает, почему стоит ради некоего дела *«волноваться, кипеть, гореть, не знать покоя и все куда-то двигаться»* и что хорошего может быть в постоянной необходимости *«всё писать, всё писать, как колесо, как машина: пиши завтра, послезавтра; праздник придет, лето настанет - а он все пиши?»* (Гончаров, 2000:29).

Мне это состояние отнюдь не чуждо. Напротив, необходимость *«волноваться, кипеть, гореть»* и постоянно писать – мой эликсир жизни, а максима Вергилия *„rerum cognoscere causas“* – «познавать причины вещей» - необходимое условие моей работы. Докапываться до сути дела – ведь это одновременно и вызов, и удовольствие, даже счастье. Так, при переводе классического произведения в первую очередь нужно поставить под сомнение собственное знание иностранного языка. Язык подвержен постоянным изменениям, сдвигаются оттенки значений, и поэтому нужно чаще проверять значения слов по словарю – и тех, которые кажутся хорошо знакомыми. Нередко оказывается, что у них по два, три и более значений. Поэтому – особенно при переводе текстов из другой эпохи – следует проверять знание иностранного языка. Впрочем, не менее важно и владение родным языком, и его постоянная проверка. Часто пользоваться и немецкими словарями XIX века (например, знаменитым словарем Гриммов в 32 томах – „Deutsches Wörterbuch“), толковыми словарями, иллюстрированными энциклопедиями и другими справочными изданиями – это обязанность переводчика классики. В подготовку входит и перечитывание произведений немецких современников переводимого автора: таким образом приобретается чутье на язык того времени, ощущение реалий, давно ушедших в небытие. *«Изучай язык, который ты уже знаешь: свой собственный»* (Biermann, 1997:178), - сформулировал один из великих

¹ Iwan Gontscharow, Oblomow, herausgegeben und übersetzt von Vera Bischitzky, München 2012.

современных немецких поэтов, Вольф Бирманн, сам переводивший стихи. В качестве второй заповеди он выносит не менее важное правило: *«Переводи только шедевры, которые любишь и которыми восхищаешься»* (Biermann, 1997:178) – это – по крайней мере для меня - особенно существенное условие. Процесс сближения, проникновения в описанные ситуации, в атмосферу, даже в душевную жизнь героя требует, однако, большего, чем языковое понимание. Нужно отдать месяцы, иногда годы жизни, чтобы погрузиться в мир автора и ознакомиться с историческими, культурными и биографическими фактами. Вряд ли такое возможно без любви. Практически это означает (до начала перевода или параллельно с ним) чтение бесчисленных книг и статей, писем или записей автора и его современников – родственников, друзей, коллег - , поездки в его края, походы в музей и в картинные галереи за жанровыми картинами, дающими представление о быте XIX века, изучение обычаев того времени. Да, на некоторое время приходится даже потеснить ощущение современности и мысленно жить в мире автора, чтобы лучше понять мысли, чувства и действия героев. Сюда относятся и кулинарные впечатления: только во время поездки по Украине, в Полтаве, попробовав крошку, я смогла понять мечтания Обломова об идеальном летнем дне:

„Потом, как свалит жара, отправили бы телегу с самоваром, с десертом в березовую рощу, а не то так в поле, на скошенную траву, разостлали бы между стогами ковры и так блаженствовали бы вплоть до крошки и бифштекса“ (Гончаров, 2000:179). Конечно, можно перевести понятие на другой язык, не встречаясь с данной реалией в жизни, но перевод художественной литературы требует передавать и те чувства, которые витают между строк. Наверное, это и есть самая трудная задача. Гораздо легче перенестись в изображаемый мир, если есть конкретное представление об изображенных реалиях, фактах, о ситуациях или идеях, если есть собственный опыт. Я испытала настоящее счастье, когда во время работы неожиданно обнаружила в романе биографические следы автора. И конечно хотелось поделиться ими с читателями. Издательство дало мне возможность, добавив подробный комментарий 90 страниц. Наряду с объяснением реалий, особенностей русской действительности, времени и т.д. я смогла добавить в аппарат и многочисленные отрывки из писем, цитаты из других произведений Гончарова или высказываний современников, демонстрирующих эти биографические параллели. Этот путь он сам мне подсказал - известным автобиографическим высказыванием (в эссе «Лучше поздно, чем никогда»):

„То, что не выросло и не созрело во мне самом, чего я не видел, не наблюдал, чем не жил, — то недоступно моему перу! У меня есть (или была) своя нива, свой грунт, как есть своя родина, свой родной воздух, друзья и недруги, свой мир наблюдений, впечатлений и воспоминаний, — и я писал только то, что переживал, что мыслил, чувствовал, что любил, что близко видел и знал, — словом, писал и свою жизнь, и то, что к ней прирастало“ (Гончаров, 1980:148).

Походы в музей меня тоже воодушевили в процессе воссоздания забытой сегодня действительности. Так, однажды на берлинской выставке старинных инструментов я увидела инструмент для очинки перьев – исчезнувший из нашей

жизни предмет, похожий на точилки для карандашей. Сразу же я вспомнила слова услужливого Алексеева *«Я бы вам перышко очинил»* (Гончаров, 2000:54).

Или вспомним арию *Casta Diva*: только после того, как я услышала ее в исполнении Марии Каллас и Монсеррат Кабалье, я поняла все эмоциональное содержание соответствующих мест текста.

Как сам Гончаров любил эту арию из оперы «Норма», я узнала из его описания кругосветного путешествия «Фрегат Паллада». Я процитирую это место в качестве примера моих радостных находок, «подсластивших» мне работу над переводом романа:

„Всё еще пустыня, всё Лена! Я сейчас из леса: как он хорош, осыпанный, обремененный снегом! Столетние сосны, ели, лиственницы толпятся группами или разбросаны врозь. Взошел молодой месяц и осветил лес, чего тут нет? Какой разгул для фантазии: то будто женщина стоит на коленях, окруженная малютками, и о чем-то умоляет: всё это деревья и кусты с нависшим снегом; то будто танцующие фигуры; то медведь на задних лапах; а мертвецов какая пропасть! Особенно когда заснешь – беда: у шапки образуются сосульки и идут к бровям, от бровей другие к ресницам, а от ресниц к усам и к шарфу. Сквозь эту ледяную решетку лес кажется совсем фантастическим. Это природная декорация "Нормы".

Пока я носился мыслью так далеко, повозка моя вдруг засела в яме, в вымерзнувшей речке: это яма из ям. Я вышел вон и стал на холме. Пней множество, настоящий храм друидов: я только хотел запеть "Castadiva", как меня пригласили в совет, как поступить. Лошади не могут вытащить. Тимофей советовал бить передовых лошадей (мы ехали гусем), я посоветовал запрячь тройку рядом и ушел опять на холм петь.“¹

Само собой разумеется, что я не смогла не поделиться этой находкой с читателями – и так и она вошла в комментарий нового немецкого издания «Обломова»...

Большое значение при переводе классического шедевра имеет конечно и звучание, ритм текста. По вечерам - иногда даже с наушниками в спортзале после напряженного рабочего дня за письменным столом - я слушала русскую аудиокнигу «Обломов», чтобы как можно глубже проникнуть в языковой и образный мир автора, как можно точнее почувствовать ритм его языка, эмоциональные, юмористические и иронические оттенки текста.

Когда работа над переводом подходила к концу, оставалось проверить свежий немецкий текст на ритмическое благозвучие, а для этого – конечно понадобились терпеливые слушатели в семье. По несколько раз, главу за главой, читала я дома вслух перевод всего романа – с карандашом в руке, шлифовала и полировала его снова и снова, пока новый немецкий текст хотя бы до некоторой степени не стал походить и формой на оригинал. На сто процентов это, к сожалению, как мы все знаем, не удается...

В итоге могу сказать – переводчик русского классического шедевра должен быть *polyhistor*: одновременно и русистом и германистом и литературоведом и

¹ Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах, том 2, Фрегат Паллада, *Поледуйская станция*. 13 декабря.

этнологом и лингвистом и культурологом и историком и биологом – в случае Гоголя и ботаником, порою и медиком, конечно и психологом, даже актером или по крайней мере чтецом – если учесть представление готовой книги на творческих вечерах...Конечно надо быть и литератором, поэтом. И борцом, энтузиастом и идеалистом.

Спустя два года напряженной работы, полные всяческих приключений, лишений, а иногда и физического утомления от работы за компьютером, но и большим счастьем, мы с Ильей Ильичом, уставшие, но невредимые и довольные, год тому назад достигли цели нашего путешествия – Берлина.

Когда книга вышла в феврале 2012 г., по всей Германии, Австрии и Швейцарии разнеслась весть об Илье Ильиче, везде его принимали радушно, с распростертыми объятьями.

Включили книгу в списки лучших книг в Германии, в Швейцарии и в Австрии – там мой «Обломов» попал даже на первое место рейтинга. Книжные магазины, радиостанции, телеканалы, газеты и журналы – все с симпатией, с любовью отзывались об «Обломове» и его творце¹. В радио- и телепередачах так оживленно беседовали о нашем герое и его поступках или «не-поступках», что можно было предположить, что он живой человек. Лучшего комплимента для книги и ее героя, его автора и переводчика нет!

В заключение предоставлю слово Томасу Манну, очень любившему русскую литературу.

В «культовых целях», как он рассказывает, в юности у него стояли на столе «*портреты мифических мастеров. [...] меланхолическая голова Ивана Тургенева*», и «*яснополянского Гомера ... одна рука за поясом мужицкой рубахи...*» (Манн, 2004: 513).

Его очаровывал и русский образ жизни, каким он его себе представлял при чтении русской литературы. В связи с планируемой поездкой по России, он мечтает: «*Я посетил бы потомков Гоголя - Андреева, Сологуба и Кузмина. Я ел бы с ними пироги и пил бы чай, и, может статься, были бы у нас маринованные грибки, водка да папиросы, а они бы мне, наверное, говорили: 'Помилуйте, батюшка!' или 'Сами посудите, Фома Генрихович!'*» (Манн, 2004: 514). В 20-е годы Томас Манн составлял «Русскую антологию» - из которой взяты эти цитаты, и напутствовал ее заключительными словами: «*Иди в мир, мой сборник, я тебя напутствовал. И пусть я сделал свое дело нехорошо — дело было хорошее. Ибо Россия и Германия должны знать друг друга все лучше и лучше. Они должны рука об руку идти в будущее*» (Манн, 2004: 519).

Хотя – нужно заметить еще раз: «Обломов» - произведение универсальное. Затронутые проблемы не ограничены Россией. Они актуальны – в любое время –

¹Из бесчисленных отзывов приведу три комплимента в адрес нашего автора. «...*Неужели этому роману действительно сто пятьдесят лет?*» - удивляется один из восторженных рецензентов (NeueZürcherZeitung). А рецензия в газете FrankfurterAllgemeineZeitung заканчивается так: «*Каждый читатель боится последнего предложения в хорошем романе. Но финал «Обломова» приглашает немедленно перечитать его..»* И вывод одного из австрийских коллег: «*Обломов* – одна из самых красивых, умных и нежных книг этого года. Возьмите отгул, устройтесь поудобнее на кровати и почитайте в свое удовольствие – не беда, если во время чтения захочется и вздремнуть» (Wiener).

и в любой стране. Не существует «единственно верной» интерпретации произведения, каждый читатель читает его по-своему. Поэтому «Обломов» - это и роман о том, как человек страдает от самого себя и душевно и физически погибает. Причины Гончаров анализировал задолго до Фрейда. Но это и книга о равнодушии мира, о тщеславии, об обманчивой суете, о пустом мельтешении для приобретения денег. Разве не Штольцы наших дней всё сильнее толкают общество в бездну? А как современно – на фоне ширящегося «синдрома выгорания» звучит вновь и вновь повторяемый вопрос Обломова, удивленного непрерывной деятельностью людей: *„Где же тут человек? На что он раздробляется и рассыпается?“* Не обязательно становиться Обломовым, но можно немного поучиться у него искусству спокойствия и невозмутимости.

«Обломов» - это при всей критике русской феодальной системы и отсталости и летаргии героя и нескромности его притязаний – и книга о романтическом мечтателе.

Люди похожи – во все времена. В каждом обществе есть такие, которые избегают безумия своего времени, сторонятся лести, жадности, злости и погони за деньгами и успехом любой ценой – потому что их ценности и идеалы другие, чем у большинства.

Обломов лежит на диване и мечтает... об идиллическом мире, в котором все люди – братья... Можно улыбнуться его мечтам, но это будет гоголевская улыбка сквозь слезы.

Список использованной литературы

1. Wolf Biermann, *Wie man Verse macht und Lieder. Eine Poetik in acht Gängen*, Köln 1997, S. 178.
2. Гончаров И. А., *Обломов* // Гончаров И. А., Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах, т. 4, СПб., 2000.
3. Гончаров И. А., *Собрание сочинений*, том 8, Москва 1980, с. 148.
4. Манн Т. *Избранник. Статьи. Новеллы: Пер.с нем. / Сост. С.Апт. – М.:ОЛМА-ПРЕСС, 2004. – с. 513.*
5. Эккерман, И. П.: *Разговоры с Гёте. Пер. с нем. Н.Ман. М.: Худож. лит.1981, с. 217 – 219.*

Alexey Astvatsaturov

СЛОВА И МЫСЛИ МОЦАРТА, ЗВУЧАЩИЕ ПО-РУССКИ¹

Summary

The Russian translation of the *Complete Collection of Letters by Wolfgang Amadeus Mozart*, led by Irina Alekseeva and published by International Relations Publishers, invites the reader to adopt a holistic perspective on the celebrated composer's prolific legacy. Mozart's music and correspondence position him as one of the brightest personalities in the 'macro-era' of Modernism. One uncontested feature of Mozart's compositional language is his profoundly introspective and reflection-rich musical imagery. His writings, relying significantly on the aesthetic dimension of linguistic expression, are also rife with typically Modernist reflexivity. They reveal a whole range of Modernist textualities and elements of play which, in combination with reflection, suggest structural complexity.

В 2006 году, когда отмечалось 250 лет со дня рождения Вольфганга Амадея Моцарта, издательство «Международные отношения» осуществило самый яркий свой проект за время всей своей истории, выпустив «Полное собрание писем Вольфганга Амадея Моцарта». Руководителем этого необходимого для российской культуры проекта была И. С. Алексеева, ей же принадлежала и бо́льшая часть переводов писем композитора. Наконец все эпистолярное наследие Моцарта дошло до российского читателя. Слишком долго оно до него шло! Что же, до этого не было переводов его писем? Были, конечно, избранные письма, и здесь решал как вкус составителя, так и количество бумаги, отведенное на издание, ну и интересы, которые к культуре никакого отношения не имели. Много фрагментов писем было переведено, когда издавали четырехтомник Германа Аберта «В. А. Моцарт», куда они включались как цитаты. Это хорошо делал К. К. Саква, которому мы обязаны, что имеем гигантский труд Аберта на русском языке. И все же полного свода писем гения мы не имели, пока за осуществление проекта не взялась И. С. Алексеева, и мы получили прекрасное комментированное издание всех писем, в которых крайне нуждалась наша культура. Наконец произошло соединение двух великих текстов Моцарта, соединились записанная нотами его музыка, что будет звучать столько, сколько будет существовать человечество, и его письма, целиком зависящие от музыки, хроника его короткой жизни, где абсолютно все было связано с музыкой, и все, что мы называем личным, так или иначе от нее зависело. Для филологов, литературоведов и лингвистов, для музыковедов и культурологов, для всех, кто слушает и любит его гениальную музыку, эти письма имеют и будут иметь огромное значение. Для музыковедов они служат надежной опорой в изучении творчества Моцарта, филолога моцартовское слово ведет к пониманию ярчайшего, неповторимого, не имеющего аналога в истории идиолекта

¹ Mozart's Words and Ideas Sounding Russian

композитора, культуролог будет тщательно искать место Вольфганга Амадея в культуре Нового времени, определять его влияние на более поздние эпохи.

Каждое поколение, неизменно восхищаясь его великим искусством, по-новому осмысливает не только его музыку, но через письма начинает также и по-иному понимать его личность и ее место в культуре. В этом отношении письма Моцарта не являются для нас исключением. Все слова и мысли, высказанные гением, бесценны.

Если к музыке Моцарта у людей преобладает благоговейное, вдумчивое отношение, мы всегда пытаемся дорасти до нее, то о письмах этого сказать нельзя. Здесь вдруг начинают звучать «смелые суждения», поскольку сразу сравнивают его письма с суждениями о музыке его современников, и в результате — разочарование. Никаких словесных рапсодий об искусстве, подобных текстам Вакенродера, читатель в письмах не находит, ничего в них нет, чтобы хотя бы близко напоминало философию музыки. Творческая личность выглядит несомненно выше эмпирической.

Герман Аберт в очень интересной и глубокой главе «Личность Моцарта», открывающей вторую часть его труда о Моцарте, касаясь писем, в особенности писем кузиночке, морщится, видимо считая их недостойными великого человека. Моцартовская арлекиниада его раздражает, и извинениями для него служит, что вкусы Зальцбурга, наградившего Гансвурста его костюмом, ничего страшного в этом комическом озорстве, вошедшем здесь в привычку, видеть не могли и не хотели. Отмечая природную доброту и настоящее сердечное благородство, о которых нигде, кроме как из писем, нельзя узнать, Аберт говорит о двух сторонах его существа, вытекающих из первых, юморе и иронии. «Примитивные по форме, в которых они выражаются в письмах и, кстати сказать, не только в письмах юношеской поры, они, как правило, вовсе лишены остроумия. Мы встречаем пошлости наихудшего пошиба, шутки, которые принято называть музыкантскими остротами, доходящие до вздора каламбуры, игру рифм и т. п.». «Характерно, однако, что все эти шутки кажутся у него естественными. Сознательно изображать из себя юмориста Моцарту не приходило в голову. За большинством его шуток скрывается неукротимое желание смелым рывком вырваться за пределы тех будничных форм и условностей, которые большая часть современников принимала с такой необычайной серьезностью» (Аберт, 1989:10–11). Столь строгое отношение к проделкам буффона в письмах Марии Текле, за которые Вольфганг Амадей должен был выслушивать увещательные сентенции от отца, говорит скорее о некоторой чопорности выдающегося исследователя творчества Моцарта. Странно, что он не видит, что и в этом проявляется присущее гению игровое начало, без которого не может жить драматург, каковым он был. Несколькими абзацами ниже Аберт, противореча себе, вдруг начинает находить в Моцарте черты Папагено, добавляя при этом, что Моцарт знает, что Папагено «никогда не сможет приобщиться к высшему, к идеалу» (Аберт, 1989:11). Перевод этих, по мнению Аберта, примитивных по форме, лишенных остроумия музыкантских острот, стихов, рифм был одной из наиболее трудных задач, стоявших перед И. С. Алексеевой. Окунуться в моцартовскую буффонаду, играть вместе с гением, надевшим на себя маску арлекина, воссоздать его игру на русском языке по силам только очень талантливому писателю, что можно

сравнить с глубокой интерпретацией музыкантом его творений. Процитируем две строчки из многих шуточных стихов, которыми изобилует текст писем Моцарта:

Здесь очень многие, — впрочем сплошь ослы
Ходят на публичные балы¹.

По завершении работы над переводом И. С. Алексеева написала прекрасную статью об эпистолярном стиле Моцарта «Игра в письмах Моцарта», где присутствует тонкий анализ игровых структур, а также четко выделена эстетическая функция моцартовского языка. Мы получили очень важный эмпирический материал для типологических обобщений культурологического толка, в частности в русле развиваемой сейчас теории европейского модерна. Форма мышления Моцарта крайне важна для понимания его места в истории модерна. И в этом отношении важна не только его музыка, но и весь его мир.

В работах одного из наиболее ярких современных типологов модерна Сильвио Вьетты разрабатывается трансцендентальная типология модернистской текстуальности². Определив шесть типов текстуальности, в которых отражаются чувственные, эмоциональные, интеллектуальные способности человека, Вьетта отмечает их отличие от домодернистских текстов. Особенность каждого модернистского типа текста, например эмоциональной текстуальности, текстуальности воображения, текстуальности воспоминания, текстуальности ассоциации, текстуальности чувственного восприятия и текстуальности рефлексии, в том, что они существуют в перспективе рефлексии автора или протагониста³. Подробное описание метода Вьетты, который «дает увлекательную возможность выстраивать длинные цепочки разнородных, на первый взгляд, произведений, не считаясь ни с жанром, ни с направлением» (Жеребин, 2009: 39), читатель найдет в статье А. И. Жеребина (Жеребин, 2009: 33-42). Тонкие герменевтические анализы немецкого литературоведа и культуролога дает этой типологии убедительное подтверждение, кроме того здесь и интересные интерпретации произведений изобразительного искусства, которые несомненно относятся в макроэпохе модерна. Однако в отношении музыки Вьетта проявляет робость, ему не свойственную, говоря, что он не специалист в этом искусстве, хотя в эмоциональной текстуальности Вакенродера и Томаса Манна он подтверждает ориентированность писателей на музыку, более того — многие модернистские романы имеют сходство с грандиозными симфониями. Совершенно бессмысленно, а в методологическом отношении неправильно исключать музыку из макроэпохи модерна, которую она озвучивала.

Здесь возникает вопрос, а нельзя ли рассмотреть творчество Моцарта через модернистскую призму, и, конечно, следует тотчас обратить внимание на то, каким люди раннего и романтического модерна видели композитора и что для них значило его творчество.

¹ *Моцарт В. А.* Полн. собр. писем. М., 2006. С. 367.

² См.: *Vietta S.* Ästhetik der Moderne: Literatur und Bild. München, 2001. См. также: *Vietta S.* Europäische Kulturgeschichte. Eine Einführung. Stuttgart, 2007.

³ *Vietta S.* Ästhetik der Moderne... S. 179–295.

Для Гёте, романтиков, Жан Поля и Гофмана Моцарт был воплощением духа музыки вообще, музыки современной, сложной и рефлексивной. Во всяком случае таковым его видят Жан Поль и Гофман. Когда Гёте говорил о творческой, продуктивной силе личности, ее энтелехии, он неизменно упоминал Моцарта. Эмоция и чувства, пронизанные рефлексией, — так слышат музыку Моцарта его современники. Для этого были все основания. Аналогами эмоциональной текстуальности, со многими ее оттенками, радости или грусти, мечтательности или взволнованной активности, созерцательности или порыва, текстуальности, пронизанной рефлексией, могут служить аллегро его концертов и симфоний, их адажио и анданте. В них очень часто слышатся вертеровские настроения; поэтическая декламация, которую нам показывает клавиш в фортепианных концертах, создает картину развивающегося чувства, тончайших нюансов в сфере переживания. Созерцательные ландшафты в романах Жан Поля со своим синестезийным характером пронизываются звучанием моцартовских произведений, чего Жан Поль не скрывает. О Гофмане и Мерики говорить излишне. Сама сонатная форма, как ее развивает Моцарт, имеет сходство с рефлексией, являясь в музыке ее аналогом. С. Вьетта отмечает экспериментальный характер модернистских текстов, указывая на то, что их появление возможно в эпоху, когда о своих правах заявила экспериментальная наука Нового времени. Но каким ярким экспериментатором в своем искусстве выступает Моцарт, в симфониях, в концертах, в операх, нигде не повторяясь, причем даже в самом начале творчества!

Если говорить о модернистских чертах моцартовского мировоззрения, то следствием постоянной расположенности к игре является рефлексия, и эстетическая функция языка вносит в тексты писем авторефлексивность. Знание этого кардинально меняет представление о личности гения и о его творчестве. Об этом прекрасно писал Теодор Адорно: «Даже Моцарт, играющий в буржуазном домашнем обиходе щедро одаренного любимца богов, был, как о том свидетельствует на каждой странице его переписка с отцом, несомненно более рефлектирующим, размышляющим человеком, чем та переводная картинка, на которой рисуется его привычный образ, — при этом рефлектирует он на основе своего материала, не воспаряя в абстрактные высоты» (Адорно, 2001: 478).

Выдающемуся теоретику модерна здесь нельзя не поверить. Содержание моцартовских рефлексий показывает многообразие интересов композитора. Это прежде всего рефлексия собственного творчества, что, конечно, у художника совершенно естественно. Здесь, однако, особый интерес представляют размышления композитора о тех своих произведениях, создание которых было связано с усовершенствованием музыкальных инструментов, в частности клавира; его тогда называли пианфорте. Моцарту нравились инструменты, сделанные мастером Штайном. Моцарт было очень далек от умозрительных рассуждений о музыке, чего не мог избежать его отец в своей книге «Опыт основательной скрипичной игры». Очень трудно не поразиться его точным суждениям о композиции и исполнительском искусстве. Замечательное письмо отцу от 24 октября 1777 года с эмпирической точностью утверждает концепцию аффективного переживания времени, представление об особой ритмике переживаний в противовес музыкальному движению со строго определенной

пропорциональностью (Моцарт, с. 74–75). Из этого аффективно переживаемого времени рождаются его фантастические по красоте субъективные темы, которые выглядят аналогами модернистских форм рефлексивности. Освобождение музыки от механического движения с его инерционностью давало простор для субъективных форм художественного выражения, и здесь изобретательность композитора не знает предела.

Как ярко и остроумно рассказывает он отцу об операх «Идоменей» и «Похищение из сераля». Он дает характеристики персонажам, как поэт и режиссер видит их на сцене. И здесь мы видим, что перед нами величайший музыкальный драматург, несравненный создатель человеческих характеров в опере, для которого музыкальный гений неотделим от рефлексии. Особенно яркой в письмах выглядит характеристика гаремного стража Осмина, и она не в последнюю очередь становится основой для интерпретации этого образа выдающимися музыковедами. В книге Альфреда Эйнштейна о Моцарте мы читаем: «Но самым замечательным созданием Моцарта в „Похищении“ является все-таки Осмин. Вот уж никак не карикатурный бас (*basso buffocaricato*), который случайно поет по-немецки; нет, это не карикатура, он столь же реальный тип, что и Фальстаф, — грубый, вспыльчивый, бесконечно комичный в качестве обозленного любителя вина и женщин, и все же бесконечно опасный. Пользуясь хроматическими, гармоническими, колористическими средствами, Моцарт доводит своего Осмина до настоящего пароксизма бешенства и садизма, его „*Erstgeköpft, danngehungen*“ является своеобразным подобием арии опьянения Дон Жуана. Уже песенка в *g-moll*, с которой Осмин появляется на сцене, характеризует этого варвара» (Эйнштейн, 2007: 427).

Создание комических характеров для Моцарта невозможно без игрового азарта и озорства, воссоздания всякого рода игр в жизни. И. С. Алексеева в статье «Игра в письмах Моцарта» описывает эти многообразнейшие игры (Алексеева, 2007:110–123). В письме отцу от 22 января 1783 года мы читаем: «...И еще одна просьба, ибо моя жена никак от меня не отстает. Вы несомненно знаете, что сейчас время карнавала, и что здесь, точно так же как в Мюнхене и Зальцбурге, устраивают танцы. Так вот я бы очень хотел /: но так, чтобы об этом ни одна душа не узнала :/ нарядиться Арлекином. Здесь ведь очень многие — впрочем, сплошь ослы — ходят на публичные балы хотел бы просить вас мне костюм Арлекина. Но вы должны сделать это очень быстро, потому что без него мы на бал не пойдем, хотя эти балы сейчас уже в самом разгаре. Вообще нам гораздо милее домашние балы. На прошлой неделе я давал бал у себя на квартире. Разумеется, все мужчины вносили по 2 гульдена. Мы начали вечером в 6 часов и закончили в 7 часов: — неужели веселье длилось всего час? Нет-нет. До 7 часов утра» (Моцарт, с. 367).

Герман Аберт прав, когда говорит, что «сознательно изображать из себя юмориста Моцарту не приходило в голову», однако чертами юмористов Жан Поля он наделен был сполна. Юмористическая дистанция была необходима Моцарту, чтобы таким образом защитить мир своего творчества от враждебных для него воздействий, от неизбежных вторжений явлений антихудожественного толка. В творчестве это защищало от классицистской статики, когда восприятие возвышенного неожиданно встречается с искрящимся смешным, когда вдруг

образуется место контакта воображения, чувственного восприятия и моральности. В этом отношении Моцарт гораздо ближе героям Жан Поля, в частности Вульту из «Озорных годов» и Шоппе из «Титана», чем чрезмерно чувствительному Берлингеру Вакенродера. В большинстве случаев характеристики, которые Моцарт давал людям, оказывались совершенно справедливыми. Так обстояло дело с его оценками архиепископа Иеронима Коллоредо и его приближенных.

Для музыковеда, литературоведа и культуролога особый интерес представляют майские и июньские письма 1781 года. Это письма отцу, написанные во время конфликта с зальцбургским духовным князем. Для нас они значат гораздо больше, чем столкновение гения со всемогущим самодуром, унижавшим великого художника. Принцип автономности искусства, который в эпоху модерна в понимании искусства является основополагающим, для художника имеет не только метафизический смысл, делая его подчиненным только законам искусства и собственным творческим импульсам и защищающим от всего остального, искусству гетерогенного, этот принцип имеет также смысл практический. Нарушение этого принципа для модерна всегда и везде означает насилие над художником и его искусством.

Разрыв с архиепископом показал, что Моцарт стал свободным независимым художником, и тем самым музыка ушла от служения всему внешнему, немзыкальному, тому, что не может соединиться с ней в нерасторжимом единстве. Здесь было все: и прежде всего защита своего человеческого достоинства, права творить, не подчиняясь произволу просвещенного духовного князя, поклонника Вольтера, платившего гению столько же, сколько было положено помощнику повара. Освобождение от Коллоредо уже в Вене стало гениальным развитием жанра клавирного концерта, а также созданием великих опер. Все эти пространства модерна были завоеваны Моцартом. Бетховен и Шуберт, композиторы-романтики в этом отношении продолжали дело Моцарта, превратив музыканта, капельмейстера в выразителя духа модерна вообще.

Майские и июньские письма 1781 года очень сильно отличаются от всего, что написал Моцарт. Эмотивная доминанта языковой формы выражения показывает нам эмоциональную текстуальность этих писем в соединении с эстетической функцией языка, т. е. авторефлексивностью, и все это существует вместе с модернистской рефлексивностью. Очень заметно, что это ответы на компромиссные слова отца, стремящегося как-то погасить конфликт за счет покорности своего великого сына. Эмоциональная текстуальность оригинала не только сохраняется в переводе, но и приобретает важные акценты в соединении с четко схваченной эстетической функцией языка. Прочитаем, что пишет своему отцу «послушнейший сын» В. А. Моцарт 20 июня 1781 года: «Я охотно верю, что все эти придворные подхалимы косо смотрят на вас, но вам-то что за дело до этого жалкого сброда. Чем враждебнее эти люди против вас настроены, тем высокомернее должны вы взирать на них. Что до этого Арко, то я призывал на помощь свой разум и свое сердце. Поэтому я вовсе не нуждаюсь ни в какой-либо даме, ни в иной персоне с положением, чтобы сделать то, что надо по чести и совести, и ни больше ни меньше, только в самый раз. Человека делает благородным его сердце. И если уж я не граф, то Чести в моей натуре, наверное,

побольше, чем у иного графа. Будь то слуга или граф, если он осыпает меня бранью, то он подлец» (Моцарт, с. 267).

Конечно, здесь ясно слышится вертеровская тональность, желание следовать безошибочной логике сердца, формирующей человека и ведущей его по пути свободы и моральности. Многие из того, что Моцарт пишет о людях, можно прочесть в романах Жан Поля. Как для адвоката для бедных Зибенкэза, героя одноименного романа Жан Поля, по мнению Моцарта, самые лучшие, самые настоящие друзья — это бедняки, а богачи ничего в дружбе не понимают. Те, кто рожден в богатстве, никогда не поймут, что такое дружба. Приобретение богатства отдаляет человека других людей.

Можно вспомнить еще об одном примере великого моцартовского эпистолярного искусства. Стендаль считал, что у Моцарта было непостижимое понимание сущности любви. Из письма композитора его другу Готфриду фон Жакену видно, какая любовь обладала для него высшей ценностью и постоянно его вдохновляла. «Быть недовольным у вас, дорогой друг, нет причин, потому что у вас есть все, чего человек может себе пожелать в ваши годы и в вашем положении! В особенности потому, что вы теперь несколько отошли, как мне кажется, от вашего прежнего весьма беспокойного образа жизни. Не правда ли, вы с каждым днем все больше убеждаетесь в справедливости моих маленьких назидательных проповедей? Согласитесь, что удовольствия ветреной, своенравной любви, как небо и земля, далеки от того блаженства, которое доставляет истинная, разумная любовь? В душе вы наверняка частенько благодарите меня за мои наставления! О, так я пожалуй от гордости не задержу! — Нет, кроме шуток, вам ведь есть за что благодарить меня, ведь если вы в конечном счете оказались достойны фр-ляйн Н..., то в вашем воспитании и наставлении вас на пусть истинный я сыграл не последнюю роль. Мой прадед любил говорить своей жене — моей прабабке, а та — своей дочери — моей бабушке, а та в свою очередь — своей дочери, то есть моей матери, моя же матушка — своей дочери, то есть моей возлюбленной сестре, что умение красиво и благопристойно говорить — это безусловно большое искусство, но не менее важное искусство — умение вовремя к сказанному прислушиваться. Так что я уж прислушаюсь к совету моей сестры, нашей матери, бабушки и прабабушки, и завершу не только свои нравоучительные отступления, но и само письмо» (Моцарт, с. 428).

Письмо было послано из Праги после триумфальной премьеры «Дон Жуана». Оно — образец тонкого, можно сказать виртуозного, легкого морального поучения модернистского толка, в котором начисто отсутствует менторский тон, который убивает саму моральность.

В письме от 13 октября 1781 года Моцарт написал отцу знаменитую фразу: «Поэзия в конечном счете должна быть послушной дочерью музыки» (Моцарт, с. 295). Это — один из важнейших положений эстетики модерна. Без моцартовской музыки невозможно представить себе настойчивое повторение этой мысли Жан Полем, Новалисом, Гофманом, Шопегауэром, Кьеркегором. Немыслимы и слова о субстанции Моцарта в третьей главе «Контрапункта» Олдоса Хаксли. То, что О. Хаксли в своем романе устами лорда Эдварда Тэнтемаунта, великого физиолога, говорит о субстанции Моцарта, часть которой

можно поглотить, — это имманентный материи и природе дух творчества, который бессмертен и неуничтожим так же, как они (Хаксли, 2009: 62). Он раскрывает себя в деятельности, и он дух модерна, который постоянно стремится из глубин бытия, чувства, эмоций, ощущений, воображения создать новый мир, получающий в процессе сотворения метафизическое измерение. Духовность этого мира гарантирует бытию вечность. Для Моцарта присутствие этого мира не подлежит никакому сомнению. Оно часто облечено в форму масонской религиозности, где неудержимость, говоря словами Гёте, энтелехийной монады не вступает в противоречие перед неизбежным, которое стоически переносится личностью. В письме от 4 апреля 1787года Моцарт пишет больному отцу из Вены: «Поскольку Смерть /: строго говоря /: есть истинная конечная Цель нашей жизни, что я за последние несколько лет так хорошо познакомился с этим истинным другом Человека, что в ее образе для меня нет теперь не только ничего пугающего, но очень много успокоительного и утешительного! И я благодарю Господа моего, что он даровал мне счастье, предоставив возможность /: вы понимаете меня :/ распознать в ней ключ к нашему истинному блаженству. Всякий раз, ложась спать, я помню, что возможно /: как бы молод я ни был :/, мне не суждено будет увидеть завтрашний день. И все же ни один человек из всех, кто меня знает, не скажет, что я в общении мрачен и печален. И за это блаженство я всечасно благодарю моего Творца, и от всего сердца желаю такого же блаженства всем моим Ближним» (Моцарт, с. 421).

Обратим внимание на особенность моцартовской веры в Бога. Метафизическое разделение мира здесь неизбежная данность. Но оно не вызывает в Моцарте экзистенциального напряжения. Мы не чувствуем у него никакого страха перед грехом, за которым бы последовало воздаяние. Жизнь ему дана для ощущения ее богатства и разнообразия, постижения неисчерпаемости бытия. Будущее всегда открыто для него, ибо оно — непрерывная цепь свершений в трансцендирующем жизнь творчестве.

Список использованной литературы

1. *Аберт Г. В. А. Моцарт. Ч. 2. Кн. 1. М., 1989. С. 10–11.*
2. *Адорно Т. В. Эстетическая теория. М., 2001. С. 478.*
3. *Алексеева И. С. Игра в письмах Моцарта // Моцарт в России: Сб. статей. Нижний Новгород, 2007. С. 110–123.*
4. *Жеребин А. И. К проблеме внежанровой классификации текстов в немецком литературоведении (Сильвио Вьетта) // Русская германистика. Т. 5. М., 2009. С. 39.*
5. *Моцарт В. А. Указ. соч.*
6. *Хаксли О. Контрапункт. О дивный новый мир. Обезьяна и сущность. Рассказы. М., 2009. С. 62.*
7. *Эйнштейн А. Моцарт: Личность. Творчество. М., 2007. С. 427.*

Alexandra Borisenko, Victor Sonkin

**MURDER AS A TEACHING DEVICE: ANTHOLOGIES OF CRIME FICTION
COMPILED BY LITERARY TRANSLATION WORKSHOP**

Summary

The Borisenko-Sonkin seminar has been active at the Philology Department of Moscow State University since 1997, and throughout this time it was teaching students to prepare their translations for publication. This process started innocuously with a University-funded small booklet of select translations with a tiny print run and went through a number of commissions from publishers for translations of short stories and similar material.

Crime story turned out to be a great testing ground for studying the *zeitgeist*, the mores, the rituals, the everyday life of a bygone era. In searching for the details of the authors' lives and the intricacies of house planning and gastronomic preferences of the Victorians, the students working on the project of Victorian crime fiction "Not Just Holmes" had no choice other than become investigators and researchers. The anthology was published in 2009 to the readers' and critics' acclaim and received the "Book of the Year" award from the Federal Agency for Press and Mass Communications in "Debut" nomination.

The next project, an anthology "Not the Butler!", devoted to British crime fiction between the world wars, was even more ambitious in scope and research. A classic short story was attributed for the first time in specialized literature, a number of previously unpublished portraits of the authors were uncovered, and the book grew an annex of period commentary forming a major and indispensable part of the project. A third installment on American crime fiction is in the works.

Our presentation will outline the basics of our teaching strategy and showcase the compilation of an anthology from scratch to publication and post-publication events as a teaching device for involving young translators in editing, online and offline research, using new scientific tools, cooperation between themselves and with other professionals in the book business, economic transactions and other tricks of the trade.

1. Translation Workshop: The Beginnings

Studying literary translation has never been a separate subject at the Philology Department of Moscow State University. And yet, literary translation is an excellent tool for studying and understanding works of fiction, because no close reading can be as close and demanding as a translator's feverish need to understand the original. Our workshop started in 1997, when we were postgraduates ourselves, and later became part of the formal curriculum at the Department for Discourse and Communication Studies. Initially, our students only analysed and translated excerpts from British and American novels and short stories, usually not longer than one page. It soon became obvious that this was not enough. After several cooperative projects when our students translated short stories for collections prepared by various publishing houses, we decided we needed to develop a book project ourselves, from scratch.

After three and a half years of concentrated and diverse efforts, our first crime anthology, *Not Just Holmes*, a collection of Victorian British and American short

detective fiction, was published in 2009. The book received the prestigious Book of the Year award of the Federal Agency for Press and Mass Communications in its Debut nomination. A sequel, *Not the Butler!* followed in 2011; this book was devoted to the 'Golden Age' of British crime fiction (roughly 1920s—1930s). The third instalment, *Pulp Fiction and More*, is currently in progress.

2. Why Murder?

One might ask why we decided to choose anthologies of crime fiction, a seemingly unserious genre, as the material for creating scholarly annotated anthologies of a given period in the literature and life of Britain and America. One important reason was the commercial viability of our book projects: we wanted our work to be published by one of the major Russian publishing houses, and we had to keep their interests in mind. However, that was one of a number of reasons, and certainly not the main one. Studying the life of an era in its minute everyday details, the intricacies of political and religious life, human rights activism, including the women's movement, universities, transportation, public services, and many other aspects of a culture proved to be amazingly efficient through the medium of a detective story.

The detective story as a genre is very attentive to small details: lose a tiny aspect of a check written out to someone or of the dust on the murderer's shoes coming from a particular region, and you lose the all-important clue. Precision was what attracted us to crime stories in the first place. Precision has never been the strongest suit of the Soviet school of translation, for a very good reason: neither the translator nor the readers knew very well what life abroad was like. It was not unusual for Soviet translators to simplify the narration by replacing unknown things with quite different, but well-known ones – a famous example being the translation of 'cheeseburger' as 'syrnik' (a completely different type of food). Of course, at the time of the Iron Curtain no one knew what a cheeseburger was, probably including the translator. Today, the situation has changed completely, because readers of fiction in translation can buy a cheeseburger at a McDonald's (which itself has become a metaphor for today's cultural interconnectedness), and translators don't need to invent suitable replacements. But apart from this inevitable lack of precision, there was a deliberate censorship effort to suppress excessive details. When Nina Demourova was preparing commentary for Jane Austen's novels, the publishers told her that close attention to the details of Regency dress was "unnecessary" for the Soviet reader.

The 'Soviet reader' was another problem for the Soviet school of translation. There was a universally accepted myth of the one and only perfect translation for the uniform mass readership. We think it is very important to explain to young translators and philologists that different translation methods have their advantages and disadvantages; that, as Mikhail Gasparov convincingly showed in his article *Bryusov and Literalism*, different translations have different functions and are aimed at different readers. This is another essential aspect of a translation workshop: students can see how both 'loose' and 'exact' translations of the same text can work well, each in its own way.

It is especially important since Soviet translation theory was never particularly given to pluralism. There was a group of scholars and translators who were trying to create in-depth, commented translation of the works of foreign fiction; many of them

worked with the Academia Publishing House that had existed in the 1920's and 30's but was subsequently disbanded, with some of its employees and collaborators imprisoned or executed. Even though these authors, translators, and editors had long since been cleared of the absurd sentences of Stalin's era, the legacy of their critics lives on. The Academia circle (Evgeny Lann, Gustav Shpet, Georgy Shengely and others) were accused of pandering to the West and of being *bukvalisty* ('literalists', or sticklers), and to this day the accusation of 'literalism' remains one of the most potent weapons in the arsenal of translation critics.

For our workshop, however, the commented edition of *The Pickwick Papers* prepared by the famous philosopher and literary scholar Gustav Shpet, as well as the famous commentary on Pushkin's *Eugene Onegin* by the renowned structuralist Yuri Lotman, were the most important examples that informed and illuminated our own endeavour in creating the books.

Our crime story anthologies are built around the same rough framework. They start with a foreword detailing the history of the crime story and its meaning and importance for the era. Each story is preceded by a brief biography with the author's portrait (if one could be found), written by the translator of that specific story. All stories are accompanied with original illustrations from their first publications in magazines; in a number of cases no original illustrations existed, and we replaced them with topically suitable pictures from contemporary publications. After the bulk of the stories, a narrative commentary detailing various aspects of life of the era (politics, religion, universities, transportation, foreigners, the royal family, etc.) follows. A picture glossary helps readers visualize some of the objects mentioned (and sometimes playing an important part) in the stories, which are no longer a part of our everyday experience (for example, a dogcart, a sundial, an Ascot tie, etc.).

3. Putting Things in Context

One of the most important skills of a translator or a literary scholar in general is putting things into context. Compiling an annotated anthology makes it possible to exercise such skills on a large scale. It involves biographical research, a search for illustrations and portraits, detailed explanations of the function and appearance of various household objects, and, of course, translation and editing of the texts. A project like that becomes an important testing ground for the development and honing of all of the skills mentioned above.

In the scope of our projects, each translator picked his or her author and short story, and conducted all the subsequent research. After the translation was done, a group editing session was convened, when all participants (including the teachers) listened to the reading of the translated story, interrupting the translator at every word, criticizing, making suggestions, and discussing general issues.

Since it was a group project, we had to develop certain common translation strategies. We did not try to make the text sound excessively archaic, but at the same time we did our best to avoid words that would not have been used at the time when the stories were written; to achieve that, we used various modern tools, such as the Corpus of the Russian Language (*ruscorpora.ru*). When one of our stories was prepared for publication in Snob Magazine, the editor told us that the work *klerk* (clerk) was not used

in Russian in the 1930's, and we had to appeal to the Corpus to show that from the 1920's it was actually quite common, especially in describing English life.

Some of our authors' portraits proved to be quite elusive, not found even in the British Mystery Writers encyclopaedia or any other authoritative edition. We tried to find as many as possible. Sometimes it involved real detective work of our own: our students were contacting the foremost researchers of their authors, the writers' descendants, university and school archives, etc.

In one case a well-known short story (*The Inquest* by Loel Yeo) was attributed for the first time in the study of detective fiction. The translator, Andrey Azov, found in *google.books* a footnote, stating that "Snorky used a pen name *Loel Yeo*". It appeared that Snorky was the nickname of P.G. Wodehouse's adopted daughter, Eleonora Wodehouse. After contacting the Wodehouse society, Andrey Azov received the address of her son, Sir Edward Casalet, and obtained from him not only the portrait but also a lot of interesting biographic details.

In another case, to find the portrait, we had to immerse ourselves in the intricacies of boating races between Oxford and Cambridge. Very little was known about the author of the story *A Boat-Race Murder*, David Winser, an Oxford graduate who died young during World War II, except for the fact that he participated in the boat race of 1936. We consulted *The Illustrated London News* of the time, and found the portraits of the winning team, including Mr Winser. However, the copy that we consulted had a pencil correction, indicating that the portrait printed as Mr Winser's was in fact someone else's. Since the newspaper also had a picture of the winning team in its boat, and we knew the rowing position of Mr Winser (he was the stroke), we managed to ascertain that the unknown corrector was right, and thus found the real portrait of our author.

In another story, *The Ministering Angel* by E. C. Bentley, one of the characters takes *The Hunting of the Snark* from his shelf: "He pulled out a thin red volume. 'One of the best-looking books that was ever printed and bound.'" The character, a book lover, must have known and loved his books, but the first edition of Lewis Carroll's *The Hunting of the Snark* was printed with a greyish cover. It took us some time and research of antiquarian bookshop websites to find out that Carroll ordered 100 books to be printed with red covers for his friends, and he signed them all. This meant that our character's copy was not just the first edition, but the exclusive first edition with Carroll's own signature. There are many more examples of unexpected discoveries, but we shall stop here.

Sergei Averintsev used to say that philology was the service of understanding. Studying the murder investigations, we were forced to become sleuths ourselves: following clues, discarding red herrings, and finally finding the truth. The truth that ultimately serves understanding.

Victor Sonkin

**CLASSICS, LITERALISM, AND EXPERIMENTAL TRANSLATIONS:
THE CASE AND QUEST OF MIKHAIL GASPAROV**

Summary

Mikhail Gasparov was the Renaissance man of Russian humanities from the 1960s to his death in 2005. His contributions to translation theory and practice, from measuring the exactness of poetry translations, to rehabilitating 'literalism', to creating a corpus of excellent translations from Greek and Latin, to radical experiments in new forms of translation, are invaluable and deserve to be better known both in Russia and overseas.

Introduction

Mikhail Leonovich Gasparov (1935 – 2005) was a Renaissance figure in the field of Russian humanities of the later 20th century, and his immense legacy is still underappreciated both in Russia and in the West. The sheer scope of his scholarly interests and pursuits is extraordinary.

Having graduated from the Classics department of Moscow State University, Gasparov spent much of his career in the Classics department of the Institute of World Literature, contributing to the history of ancient literature, studying fables and Horace, and translating from Greek and Latin. As a student, he became interested in the esoteric Russian tradition of studying poetry through mathematical methods, founded by the poet and mystic Andrei Bely. In the 1960s and 70s the method was experiencing a rebirth, partly thanks to the efforts of the brilliant mathematician Andrei Kolmogorov and his disciples. Gasparov, who was always complaining that he had 'no imagination' and professing his predilection for exact measurements, embraced this approach, and soon became the recognized leader of the field. His contributions included the doctoral dissertation of 1974, *Современный русский стих* [Modern Russian Verse] (later reworked into a monograph), where a huge corpus of 20th century Russian poetry was scrutinized from metrical and rhythmical points of view. Gasparov continued this work in *Очерк истории русского стиха* [A Brief History of Russian Verse] and the seminal *История европейского стиха* [History of European Versification], his only major work available in Western European languages (English and Italian). This is a unique work bringing together several centuries of research in different linguistic and poetic traditions and following the history of Western versification through the ages all the way to its obscure Indo-European roots. He was keenly interested in the interaction of formal and thematic levels of poetry; his articles on the subject were collected in a book titled *Метр и смысл* [Meter and Meaning]. Later in life, with the traditional verse studies largely exhausted mostly through his efforts (an American academic newsletter on the subject once called him 'the tireless Gasparov'), he switched to the relationship between verse form and language; the results of these tentative efforts were collected in the book *Лингвистика стиха* [Linguistics of Verse], co-authored with Gasparov's faithful disciple, Dr. Tatyana Skulacheva.

Gasparov was a historian of Russian literature. His efforts were mostly focused on the so-called 'Silver Age', especially the undervalued and forgotten authors of the era. He was also one of the foremost authorities on the life and poetry of Osip Mandelstam.

His *Занимательная Греция* [Amazing Greece], a book intended primarily for children, whose publication was delayed for 15 years, became an instant classic once it was published. Few people could compress the millennia of ancient Greece and Greek culture into a small popular book with such clarity, precision, and stylistic brilliance. Gasparov wrote several other popular books (on ancient Rome, on the Greek cultural landscape, and on classical mythology); some of them were published posthumously.

In 2000, *Записи и выписки* [Notes and Fragments], an idiosyncratic collection of notes, memoirs, musings, letters, poems, translations, and remarks, was published to critical acclaim.

1. The Classics: Several Approaches

From the outset of Gasparov's career, translation played an important part in his life and work. His Ph.D. thesis was devoted to the structure and history of classical ancient fable, and even at that early point Gasparov combined academic research with its practical application in the form of translation. The fables of Phaedrus and Babrius in Gasparov's translation with his in-depth commentary were published in the prestigious *Литературные памятники* [Literary Landmarks] series in 1962, when Gasparov was just 27 years old.

In *Записи и выписки* [Notes and Fragments], Gasparov wrote about one of his translation experiences, and this memoir vividly illustrates his unorthodox approach.

"From the stylistic point of view, I encountered the worst difficulties translating the most primitive among my authors, Aesop. It's no coincidence that every national literature has a treasure trove of classical remakes of Aesop but no memorable translations. It's in the nature of the genre of the fable, which is indifferent to style <...>. How should I write – "The shepherd went to the forest and saw..." or "So the shepherd goes to the woods and sees..."? In Russian, these intonations are distinctly different, but which corresponds to the original intonation more accurately – I did not feel the nuances of Greek well enough to make a decision. So I devised a circumvention: I ordered in the library a large Spanish treatise on the vocabulary of Aesopian collections and, pencil in hand, I marked all of Aesop: Attic words in red, vulgarisms in blue, intermediary forms in other colors, and then in the fables that were mostly spotted red I wrote "The shepherd went to the forest", and those that were mostly blue – "So the shepherd goes to the woods..." For me, it was an interesting experience; I'm not sure if it was useful for the reader." (Гаспаров 2000, 323; all translations from Russian are by Victor Sonkin unless specified otherwise.)

As a translator of Classical ancient literature, Gasparov had to deal with a number of challenges, apart from Aesop's simplicity. In the translation of *Life and Opinions of Eminent Philosophers* by Diogenes Laërtius, philosophical terms had to be kept consistent throughout the text, even if they meant completely different things in different philosophical paradigms. In Aristotle's *Poetics*, the challenge was to keep the esoteric style of an abstract for internal use, so typical for the bulk of Aristotle's work, and at the same time make the text at least intelligible for the reader, if not completely clear. Gasparov's solution was to introduce explanatory passages in brackets; with them, the text read as a smooth treatise, allowing the reader to follow Aristotle's thought; without them, the text was a rough draft, allowing the reader to sample Aristotle's style.

Some of Gasparov's most interesting and successful translations were not even signed with his name. In 1974, a collection of Greek historical writings was published, containing excerpts from the work of Herodotus, Thucydides, and Xenophon. Xenophon was translated anew for this edition, but for the other two historians, old translations were used: an early 19th-century translation for Herodotus, and a late 19th-century translation, reworked in early 20th century, for Thucydides. The historical sequence thus emerged as if by itself, but old translations had to be heavily reworked; translators of Thucydides, for example, were amazingly faithful to the meaning of the text, but increased the book's volume by 50%. Gasparov virtually rewrote both Herodotus and Thucydides, making the volume a unique stylistic experiment.

The level of Gasparov's verbal prowess is well illustrated by an extreme example, the translation of Ausonius's *Cento*. *Cento* ('a quilt') is a poem composed of lines and half-lines of other texts. The background to the story, as related by Gasparov, is as follows: the Roman emperor Valentinianus was planning to write a poem for a wedding at the imperial court in Trier, and urged his court's official poet Ausonius to do the same; "to write a poem better than the emperor was risky; to write worse was, in all likelihood, very difficult," says Gasparov (Гаспаров 2003, 338). The old rhetorician invented an escape: for the wedding song, which was supposed to be bawdy, he wrote a cento composed of the lines taken from Virgil, Rome's chastest poet.

Now to compose a poem like that is very difficult, to translate it is close to impossible. To tackle this problem, Gasparov had to furnish context for each of the lines and half-lines, often translating them himself, because existing translations of *The Aeneid* and Virgil's other works did not lend themselves well for this kind of adaptation. A small portion of the results in context is displayed in the table below (English translations of the lines from *The Aeneid* are by Sarah Ruden).

Line	Source	English translation	Russian translation
Et super incumbens	Aen. 5.858	Sleep bent to pitch	Вот он сверху налег;
nodis et cortice crudo / intorquet summis andixus viribus hastam.	Aen. 9.743	his whole strength into hurling / his crude spear with its knots.	узловатое, с толстой корою / Он, изо всех напрягшихся сил, копьё запускает.
Haesit virgineumque alte bibit acta cruorem.	Aen. 11.804	Drove deep, and lodged, and drank	В тело проникло оно, упиваясь девической кровью,

		her virgin blood.	
Insonuere cavae gemitumque dedere cavernae.	Aen. 2.53	Gave out an echoing, a groaning noise	И задрожала утроба, и стоном наполнилась полость.
Illa manu moriens telum trahit, ossa sed inter	Aen. 11.816	Dying, she yanked the spear, but in the deep wound	Вытащить хочет она копье, обмирая, но тщетно:
Altius ad vivum persedit	Geo r. 3.442	Sunk deep into the quick [tr. Fairclough]	В плоть проникает до самых глубин
vulnere mucro	Aen. 11.817	The iron point was stuck.	концевееране.

The English translation gives an approximate idea of what the text would have looked like if existing translations were taken for the purpose. This *tour de force* in translation speaks for Gasparov's unsurpassed mastery with words.

2. The Marshak Controversy

Samuil Yakovlevich Marshak (1887-1964) was a very popular poet, universally loved to this day for his children's poems, and a gifted translator of poetry. He provided, among other things, the only well-known and stylistically uniform translation of all Shakespeare's sonnets. In the late 1960's, Gasparov unofficially tutored his younger relative, a student of Moscow State University Natalia Avtonomova, for her diploma paper on Marshak's translations from Shakespeare.

The result was an in-depth analysis of Marshak's strategies, which showed, step by step and metaphor by metaphor, consistent 'toning down' of Shakespeare's baroque sensibilities and bringing the poems to a much more serene neutral 19th-century style.

"In Sonnet 60, Shakespeare's impersonated Time is raging: he confounds the gift he has given, transfixes the flourish net of youth, feeds on the rarities of nature's truth, and nothing stands but for his scythe to mow. In Marshak's version, we see a calmer picture: 'The knife of years leaves one burrow after another on the face of life. Everything that is best among the breathing things of Earth lies down under its killing mower' – two images instead of five, instead of just one subject (Time!) two subjects with two predicates..." (Гаспаров, Автономова 2001)

<p>Like as the waves make towards the pebbled shore, So do our minutes hasten to their end; Each changing place with that which goes before, In sequent toil all forwards do contend. Nativity, once in the main of light, Crawls to maturity, wherewith being crown'd, Crooked elipses 'gainst his glory fight, And Time that gave doth now his gift confound. Time doth transfix the flourish set on youth And delves the parallels in beauty's brow, Feeds on the rarities of nature's truth, And nothing stands but for his scythe to mow: And yet to times in hope my verse shall stand, Praising thy worth, despite his cruel hand.</p>	<p>Как движется к земле морской прибой, Так и ряды бессчетные минут, Сменяя предыдущие собой, Поочередно к вечности бегут. Младенчества новорожденный серп Стремится к зрелости и наконец, Кривых затмений испытав ущерб, Сдаёт в борьбе свой золотой венец. Резец годов у жизни на челе За полосой проводит полосу. Все лучшее, что дышит на земле, Ложится под разящую косу. Но время не сметет моей строки, Где ты пребудешь смерти вопреки!</p>
--	--

Despite being quite complimentary towards Marshak's skill, talent and consistency, the article was seen as an affront to the established Soviet classic. Gasparov was banned from editing the collection of Marshak's works, Avtonomova was prevented from pursuing further studies at the philological department. Even such an innocent pursuit as translation studies could acquire dangerous ideological undertones in Soviet times.

3. The Case of Bryusov's *Aeneid*

Even more controversial turned out to be Gasparov's analysis of Valery Bryusov's (1873-1924) translation of Virgil's *Aeneid*. The translation, finished by Bryusov's friend Sergei Solovyov and published posthumously in 1933, became a target for taunts and accusations of 'literalism' almost immediately after publication. Gasparov used this material to develop his ideas about translation and insist that "literalism [was] not a curse word, but a scholarly notion". For a number of reasons, this approach was completely alien to the Soviet literary establishment. The thinking behind this is too convoluted to be covered in this article, but one of the principal reasons was the resistance of 'literalist' method to censorship and other ways to make foreign authors more acceptable ideologically. Gasparov's article was republished in a prestigious almanac *The Art of Translation* under escort of two (not one, as was customary with ideologically suspect materials) critical retorts.

Looking back at this episode in the 1990s, Gasparov wrote:

“I wrote a separate article about the ill-famed Bryusov’s *Aeneid*. Among other things, it went like this. Five periods succeeded each other in the history of Russian verse translation. The 18th century was the era of free translation, ‘disposing to the Russian mores’ both the content and the form of the originals. Romanticism was the era of exact translation, training the reader to accept new, formerly unfamiliar images and forms; such is [Vassili] Zhukovsky. Realism of the 19th century again became the era of free, customizing translation, as exemplified by [Vassili] Kurochkin’s *Beranger*. Modernism of the 20th century returned to the agenda of exact translation: not impoverish the original in accordance with the reader’s habits, but to enrich the reader’s habits in accordance with the original: it’s not just Bryusov’s agenda, but that of all his contemporaries from [Konstantin] Balmont to [Mikhail] Lozinsky. Finally, the Soviet time is the backlash from literalism, demand for clarity, lightness and traditional values of the Russian culture, the era of Marshak.” Gasparov went on to superimpose this picture on the five periods of Russian culture from Peter the Great to the late 20th century, with ‘broadening’ and ‘deepening’ trends in regular succession. “Civilization meets civilization just as one person meets another. To get their contact going, they have to see something similar in each other; to get it to continue (and not wither away after first attempt), they have to see something dissimilar. During the first stages of acquaintance, translation selects for the reader such features of the French, Latin, or Chinese spiritual world which the reader possesses in his own character. And later, translation opens up the new acquaintance in all his complexity and allows the reader to adapt to unfamiliar (sometimes even unpleasant) features of his spiritual makeup, be it a different faith or different verse structure – if the reader is planning to maintain the contact, of course.” (Гаспаров 1988)

Post-Soviet developments have confirmed Gasparov’s reasoning; with mass culture and ‘high-brow’ culture increasingly segregated, the demand for more exact, ‘foreignizing’ translations (and retranslations of classical works) has strengthened, even though it goes against the grain of literary criticism and journalism, still very much operating from within the Soviet-type establishment paradigm.

It is worth noting that Gasparov’s five periods could be roughly divided into two major groups, the ‘domesticating’ odd periods and the ‘foreignizing’ even periods, with a new ‘foreignizing’ sixth period on the rise.

4. New Approaches: Ariosto and Experimental Translations

In 1993, the prestigious series *Литературные памятники* [Literary Landmarks] published Gasparov’s new translation of Ludovico Ariosto’s epic poem, *Orlando Furioso*. In an interview with a Tartu student newspaper, Gasparov claimed: ‘I did not have an intention to translate Ariosto – I only wanted to read him.’ But Gasparov’s thorough reading, pencil in hand, resulted in creating detailed maps of inter-character relationships within this ‘tale of knights’ scandals’, as Mandelshtam called it, and then in free verse translation of the whole huge poem. “I have translated it almost completely on the move, in trains and on the metro; if there was a custom of dedicating books to organizations, this translation should have been dedicated to the Ministry of Public Transportation.” (Горный et al. 1990)

Translation of classical *ottava rima* in free verse seemed like a radical step for Gasparov the verse scholar, who was always meticulously attentive to details of form and language. And yet, translation ‘from style into style’ was for him one of the options which had to be available in a rich and developing culture. Moreover, in this ‘loose’ approach to Ariosto, Gasparov echoed the attempt of another famous translator, Alexander Pushkin. Here is how a well-known passage from the poem reads in each of their versions:

Ariosto	Пушкин	Гаспаров
103 Angelica e Medor con cento nodi legati insieme, e in cento lochi vede. Quante lettere son, tanti son chiodi coi quali Amore il cor gli punge e fiede. Va col pensier cercando in mille modi non creder quel ch'al suo dispetto crede: ch'altra Angelica sia, creder si sforza, ch'abbia scritto il suo nome in quella scorza.	103 Орланд их имена читает, Соединенны вензелом; Их буква каждая гвоздем Герою сердце пробивает. Стараясь разум усыпить, Он сам с собою лицемерит, Не верить хочет он, хоть верит, Он силится вообразить, Что вензеля в сей роще дикой Начертаны все, может быть, Другой, не этой Анджеликой.	103 Анджелику и Медора Видит свитых он в ста местах в сто узлов, И что букв в словах, То Аморовых гвоздий в страдном сердце. Рыщет, ищет он на тыщу ладов Не поверить, чему невзгодно верить: Силится удумать, что на коре Не его, а соименная Анджелика.

It is obvious that where Pushkin opts for a lighter tone, conventional verse form and free retelling of the stanza, Gasparov translates Ariosto almost word-for-word, at the same time departing significantly from the formal structure of the original. It would be simplistic to classify Gasparov’s experiment in terms of foreignization/domestication dichotomy, because the radical free verse and difficult syntax of his translation (clearly ‘foreignizing’) are complemented by vocabulary partly borrowed from Russian folk poetry (thus ‘domesticating’ the translation into the reader’s culture, but not the reader’s contemporary culture).

In a collection of *Экспериментальные переводы* [Experimental Translations], published as a book with a small print run at about the same time, Gasparov took this approach a step further, and made ‘translation from style into another style’ – which, in his opinion, was always occurring in translation – the cornerstone of this collection. In this book, he presented several types of translation of Greek tragedy, of Latin epic poems, but the most radical part of the project consisted of ‘summary translations’, with long poems of the 19th and early 20th century, often written in traditional meters, retold in free verse and radically shortened. Gasparov even went as far as ‘translating’ some Russian poems in this manner, again much to the displeasure of the literary establishment. Here is his version of a long-winded elegy by the young Pushkin *Любовь одна – веселье жизни хладной* [Only Love is the Joy of Bleak Life] which consists of 56 lines in the original (Гаспаров 2003, 175):

В розах любви – счастье,	Happiness in the roses of love,
В терниях любви – песня:	A song in the thorns of love:
Будьте блаженны, будьте бессмертны –	Be blessed, be immortal -
Я люблюсь вами, любовники и певцы.	I admire you, lovers and bards.
Я люблюсь вами из сумрака,	I admire you from the twilight,
Из седого шума дубрав и волн,	From the gray rustle of woods and waves,
Из холодного сна души, –	From the cold dream of the soul,-
Слишком много боли:	Too painful:
В мертвом сердце мертва и песня,	The song is dead in a dead heart,
Слабый дар отлетает, как легкий дым.	A feeble gift flies away like a light smoke.
А любовь –	And love -
Пусть поет ее любящий и любимый.	Let it be sung by the loving and the loved.

Mikhail Gasparov was one of the best Russian stylists of the late 20th century, one of the most perceptive scholars, thinkers, and probably the only figure in Russian humanities to have approached translation with the rigor of exact science. For him, the division of knowledge into 'science' and 'humanities' had always been a false dichotomy – a radical thought not only for Soviet times, but for most of today's academia as well. It is our opinion that wider acquaintance of translation scholars and literary historians with the work of Gasparov would benefit the humanities both in the West and in Russia. This article is a small contribution towards this goal.

Bibliography

1. Gasparov, M. L. (1996): *History of European Versification*. Oxford: Clarendon Press.
2. Авсоний (1993): *Стихотворения. Перевод М. Л. Гаспарова*. Москва: Наука.
3. Ариосто, Лудовико (1993): *Неистовый Роланд. Перевод М. Л. Гаспарова*. Москва: Наука.
4. Гаспаров М. Л. (1974): *Современный русский стих. Метрика и ритмика*. Москва: Наука.
5. Гаспаров М. Л. (1984): *Очерк истории русского стиха. Метрика, ритмика, рифма, строфика*. Москва: Наука.
6. Гаспаров М. Л. (1988): *Брюсов и буквализм*. In: *Поэтика перевода*. Москва: Радуга. 29-62.
7. Гаспаров М. Л. (1989): *Очерк истории европейского стиха*. Москва: Наука.
8. Гаспаров М. Л. (1995): *Занимательная Греция. Рассказы о древнегреческой культуре*. Москва: Новое литературное обозрение.
9. Гаспаров М. Л. (1997): *Избранные труды. Том II. О стихах*. Москва: Языки русской культуры.
10. Гаспаров М. Л. (1999): *Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти*. Москва: РГГУ.
11. Гаспаров М. Л. (2000): *Записи и выписки*. Москва: Новое литературное обозрение.

12. Гаспаров М. Л. (2003): *Экспериментальные переводы*. Москва: Гиперион.
13. Гаспаров М. Л., Автономова Н. С. (2001): *Сонеты Шекспира — переводы Маршака*. In: Гаспаров М. Л. *О русской поэзии*. Санкт-Петербург: Азбука. 389-409.
14. Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. (2004): *Статьи о лингвистике стиха*. Москва: Языки славянской культуры.
15. Горный Е., Кузовкин Д., Пильщиков И. (1990): «Я не имел намерения переводить Ариосто... Я хотел его просто прочитать». Интервью с М. Л. Гаспаровым. In: *AlmaMater: Tartu*.
16. Диоген Лаэртский (1979): *О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. Перевод М. Л. Гаспарова. Москва: Мысль.
17. *Историки Греции* (1976): *Геродот, Фукидид, Ксенофонт*. Под редакцией С. Алта и М. Л. Гаспарова. Москва: Художественная литература.
18. Федр, Бабрий (1962): *Басни*. Перевод и комментарии М. Л. Гаспарова. Москва: Наука.

Veronica Razumovskaya

JOSEPH BRODSKY: PRACTICE OF SELF-TRANSLATION AND TRANSLATION THEORY VIEWS

Summary

This paper deals with the issues of poetic translation, as studied through the materials of Joseph Brodsky's creative legacy. Being a translator of his own poetry, Brodsky expressed his personal views on the concept and process of literary translation. Brodsky's views on translation are closely linked to the author's 'philosophy of language'. The self-translation experience provides a unique possibility to highlight the key problems of poetic translation, and describe the most effective translation strategies.

Translation of poetry traditionally sets the translator to numerous and varied linguistic, philological and cultural challenges, the effective solutions to which allow the 'in-building' of a secondary literary text into the textual grid of the host culture [Bassnett, Lefevere 1998]. The success of the existence of the target-text in the translating culture depends on a number of subjective and objective factors: the importance of the original texts for their own national culture and literature, the author's popularity, literary fashion, literary preferences of the customer and the translator, and unquestionably the quality of the translation.

The issue of translatability of poetry has always been one of the 'eternal' questions in the theory of translation, despite centuries of practice and a successful history of poetic translation resulting in the existence of a vast corpus of translated poetic texts in almost all national cultures. A proportion of translated texts are undoubtedly perceived by readers as translations from foreign languages. The obvious examples are the translations of Shakespeare's sonnets into Russian, undertaken at different times and by different translators, and most translations of Alexander Pushkin's novel in verse *Eugene Onegin* into various languages. A further proportion of poetic translations are felt to be poetry for translation only by experts, counting philologists or well-informed readers who are especially interested in the issue. Most readers of such translated poetic texts attribute them to translators of poetry who have made these very translations and also have their own poetic texts. Strong examples of these may include translations of the German Romantic poets made by Alexander Pushkin and Mikhail Lermontov in XIX century.

The continuing debates about poetic translatability allow researchers and critics to examine the topic more closely and from different perspectives. Above all, the specialists need to answer these narrower, but very important questions: 1) What is translated in poetry? 2) Why is this very poetic text translated? 3) Who is a translator of poetic texts? 4) How were they translated? These questions, of course, do not exhaust the full range of issues related to poetic translation. However, the search for answers to the above questions makes it possible to observe the 'eternal' questions of the theory of translation in a more complex and detailed way.

A special place in poetic translation belongs to self-translation. Currently the phenomenon of self-translation cannot be attributed to the well-studied types of translation, although it has frequently been the subject of separate studies [Smakhtina 2004; Finkel 1962]. When we speak about self-translation, the integral part of international and intercultural communication activities concerns the following: the subject of self-translation is, primarily, a poet, and only secondly a translator. Self-translators translate their own poetry, though they can translate (and often translate) poetic lyrics of fellow writers. We will not deny that the classic ('normal') translators may themselves be poets. But in this case, the translation and poetic activities occur simultaneously and almost without overlap (if we do not consider the similarity of creative processes that integrate these activities), for the 'classic' translator works with somebody else's corpuses of texts.

The history of poetic translation numbers many poets who translated their own poetry and wrote not only in their native language, but also in foreign languages: H. Heine, A. Swinburne, O. Wilde, M. Tsvetaeva, V. Nabokov, Ch. Aitmatov, F. Iskander, Yu. Rytkheu and others. In such cases the writers appear as bilingual linguistic identities. A striking example of such a bilingual poet is Vladimir Nabokov – an interesting phenomenon of two literatures: Russian and English [Bakumenko 2006]. In a situation of self-translation of poetic texts the cognitive processes of the poet-author and the cognitive processes of the poet-translator arise only in one's mental and linguistic consciousness. The uniqueness of this situation is determined by the complete or partial removal of the cognitive dissonance which regularly restrains the 'classic' translator [Volskoboynik 2004].

One of the most outstanding poets, translators, and self-translators is definitely Joseph Brodsky, laureate of the Nobel Prize for Literature (1988). Brodsky's aptitude in literature and translation was very diverse: he created poetic texts in the Russian and English languages, translated his own works and the works of other poets. All this creative diversity, combined with fastidious self-discipline and an inexorable demand from colleagues allowed Brodsky to become not only an outstanding poet, but also a highly professional translator and self-translator.

Brodsky was always very excited about the matter of translation, as he rightly believed that the quality of the conversion of his poetic texts into other cultures by means of other languages stipulated his high reputation (outside Russia) as a translator. The poetry of Brodsky has repeatedly been the object of translation. The translation of the poet's works written in Russian was carried out with three main approaches: translation by professional translators, translation by professional translators in collaboration with the author of the poetry of the original text (co-translation) and translation performed by the author (self-translation). The poet kept reiterating that much depends on the quality of translation. And, first and foremost, the quality of translation determines the attitude of readers who do not know the language of the original and moreover belong to a 'foreign' culture. A really good translation can preserve the author's meaning and intentions, the author's personality and the author's aesthetics in the target-text. There is a fairly widespread belief that if Brodsky had lived in Russia only, translation may not have borne for him the tremendous importance and value, which he attributed to it, living in the West. Brodsky acknowledged the benefit of all translations, without exception, even those not entirely successful and even poor

translations. The poet believed that a poor translation is by no means useless or even harmful. Brodsky emphasized that weaker translations “allow the reader to surrender to his own imagination” [Brodsky 2000: 184]. For example, while analyzing translations of Anna A. Akhmatova, the poet noted that many of the features of the individual author's style and her poetic language were irretrievably lost in the translation. The text of translation bears something undoubtedly memorable, but is one-dimensional and misrepresented. Reflecting on the poetic heritage of A. Akhmatova in a broader context, Brodsky remarked that the domestic Russian audience also had to deal with the works of A. Akhmatova in a distorted form, due to the existence of strict censorship in the Soviet Union. Brodsky fairly and accurately pointed out that translation and censorship are similar according to the general principle of ‘if possible’. Language barriers in his speech were metaphorically compared with barriers of censorship, as the first were often not lower than the latter erected by the state [Brodsky 1999: 38].

In the creative heritage of Brodsky we cannot find an independent and complete author's theory of translation, which could explain the process of literary translation in general and poetic translation in particular. Nevertheless, there are well-known statements by the poet about translation, showing that Brodsky's concept of translation is based entirely on his own practical experience gained in the translation of his own texts and the texts of other poets (J. Donne, K. Palamas, W. Saba, H. Lyayp, C. Cavafy, V. Nabokov). Brodsky wrote: “I have my own views on the translation. No, I have no theory. I doubt that in this matter there can be any theory. It all depends on practice; everything is in the process of trial and error” [Brodsky 2000: 250]. Interesting discussions of translation are found in his numerous interviews and essays. On the subject of translating poetry Brodsky never shared the widespread view of V. Nabokov, R. Frost and many other theorists and practitioners of poetic translation that poetry is what is lost in translation [Volkov 1998: 58]. Brodsky was deeply convinced that any poetry is translatable. His motto regarding this issue was “Nothing is impossible” [Polukhina 1998: 52]. However, he pointed out that the same poetic text can be translated both successfully and unsuccessfully. The poet believed that the success or failure of the translation depends on how the translator is congenial to the poet, on how he is experienced, hardworking and faithful to the original text: “...the translation requires stylistic, if not psychological congeniality... timbre, tone and tempo, as reflected in the meter of the poem, are transferable” [Brodsky 1999: 104]. The idea of congeniality is one of the key ideas of Brodsky's concept of translation: the translator must be congenial to the poet and if you cannot find a congenial translator, the poet himself has to become his own congenial translator. Brodsky defends the idea that by translating his own texts, he is congenial to the author of the original, that is, himself. And this is the highest form of congeniality for Brodsky.

Brodsky's views on translation are closely linked to the author's ‘philosophy of language’, the essence of which is the poet's love or adoration of language. In this context it is natural to preserve the formal characteristics of the Russian poem in the English translation: “In these translations (English translations of Russian poets of the XX century) the emphasis is often placed on the transfer of “content” by eliminating the structural features. And this is justified by the fact that in English poetry of the XX century the main trend is free verse. I'll expand on that. The use of free verse in translation, of course, provides more or less complete information about the original –

but only at the level of “content”, not higher. So when here in the West, they discuss Mandelstam, they think that he is somewhere between Yeats and Eliot. Because the music of the original disappears. But from the point of view of local experts, in the XX century it is permissible and justified. Against which I personally get up on my hind legs...” [Volkov 1998: 57].

For Brodsky, the question of what needs to be transferred in the translation – the form or the content –has always had one definite answer – both the form and the content. Thus, the unit of translation is a definite two-sided unit (formal-content unity) with isomorphic characteristics. Brodsky insisted that all three of the formal aspects of the poem (meter, rhyme, and trope system) can and should be translated into another language in the most accurate manner. Naturally there were such inevitable situations when Brodsky the translator was forced to sacrifice the rhyme of the original text, and Brodsky the poet explained this by the fact that he did not always have time to engage in every line of poetry separately and with sufficient care [Brodsky 2000: 185]. However, the poet’s optimism regarding translation was expressed in the idea that after repeated calls to the original text as an object of translation, the translation problem can be solved successfully. Brodsky repeated the famous idea that something is lost in translation. The poet-translator said: “...you can lose this or that rhyme, but knowing that you lose it in one place, try to make up for it somehow in another line. That is, you try to maintain a certain aesthetic balance that exists in the original, and if it does exist, you just try different means to re-establish the balance in the translation” [Brodsky 2000: 250]. The idea of keeping the aesthetic balance of the original and translated poetic texts was one of the key ideas behind Brodsky’s concept of translation. So the poet ultimately considered it impossible to separate the content from the form of poetry, but somehow during the process of translation the translator can overcome their isolation, that is to say that in a sense, the form for Brodsky is the content itself. Brodsky in his discussions of the form and the content of poetry did not use the universal scientific concept of isomorphism, but the theoretical considerations and practical work of the poet and translator give strong evidence for the relevance of the isomorphism for the theory of poetic translation. If the translator takes decisions on both formal and substantive units of poetic text, from the standpoint of the principle of complementarity we can suppose the existence of formal and content unity (complex) of the poetic text. In the context of the universal category of isomorphism such unity (complex) is the isomorphic unit. Brodsky noted that the content for him was not as interesting as the translator could not extend or adorn it according to his own rules and desires. The most important thing in translation is to preserve the original structure [Brodsky 2000: 351]. What Brodsky meant by the structure of the original text can be termed in other words as the basic isomorphism of the original poetry [Razumovskaya 2007]. A main task of the translator of poetic text can be formulated as the need to preserve in the translation the basic isomorphism of the original text.

As is widely known, the translation of poetry is directly coupled not only with cross-language, but with cross-cultural issues. Since poetic literary texts are secondary semiotic systems [Lotman 1998] and participate in the formation of cultural space, we can confidently assert that the translation of poetry is also complicated by certain cross-literary problems. Thus, significant differences between the Russian and the British-American cultural and poetic traditions require extensive knowledge of the typological

and comparative literature, literary traditions, the typology of prosody and rhymes during translation. In order to successfully translate one needs to possess sufficient knowledge of national and historical literary traditions. The translator must be acquainted with the cultural realities and particularities of national literary processes of both source and target languages and, in addition, with the cultures and the languages of the original text and the text-translation. The translator must be prepared for constant linguistic and literary experimentation, and should be able to effectively carry this out. The translator must be able to overcome the influence and interference of the poetic tradition of the source language. Experts in the field of literary translation regularly draw attention to the fact that during the poetic translation the dominating trend often imposes the norms and codes of translating poetic tradition on the translated poem [Kazakova 1998: 3].

Awareness of all the features and patterns of poetic material, and the difficulties of poetic translation led to Brodsky becoming a translator of his own texts. Brodsky wrote that before taking his own texts for translation, "he had to cool down, to some extent, to abandon authorship, to look at his creation from outside 'as souls look down upon the body left'. In the translation you have to render the color of each leaf on the tree whether it is bright or dim. You see that in the original text some of the lines are clearly ugly, but maybe at the time you wrote them this was not accidental, it could correspond to some original idea. Weak lines also perform a specific function in the verses, facilitate for the reader the way to the perception of other, more important places" [Brodsky 1977: 81].

Sometimes Brodsky performed translations of his own texts in collaboration with English-speaking poets (D. Walcott, R. Wilbur, E. Hecht), but he still strictly followed his own principles of poetic translation. These English-language poets were either co-translators or editors of Brodsky. The editing of the English translated text was very important for the poet-author. It was very widely recognized that Brodsky's bilingualism was not in itself a sufficient reason for not editing by native speakers. However, excellent knowledge of the Russian (native) and English (acquired) languages allowed Brodsky to create an original Russian-English 'ghost' language. So V. Polukhina, whose scientific interest is specialized on Brodsky, believes that he intended to create a certain new dialect: to implant Russian into English and transform English into Russian. Brodsky tried to synthesize a new poetic language, based on the convergence of the two languages involved in the process of poetic translation. Foreign experts have expressed the view that Brodsky made the two languages closer together, with evidence of this bring in the poet's work [Polukhina 1998: 56].

The creative activity of Brodsky in self-translation became an object of study. The first research work devoted entirely to the 'English Brodsky' and his self-translations was the work of N. Ruliova *Joseph Brodsky: Translating Oneself* defended at Cambridge in 2000 [Ruliova 2000]. The scholar defines two aspects of 'author-translation' as a process: 'author-translation' understood by the researcher as a complex of transformations imposed on a text in the translation, and 'self-translation', which is a process of changes in the author's personality under the influence of the second language. Author-translation is the translation of the original text by the author, while self-translation is the integration of linguistic identity of the author into a foreign language environment. N. Ruliova considers the English texts of Brodsky as his dialogue (polylogue) with English-speaking poets, the English language and with his

own original text. It is this context in which the paper describes the principles of translation of Brodsky. Special attention is paid to the history and ways of formation of the linguistic identity of Brodsky, namely 'Iosif Brodskii', existing in English translation, writing to his friends from the West and attempting to 'self-translate' into English, and 'Joseph Brodsky' – the authoritarian creator of self-translations. Brodsky was both the self-translator and author-translator. The material of Ruliova's thesis proves that Brodsky was a complex creative individual, standing at the crossroads of two literary and cultural traditions; therefore his author translations should not be read as authentic English texts. On the basis of observations and conclusions N. Ruliova proposes the consideration of author translation as a special genre, indicating cross-cultural and cross-language differences and communications, and occupying a special place in the typological classification of types of translation.

One more significant work, which also examines how creative Brodsky was as the self-translator is the research by A.S. Volgina *Self-translations of Joseph Brodsky and their perception in the USA and the UK in 1972-2000 years* [Volgina 2005]. The purpose of this paper is defined by the author as an analysis of Brodsky's self-translations, the study of poet Brodsky becoming an Anglophone poet as well as the evolution of the author's personality of Joseph Brodsky (transformation of Iosif Brodskii into Joseph Brodsky). A.S. Volgina sees Brodsky's artistic principles and translation sets in the context of the author's philosophy of language, and also analyzes the mechanism of self-communication when Brodsky translated his own works into English. An important part of the research is dedicated to the personal and creative development of Brodsky in domestic and artistic aspects of bilingualism. The works written by Russian-language Iosif Brodskii and English-language Joseph Brodsky are thoroughly studied in the publications of A.S. Sosna [Sosna 2006; Sosna 2012].

Further studies of the complex linguistic identity of the outstanding poet and translator Brodsky will undoubtedly provide interesting results in such areas of studies within the humanities as stylistics, poetics, cognitive linguistics, and theory of literary translation. The phenomenon of self-translation provides a unique situation in which to highlight the key problems of poetic translation and describe the translation strategies and solutions.

Bibliography

1. Bakumenko O.N. Bilingual Lexicons in a Situation of Self-translation: the Case of Nabokov's Books of Memoirs: candidate of philology thesis: 10.02.01, 10.02.19. – Kursk, 2006.
2. Bassnett S., Lefevere A. Constructing Cultures. Essays on Literary Translation. – Clevedon: Multilingual Matters, 1998.
3. Brodsky J. Interview // Star. – 1977. – №1. – P. 80-98.
4. Brodsky J. The Big Book of interview. – Moscow: Zakharov, 2000.
5. Brodsky J. Selected Papers. – Vol.V. – St. Petersburg: Pushkin Fund, 1999.
6. Finkel A.M. On Self-translation (Based on the Author's Translation of G.F. Kvitka-Osnovyanenko) // Theory and Practice of Translation. – Leningrad: Leningrad State University, 1962. – P. 104-125.

7. Kazakova T.A. Your Stubborn Joseph: Comments to the American Translations of Poetry of Joseph Brodsky // *Atrium. Philology Series.* – 1998. – № 2. – P. 3-7.
8. Lotman Yu. Structure of a Literary Text // *On the Art.* – St. Petersburg: Iskusstvo, 1998.
9. Polukhina V. English Brodsky // *Joseph Brodsky: Creativity, Personality, Destiny: results of the three conferences.* – St. Petersburg: Star, 1998. – P. 50-51.
10. Razumovskaya V.A. Multilevel Isomorphism of Poetic Text and Translation Unit (Based on the Translations of the Russian Poetic Texts) // *Russian Language and Literature in the International Educational Space: Current Status and Prospects. Granada 7-9 May 2007.* – Vol. 2. – St. Petersburg – Granada: MIRS, 2007. – P. 1097-1102.
11. Ruliova N. Joseph Brodsky: Translating Oneself: Ph.D. dissertation thesis.– Cambridge, UK, 2000.
12. Smakhtina N.G. Correlation of Actualized Multilingual Lexicons of the Bilingual Poet in Self-Translation: on the Example of Joseph Brodsky Creative Works: candidate of philology thesis: 10.02.01, 10.02.19. – Kursk, 2004.
13. Sosna A.S. Isomorphism as a Condition or Translation within the Framework of Bilateralism of Language Sign (the Case-Study of Self-Translated Works of I. Brodsky // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences* 6 (2012 5). – P. 874-879.
14. Sosna A.S. Self-translation as a Kind of Literary Translation (Based on the Works of J. Brodsky) // *Bulletin of Krasnoyarsk State University.*– Krasnoyarsk: Publishing House of Krasnoyarsk State University, 2006. – № 6/2.– P. 67-70.
15. Volgina A.S. Self-translations of Joseph Brodsky and Their Perception in the USA and the UK in 1972-2000: candidate of philology thesis: 10.01.03. – Moscow, 2005.
16. Volkov S. Dialogues with J. Brodsky. – Moscow: Publishing House “Nezavisimaya Gazeta”, 1998.
17. Voskoboynik G.D. Identity and Cognitive Dissonance in Translation Theory and Practice // *Bulletin of Moscow State Linguistic University.* – Issue 499. – Moscow, 2004.

Contributors

Irina Alekseeva

Ph.D, Professor,
Director, St Petersburg School of Conference Interpreting and Translation,
Herzen University,
Professional conference interpreter, translator
i.s.alexeeva@gmail.com

Angelique Antonova

Ph.D, Associate Professor,
Deputy Director, St Petersburg School of Conference Interpreting and Translation,
Herzen University,
Professional interpreter, translator
angelique.antonova@peterlink.ru

Alexey Astvatsaturov,

Ph.D, Associate Professor,
Institute of Foreign Languages
astvaz1945@yandex.ru

Vera Bischitzki,

Slavist, literary translator into German, writer, freelancer
veraby@hotmail.com

Tatiana Bodrova-Gogenmos,

Ph.D, Director,
Ecole Supérieure d'Interprètes et de Traducteurs (ESIT),
University Paris-3, Sorbonne,
Professional conference interpreter, translator
tatiana.bodrova@univ-paris3.fr

Alexandra Borisenko,

Ph.D, Associate Professor,
Moscow State University,

Professional conference interpreter, translator

alexandra.borisenko@gmail.com

Sergey Goncharov,

D.Phil., Professor, First Vice Rector,

Herzen University

prorect10@herzen.spb.ru

Konstantin Ivanov,

Trainer, Faculté de Traduction et d'Interprétation (FTI),

Geneva University,

Professional conference interpreter, translator

kivanov@sunrise.ch

Viktor Kabakchi

D.Phil., Professor,

Lecturer, St Petersburg School of Conference Interpreting and Translation,
Herzen University

vkabakchi@gmail.com

Viacheslav Kashkin,

D.Phil., Professor,

Head the Department of Translation Theory and Intercultural Communication,

Voronezh University

Professional translator

kashkin2000@mail.ru

Tamara Kazakova,

D.Phil., Professor,

St Petersburg State University,

Professional translator, member of the Union of Translators of Russia

tamakaza@gmail.com

Vladimir Litus,

Trainer,

St Petersburg School of Conference Interpreting and Translation,

Herzen University,

Professional translator

vl0302@rbcmil.ru

Barbara Moser-Mercer,

Ph.D, Pprofessor, Faculté de Traduction et d'Interprétation (FTI),

Geneva University,

Professional conference interpreter

barbara.moser@mac.com

Noel Muylle,

Honorary President, the European Commission,

Honorary Vice President,

St Petersburg School of Conference Interpreting and Translation

muyllen@yahoo.com

Veronica Razumovskaya,

Ph.D, Associate Professor,

Dean, Foreign languages department,

Siberian Federal University

veronica_raz@hotmail.com

Yury Shashkov,

Ph.D, Associate Professor,

St Petersburg School of Conference Interpreting and Translation,
Herzen University,
Professional conference interpreter, translator
yury1946@mail.ru

Victor Sonkin,

Ph.D, literary scholar, critic, and author,
Professional conference interpreter, translator
suborno@gmail.com

Magdalena Olivera Tovar-Espada,

Trainer, Faculté de Traduction et d'Interprétation (FTI),
Geneva University,
Professional conference interpreter
Magdalena.Olivera@unige.ch

Oxana Yakimenko,

Ph.D, Associate Professor,
St Petersburg State University;
St Petersburg School of Conference Interpreting and Translation,
Herzen University,
Professional conference interpreter, translator
oxana.yakimenko@gmail.com

Alexey Zherebin,

D.Phil., Professor,
Herzen University
zerebin@mail.ru